Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»
№ 2 (34) 2012
ISSN 1996-0522

Учредитель
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель
Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ
Философия
С. В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю. Г. Ершов – д.ф.н., профессор
В. А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А. В. Павлов – д.ф.н., профессор
В. Д. Попов – д.ф.н., профессор
А. С. Чупров – д.ф.н., профессор
Политология
С. Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А. В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О. Ф. Русакова – д.полит.н., профессор
Социология
Е. В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н. Б. Костина – д.с.н., профессор
Юриспруденция
В. Г. Графский – д.ю.н., профессор
С. В. Кодан – д.ю.н., профессор
А. Б. Сергеев – д.ю.н., профессор
Экономика
О. В. Артемова – д.э.н., профессор
Т. Ю. Савченко – к.э.н., доцент
Культурология
С. С.Загребин – д.и.н., профессор
Л. Б. Зубанова – д.культурологии, доцент
А. Н. Лукин – к.культурологии, доцент
История
С. В. Нечаева – к.и.н., доцент
В. Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С. С. Смирнов – д.и.н., профессор

Главный редактор
доктор политических наук,
профессор С. Г. Зырянов

Заместитель главного редактора
доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров

Редакция
А. Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С. Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е. В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А. В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и права
Т. Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления
С. С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В. Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А. В. Павлов – ответственный
за международные контакты

Ответственный секретарь
кандидат философских наук А. А. Куштым

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.

Подписано в печать 11.04.2012 г.
Формат 70x108 1/16. Печ. л. 8,75.
Тираж 1000 экз. Заказ № 257.
Гарнитура FreeSet. Печать офсет.
Издание подготовлено к печати
и отпечатано
Издательским центром «Академия»,
625017, г. Тюмень,
ул. Авторемонтная, 18, стр. 5
Тел./факс: (3452) 68-23-92
E-mail: press@whiteship.ru

Цена свободная

СОЦИУМ

Н. С. Зырянова
Особенности рекламного текста
как средства коммуникации
в обществе массового потребления 5

В. Н. Бузин
Медиапространство
в структуре социального пространства 9

Л. М. Аманова, Е. Г. Прилукова
Роль массмедиа в политической социализации 14

Г. Д. Золина
Массмедиа и имидж региона 17

В. В. Реймер, Н. С. Манаков
Бедность в России:
масштабы и структурные особенности 22

М. А. Фельдман
Социальные аспекты образовательной реформы
в современной России (2009–2010 гг.) 25

В. В. Скоробогацкий
Взаимосвязь институционального
и эволюционного подходов
в социальном познании 28

ВЛАСТЬ

О. В. Шмурыгина
О содержательном потенциале
концепта потестарности 34

А. А. Борисенков
Политический режим –
способ политического влияния 38

Н. С. Бердникова, О. Б. Подвинцев
Трансформация моделей управления в крупных
российских городах на рубеже 2000–2010-х гг.:
Пермь, Екатеринбург, Омск 43

П. Н. Киричёк
Пресса и власть: фокус гиперболоида 51

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

С. М. Кондратьев
Органы местного самоуправления
в государствах с континентальной системой права 57

А. В. Денисов
Особенности правового регулирования государственной
дипломатической службы в Российской Федерации 62

Г. Г. Пиликин
Финансовое законодательство в системе
факторов создания инновационной экономики
(юридико-технологический аспект) 67

Д. А. Гарбатович
Эффективность уголовно-правовой политики
в отношении налоговых преступлений 73

А. М. Баранов, Я. М. Мазунин
Проблемы законодательного регулирования
производства предварительных
специальных исследований 77

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ

Научный журнал «СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций
должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 140

Ваши материалы направляйте в редакцию по адресу:
454071, г. Челябинск, а/я 6511
Телефон редакции:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Адрес в Интернет:
http://rane74.ru

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи

Подписной индекс по Российской Федерации 46536

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В. А. Лоскутов
Кризис управления кризисом: социологический анализ 80
Публикация отозвана 25.05.2023

Б. Ю. Берзин
Ценностные ориентации государственных служащих в системе регуляции поведения 85

М. Н. Судаков
Влияние волевого ресурса руководителя на характер социального взаимодействия 89

Н. А. Квасова, Е. В. Шестопалов
Мониторинг культурного пространства хозяйственного образования с позиции рационализации его деятельности 93

Т. А. Егорова
Развитие институционально-правовых основ прогнозирования и управления доходами федерального бюджета 98

Р. И. Кантор, А. Н. Артемова
Оценка эффективности региональной экономики на основе результатов анализа финансовых потоков совокупности предприятий региона 103

Т. И. Бухтиярова, Е. В. Федорова
Организация товародвижения розничных предприятий с использованием логистического подхода 107

КУЛЬТУРА

А. В. Павлов
Морализм европейского Модерна 114

Ю. В. Ларин
Проблема будущего в проекции природы человека 119

ИСТОРИЯ

В. В. Шишков
Территориальная экспансия Российской империи: от расширения к политической интеграции и унификации пространства 124

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

Т. В. Филипповская
Векордизм, дефицит социализирующего знания в практиках повседневности и современной социологии 129

Scientific journal
«SOCIUM and POWER»
№ 2 (34) 2012
ISSN 1996–0522

Founded by
«Ural Academy of Public Administration» and
«Institute of urban development»

Published by
Chelyabinsk institute (branch) of
the Ural Academy of Public Administration

BOARD OF EXPERTS
Philosophy
S. V. Borisov — Ph. D., professor
Yu. G. Ershov — Ph. D., professor
V. A. Loskutov — Ph. D., Professor
A. V. Pavlov — Ph. D., Professor
V. D. Popov — Ph. D., Professor
A. S. Chuprov — Ph. D., Professor
Political Science
S. G. Zyrianov — Dr. Sc. (Political Science), Professor
A. V. Ponedelkov — Dr. Sc. (Political Science), Professor
O. F. Rusakova — Dr. Sc. (Political Science), Professor
Sociology
E. V. Grunt — Ph. D., Professor
N. B. Kostina — Dr.Sc. (Sociology), Professor
Law
V. G. Grafskiy — LLD, Professor
S. V. Kodan — LLD, Professor
A. B. Sergeev — LLD, Professor
Economics and Administration
O. V. Artyomova — Dr. Sc. (Economics), Professor
T.Yu. Savchenko — Cand. Sc. (Economics), Assistant Professor
Cultural Studies
S. S. Zagrebin — Dr. Sc. (History), Professor
L. B. Zubanova — Dr. Sc. (Cultural Studies), Assistant Professor
A. N. Lukin — Cand. Sc. (Cultural Studies), Assistant Professor
History
S. V. Nechaeva — Cand. Sc. (History), Assistant Professor
V. N. Novoselov — Dr. Sc. (History), Professor
S. S. Smirnov — Dr. Sc. (History), Professor

Editor–in–Chief
Doctor of Political Science,
Professor S. G. Zyryanov

Deputy Chief Editor
Doctor of Philosophy,
Professor A. S. Chuprov

Editorial board
A. N. Lukin — Head of Philosophy Dept
S. G. Zyrianov — Head of Political Science Dept
E. V. Grunt — Head of Sociology Dept
A. V. Ylyinykh — Head of Law and State Dept
T.Yu. Savchenko — Economics and management
S. S. Zagrebin — Head of Cultural Studies Dept
V. N. Novoselov — Head of History Dept
A. V. Pavlov — International Relations

Executive editor
Cand. Sc. (Philosophy)
A. A. Kushtym

Certificate of Registration
PI № 77–48298 of 11.04.2012

Passed for printing on April 11, 2012.
Format: 70x108 1/16. Signatures: 8.75.
Circulation: 1,000 copies. Order #257.
Font family: 'FreeSet'. Offset printing.
The publication was prepared and printed by the 'Academia' Publishing Center.
Bldg 5, 18 Avtoremontnaya St,
Tyumen, Russia, 625017.
Phone/Fax: +7 3452 682392

Free price

SOCIETY

N. S. Zyryanova
Features of the advertising text as a means of communication in the mass consumption societyя 5

V. N. Buzin
Media space in the structure of social space 9

L. M. Amanova, E. G. Prilukova
Role of mass media in political socialization 14

G. D. Zolina
Mass media and the image of a region 17

V. V. Reimer, N. S. Manakov
Poverty in Russia: the extent and structural features 22

M. A. Feldman
Social aspects of the education reform in contemporary Russia (2009-2010) 25

V. V. Skorobogatskiy
Correlation of the institutional and evolutional approaches in social cognition 28

POWER

O. V. Shmurygina
On the content potential of the concept of potestarity 34

A. A. Borisenkov
Political regime – a way of political influence 38

N. S. Berdnikova, O. B. Podvintsev
Transformation of governance models in major Russian cities in 2000-2010's: Perm, Yekaterinburg, Omsk 43

P. N. Kirichek
Press and power: the hyperboloid focus 51

STATE AND LAW

S. M. Kondratiev
Local government bodies in states with continental systems of law 57

A. V. Denisov
Peculiarities of legal regulation of the state diplomatic service of the Russian Federation 62

G. G. Pilikin
Financial legislation in the system of the innovative economy creation factors (legal and technological aspects) 67

D. A. Garbatovich
Effectiveness of penal policy towards tax crimes 73

A. M. Baranov, Ya. M. Mazunin
Issues of legislative regulation of the process of preliminary special investigations 77

INFORMATION FOR READERS AND AUTHORS

Scientific journal «SOCIUM AND POWER »

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics
must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included in **the list of leading reviewed scientific journals and publications**, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140

Please send your articles to the editor's office at:
454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Website:
http://rane74.ru

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published six times a year, is distributed by subscription at post offices

Subscription index in Russia 46536

ECONOMICS AND ADMINISTRATION

V. A. Loskutov Retracted 25.05.2023
Crisis management crisis:
a sociological analysis 80

B. Yu. Berzin
Value orientations of civil servants
in the behavior regulation system 85

M. N. Sudakov
Influence of the strong will resource
of an organization leader
on the nature of social interaction 89

N. A. Kvasova, E. V. Shestopalov
Monitoring of the cultural space
of an economic organization from
the perspective of rationalization of its activities 93

T. A. Egorova
Development of institutional and legal foundations
of prognostication and management
of the federal budget incomes 98

R. I. Kantor, A. N. Artemova
Assessment of regional economy efficiency
on the basis of the results of the analysis
of cash flows of the totality of a region's enterprises 103

T. I. Bukhtiyarova, E. V. Fedorova
Arrangement of goods movement by retailers
with the use of the logistic approach 107

CULTURE

A. V. Pavlov
Moralism of the European Modern 114

Yu. V. Larin
Issue of the future
in the projection of human nature 119

HISTORY

V. V. Shishkov
Territorial expansion of the Russian Empire:
from expansion to political integration
and unification of space 124

DISCUSSIONS AND CONTROVERSY

T. V. Filippovskaya
Vekordism, lack of socializing knowledge
in everyday life practices
and modern sociology 129

ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА КАК СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В ОБЩЕСТВЕ МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

УДК 141

Н. С. ЗЫРЯНОВА

Основным каналом получения информации, способом приобщения к миру и его событиям, посредником в формировании культуры, а также важнейшим фактором, трансформирующим всю систему духовного производства, являются именно средства массовой коммуникации, творящие некий информационный мономир, особую «инфосферу», обладающую чертами глобальности, как принципиально новую среду пребывания современного человека. Ее отличительными особенностями становятся универсальность и тотальность распространения. Особый статус информации изначально определяется ее функцией в механизмах культурного творчества, где отчужденное от индивидуального носителя знание превращается в информацию, обобществляемую в системе коммуникации, а качество социализации определяется именно количеством и качеством получаемой информации.

Особенности культурного развития, тип социальных связей и взаимодействий, стратегии получения, хранения и трансляции информации, черты преемственности во многом обусловлены спецификой доминирующей в данный исторический период коммуникации.

Коммуникация решает важные задачи в процессе своего осуществления. Одна из них — интеграция индивидов в группы и общности, а затем — в целостную систему-общество.

Характер и особенности коммуникативных процессов современного общества наиболее точно выражает аспект «массовости». Исследуя эволюцию понятия «масса» преимущественно в западной социологической литературе, А. К. Ашин полагает, что данный термин употребляется в двух главных контекстах: «массового психологического феномена» и «массового общества», причем феномен массовых явлений (таких, как толпа) предшествует массе (сплоченности людей на крупном индустриальном предприятии) как феномену «массового общества» [1]. Концепция «массового общества» возникает как реакция на две тенденции исторического развития, проявившиеся особенно ярко на рубеже XIX–XX веков: 1) демократизацию культуры и активизацию на рубеже веков народных масс как творцов истории и 2) разрушение сословий, основанных на кровном родстве, и появление классов, формирующихся по социально-экономическому признаку; этот процесс «дестратификации» западные социологи рассматривают как движение в сторону ликвидации классовых антагонизмов.

Именно на рубеже XIX–XX веков на феномене толпы фокусируется интерес исследователей самых разных областей знания. Уже с конца XIX века появляются первые исследования, посвященные «психологии толпы», Г. Тарда, Г. Лебона, У. Мак-Дауголла, З. Фрейда и др. Данная проблема разрабатывается и в России В. М. Бехтеревым, Н. К. Михайловским, Л. Н. Войтоловским. Интерес к этой теме объясняется тем, что «... неисчерпаемым источником для изучения коллективных движений являются эпохи общественных подъемов во все времена и у всех народов: войны, революции, бунты, крестовые походы и проч... Но социализация жизни и все возрастающее могущество масс содействует появлению новых соборных организмов, скованных единством места и чувства. Таковы: артели, армии, заводы, фабрики, театральные зрелища, парламенты, вообще всякие модные собрания, связанные с условиями совместной физической и психической деятельности» [4, с. 34].

Эволюция понятия «масса» в концепциях «массового общества» шла через создание модели массы как толпы, растворяющей индивидуальность, складывающейся на почве утраты целостности личности, но, тем не менее, рвущейся к власти, которой надо преградить путь (Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет), через истолкование категории «масса», введенной в 30-х годах Л. фон Визе, как разделяемой на «латентную» (лишенную прочных социальных корней и традиций, неуверенную, мятущуюся) и «наличную», или «актуальную», готовую на экстремист-

ские действия. К. Маннгейм и Э. Ледерер понимали массу как консервативную силу, управляемую элитой, Д. Рисмен, Э. Фромм, Г. Маркузе – как «толпу одиноких», дезинтегрированных, «одномерных», отчужденных людей, в которой человек теряет свою индивидуальность и, по выражению Э. Фромма, «бежит от свободы», личность становится ориентированной извне и уподобляется «человеку-локатору» (Д. Рисмен), а интерсубъективные отношения проявляются в форме недоверия и враждебности. Во фрейдистских концепциях толпа трактуется как сфера отношений, где в человеке восстанавливаются инстинкты и эмоции, подавленные условиями жизни в социуме. Иными словами, масса – совокупность атомизированных индивидов; человек же, как часть массы становится воплощением стадности, шаблонности и унифицированности. В основу сущностной характеристики подобного индивида могут быть положены такие его свойства, как обезличенность, замена индивидуальности инстинктивными реакциями («массовое опьянение», «массовое безумие»), преобладание эмоции над разумом, понижение интеллекта массы по сравнению с интеллектом составляющих ее единиц (масса – «сниженный уровень человечества»), утрата личной ответственности, нарушение контроля за своими действиями. Характерно, что в конце 50–60-х годов XX века Э. Шиле, Д. Мартиндейл и др. трактуют «массовизацию» как такой процесс усреднения образа жизни, когда массы получают возможность потреблять то, что ранее было доступно лишь элите.

Ж. Бодрийяр называет современное состояние общества массой. Дать определение массе, по словам самого философа, невозможно, поскольку это означало бы «придать смысл тому, что его не имеет». Используя скорее поэтический, чем научный стиль, он описывает ее как имплозивное явление, «черную дыру», в которой «все измерения вгибаются внутрь себя и свертываются в ничто, оставляя позади себя только поглощение» [2, с. 14]. Масса нивелирует все традиционные основы социального – Государство, Историю, Культуру, Смысл. Поэтому с приходом массы наступает «конец социального» и происходят радикальные трансформации с понятиями «смысл» и «знание».

По мысли Бодрийяра, «рациональная коммуникация и массы несовместимы». Истина, смысл, знание исчезают. Все призывы к повышению уровня осведомленности масс, основанные на логике здравомыслия, бесперспективны, массам не нужен ни смысл, ни знание, ни истина. Им интересны только зрелища и знаковость. Отказ от здравомыслия вызван, как полагает Бодрийяр, чувством масс, что «за гегемонией смысла стоит террор схематизации», поэтому они интуитивно стремятся перевести «все артикулированные дискурсы в плоскость иррационального и безосновного, туда, где никакие знаки смыслом уже не обладают и где любой из них тратит силы на то, чтобы завораживать и околдовывать, – в плоскость зрелищного» [2, с. 15].

Современная культура, согласно Бодрийяру, – это знаковая культура. Ее специфика состоит в том, что за потоком знаков не кроется никакая реальность. Это означающие без означаемого- симулякр. Поскольку никакой действительности, которая могла стать источником для порождения новых знаков, не существует, знаки порождают сами себя. «Когда вещи, знаки, действия освобождаются от своих идей и концепций, от сущности и ценности, от происхождения и предназначения, – пишет Бодрийяр, – они вступают на путь бесконечного самовоспроизводства. Все сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез. Оно продолжает функционировать при полном безразличии к собственному содержанию. И парадокс в том, что такое функционирование нисколько не страдает от этого, а, напротив, становится все более совершенным» [3, с. 11–12].

Представления о культуре начинаются и заканчиваются экраном телевизора, за потоком зрелищных знаков ничего не стоят. Но констатации данного факта недостаточно. Специфику эпохи «пост» определяет то, что «никто не переживает по этому поводу». У массы нет спроса на смысл, нет желания реальности. Поэтому разговоры о манипулировании массой несостоятельны. Массой нельзя манипулировать, любые попытки воздействовать на массу обречены, так как она поглощает и нивелирует любое усилие, в этой пучине тонет всякий смысл. Власть еще прибывает в иллюзорном представлении о возможностях своей силы тотально влиять на массовое сознание, не замечая или не желая замечать тот факт, что масса – образование настолько индифферентное, апатичное и анонимное, что самим своим существованием «губит и политическую волю, и политическую репрезентацию» [3, с. 29].

В связи с этим особый интерес представляет психология массы, связанной «коллективным сосредоточением и коллективным наблюдением», объединенной принадлежностью к зрелищам и представлениям разного рода. Здесь актуальными оказываются исследования Х. Блюмера, утверждавшего, что социально-психологическими взаимоотношениями массовизации охвачены и не находящиеся в непосредственной физической близости друг к другу люди, обособленные и атомизированные, но сохраняющие ряд характеристик, свойственных взаимодействию индивидов в толпе. В данном случае эквивалентом массы выступает публика, а участника толпы – зритель.

Различие характера эмоции у толпы и публики, по замечанию Л. Н. Войтоловского, стоит в зависимости от цементирующего чувства. «Театральный зал, например, состоящий из разнородных элементов, переживающих эмоцию эстетически, т. е. не заинтересованных кровно в происходящем перед ними, значительно отличается от митинга рудокопов, обсуждающих предстоящую забастовку» [4, с. 29]. Преимущества публики перед толпой были отмечены еще в 1903 г. Тардом, писавшим о «гораздо большей нетерпимости всякой толпы, а, следовательно, и всякой нации, среди которой преобладает дух толпы», нежели публики, более пассивной и «цивилизованной», и делавшим вывод о желательности «постепенной замены толпы публикой, ибо такое преобразование всегда сопровождается выигрышем в терпимости, если и ведет даже к сомнению, к скептицизму» [6, с. 9–10]. Принципиально иная разновидность публики, воспринимающей произведение совокупно, но не соборно, возникает с появлением периодической печати и ширится множественно с введением в обиход TV, радио, магнитофона. Это «спиритуальная коллективность, сосуществование индивидов, физически отдаленных друг от друга, но между которыми существует умственная связь» [7].

Безусловно, стремление к соборности восприятия в сообществе есть проявление родового человеческого «социального инстинкта», каковой «... будучи элементом сложного стремления к общительности, значительно влияет на формы отдыха даже у культурных классов и является источником немалой доли удовольствия... в театре, на концертах, на лекциях и т. п. развлечениях» [5, с. 64], и, тем не менее, само коллективное восприятие отличается от индивидуального тенденциозностью и нивелированностью.

Следует отметить, что состояние современного общества, образа жизни, именуемое постмодерном, имеет много обликов и моделей. Это и «постиндустриальное общество» Д. Белла, «сверхиндустриальное общество» Э. Тоффлера, «информационное общество» М. Кастельса и Ф. Уэбстера. Мы видим, что здесь критерии разграничения обществ лежат в сфере отношений человека с природой, машинами и другими людьми. Первое (доиндустриальное) общество есть воплощение взаимодействия человека с дикой природой, второе (индустриальное) – взаимодействие человека с преобразованной природой, или машинами, третье (постиндустриальное) – взаимодействие человека с человеком, или игры между людьми. Информационное общество – это новый этап развития человеческой цивилизации, характеризующийся в первую очередь высокой скоростью коммуникативных процессов, которая обеспечивается наукоемкими, высокотехнологичными средствами – микропроцессорными технологиями и сетью Интернет. Информационные ресурсы рассматриваются как самый большой потенциальный источник капитала, а информация является производительной силой. Информация становится предметом массового потребления и доступна каждому благодаря относительной ее дешевизне. Мгновенность передачи информации изменяет масштабы событий, и в обществе появляются предпосылки для создания единого, фактически безграничного пространства, возможности которого сегодня демонстрирует Интернет. Эту же роль играет и современная реклама. Она вовлекает членов массового общества в процесс коммуникации по поводу удовлетворения потребностей прежде всего в материальном обеспечении жизни, а следовательно, и в услугах определенных социальных институтов, обеспечивающих социальную интеграцию индивидов по принципу « жить как все». Это синергетический эффект современного образа жизни в массовом обществе.

Характерным является то, что современное общество в корне меняет акценты в отношении массового сознания и массовой культуры. Массовая культура приобретает глобальный и тотальный характер. Если

раньше массы просто игнорировались элитами, выводились из сферы гражданской жизни, то сейчас общество заинтересовано, чтобы в экономику, в культуру, в общественную жизнь, в образование были втянуты как можно большее количество людей. А это возможно только при включенности их в общую структуру коммуникации.

С другой стороны, современная коммуникация осуществляет внутреннюю дифференциацию общества, обособление различных социальных общностей друг от друга в процессе их общения и взаимодействия. Реклама также имеет дихотомическую структуру, соответствующую этой функции коммуникации. Давая представление о товарах и услугах через формально-динамические тексты, формируя стереотипы восприятия, реклама как средство коммуникации способна устанавливать статусообразующее положение товара или услуги. Селективная функция рекламы заключается в избирательном воздействии на определенные социальные группы. Люди конкретной социодемографической категории (одного возраста, пола, уровня доходов и т. п.) часто ведут себя одинаково, выбирают одинаковое содержание в массмедиа, одинаково интерпретируют его, избирательно запоминают и реагируют на информацию.

Отсюда и особенности рекламных текстов, рассчитанных на различную аудиторию. Поэтому структура рекламных текстов может быть также различной:

• слоган (девиз или лозунг фирмы-производителя, отражающий ее философию и политику) – справочные данные;

• слоган – заголовок (способ отразить суть рекламного сообщения) – справочные данные;

• слоган – основной рекламный текст (как правило, аргументация, доказывающая истинность заголовка) – справочные данные;

• слоган – заголовок – основной рекламный текст – справочные данные.

Многообразие структур рекламных текстов свидетельствует о проявлении в области коммуникаций такой тенденции, как демассовизация.

Первым это явлении описал Э. Тоффлер в книге «Третья волна» [8, с. 226].

Сегодня не массы людей получают одну и ту же информацию, а небольшие группы населения обмениваются созданными ими самими образами. Происходит фрагментация аудитории. Этот процесс связан с процессами глобализации, с одной стороны, и противоречиями и парадоксами информационно-электронной революции, с другой.

Таким образом, реклама выступает средством массовой коммуникации, что отражается в знаковой культуре современного общества, а также способствует неоднозначности действий людей в массовом обществе.

1. Ашин А. К. Миф об элите и «массовом обществе» [Текст] / А. К. Ашин. – М., 1966.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального [Текст] / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000.
3. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла [Текст] / Ж. Бодрийяр – М. : Добросвет, 2000.
4. Войтоловский Л. Н. Очерки коллективной психологии: в 2 ч. Ч. I. Психология масс [Текст] / Л. Н. Войтоловский. – М., 1923.
5. Мак-Дауголл У. Основные проблемы социальной психологии [Текст] / У. Мак-Дауголл. – М. : Колос, 1916.
6. Тард Г. Законы подражания [Текст] / Г. Тард. – СПб., 1892.
7. Тард Г. Социальные законы. Личное творчество среди законов природы и общества [Текст] / Г. Тард. – СПб., 1906.
8. Тоффлер Э. Третья волна [Текст] / Э. Тоффлер. – М., 1999.

МЕДИАПРОСТРАНСТВО В СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 316.77

В. Н. БУЗИН

В современной социологии придается большое значение информационному измерению. Так, Г. Шиллер считает информационное измерение наиболее важной подструктурой социального пространства. Социальная стратификация в обществе в информационную эпоху изменяет свою специфику. На первый план выходит платежеспособность как фактор, определяющий доступ и создание информации. Чем ниже стоит человек на социальной лестнице, тем ниже качество информации, которую он может получить. Доступ к информации становится функцией имущественного состояния и дохода. В обществе усиливается дифференциация по признаку информационного «иметь» и «не иметь», превращая тех, кто не имеет – а их в информационную эпоху подавляющее большинство – в существа еще более зависимые от немногочисленных генераторов, обработчиков и передатчиков информации [14, p. 88]. В информационном измерении социальное пространство не только по-иному структурируется. В нем реальные отношения все больше подменяются виртуальными. Виртуализация в данном случае понимается как любое замещение реальности её симуляцией/образом.

Поскольку социальное пространство может быть представлено с помощью бесчисленного множества подпространств, различающихся своим объемом и структурой, то логичным будет выделение одного из многих видов социального пространства, но достаточно важного с нашей точки зрения – медиапространства. В данном случае критерием выделения такого пространства является отношение к производству и потреблению массовой информации в средствах массовой коммуникации.

Само понятие медиапространства достаточно ново. В социологический дискурс оно было введено в 1990 году А. Аппадураи в работе «Разъединение и различие в глобальной культур-экономике» [8], идеи которой были в дальнейшем развиты в вышедшей в 1996 году книге «Современность в полный рост: Культурные измерения глобализации» [9] в рамках обсуждения теорий глобализации. А. Аппадураи радикализировал противопоставление теории глобализации и мир-системной теории, акцентируя примат культурного-символического и феноменологического. Глобализацию он рассматривает как детерриторизацию – утрату привязки социальных процессов к физическому пространству. В ходе глобализации формируется «глобальный культурный поток», который распадается на пять культурно-символических пространств-потоков (landscapes): этнопространство (ethnoscape) образуется потоком туристов, иммигрантов, беженцев, гастарбайтеров; технопространство (technoscape) – потоком технологий; финанспространство (finanscape) – потоком капиталов; медиапространство (mediascape) – потоком образов; идеопространство (ideoscape) – потоком идеологем. Эти текучие, нестабильные пространства являются строительными блоками тех воображаемых миров, в которых люди взаимодействуют, и взаимодействие это носит характер символических обменов.

Анализируя проблемы глобализации в сфере культуры, М. Уотерс, опираясь на концепцию А. Аппадураи, но несколько видоизменив классификацию пространств-потоков, сориентировал ее на концепцию симулякров Ж. Бодрийяра [1]. «Измерениями» культуры в теории М. Уотерса являются: сакропространство (sacriscape), образуемое потоком симулякров религиозности; этнопространство (ethnoscape), образуемое потоком симулякров этнической идентичности; экономпространство (econoscape), образуемое потоком симулякров стоимости и капитала; медиапространство (mediascape), образуемое потоком симулякров информации; досуг-пространство (leisurescape), образуемое потоком симулякров развлечений и впечатлений, например туристических [15].

Надо заметить, что для большинства работ, оперирующих различением реального и виртуального, является созданная в середине 1970-х – начале 1980-х годов концепция «упадка реальности» Ж. Бодрийяра. Ж. Бодрийяр первым к концу 1980-х годов стал использовать метафору виртуальности при описании современных социальных процессов [2]. Термин «виртуализация» для обозначения социальных процессов активно вводится в научный оборот с середины 1990-х годов А. Крокером, А. Бюлем, М. Паэтау и питерским социологом Д. В. Ивановым [4]. Виртуализация в этих теориях в общем понимается как любое замещение реальности ее симуляцией/образом – не обязательно с помощью компьютерной техники, но обязательно с применением логики виртуальной реальности. Эту логику можно наблюдать и там, где компьютеры непосредственно не используются. Например,

виртуальной экономикой можно назвать и ту, в которой хозяйственные операции ведутся преимущественно через Интернет, и ту, в которой спекуляции на фондовой бирже преобладают над материальным производством. Виртуальной политикой можно назвать борьбу за власть и посредством агитации с помощью веб-страниц или пресс-конференций в Интернет, и посредством рекламных акций в телестудии или на концертной площадке. Определение социальных феноменов с помощью понятия «виртуальность» уместно тогда, когда конкуренция образов замещает конкуренцию институционально определенных действий – экономических, политических и др. Социальное содержание виртуализации – симуляция институционального строя общества – первична по отношению к содержанию техническому. Общее представление о феномене замещения реальности образами позволяет разрабатывать собственно социологический подход: не компьютеризация жизни виртуализирует общество, а виртуализация общества компьютеризирует жизнь. Распространение технологий виртуальной реальности вызывается стремлением компенсировать с помощью компьютерных симуляций дефицит социальной реальности.

Ядром, организующим медиапространство, выступает массовая информация. Поэтому все объекты (социальные институты, социальные организации, группы и отдельные личности), имеющие отношение к производству и потреблению информации, должны органично входить в это пространство. В этом смысле медиапространство представляет собой систему отношений по поводу производства и потребления массовой информации.

Одна из причин такого поворота к признанию значимости медиапространства в современной науке видится в виртуализации социальных процессов. А средства массовой коммуникации играют в этом процессе далеко не последнюю роль.

Собственно, обозначение роли средств массовой коммуникации, хотя и с некоторой натяжкой, можно увидеть у Р. Парка и Е. Берджеса во «Введении в науку социологии», которые в главе «Социальные контакты» пишут: «Фундаментальный социальный процесс есть взаимодействие. Взаимодействие бывает (а) с лицами и (б) групп с группами. Самый простой аспект взаимодействия, или его первая фаза, это контакт. Контакт можно рассматривать как начальную стадию взаимодействия, подготовительную для последующих стадий» [12, p. 280]. В связи с понятием контакта они вводят понятие социального пространства: «Для определенных целей может быть удобно понимать контакт в терминах пространства. Тогда контакты лиц и группы лиц могут быть изображены в единицах социальной дистанции [12, p. 282]. Собственно социальное пространство они выстраивают вокруг понятия социального взаимодействия.

Можно также вспомнить, что Г. Зиммель приводит в качестве примера частного пространства пространство ценностей – то есть некий аналог общественного мнения. А общественной мнение во многом в настоящее время является продуктом средств массовой коммуникации.

Медиапространство можно интерпретировать как особую реальность, которую нельзя полностью визуализировать и которая организует практики и представления агентов, производящих и потребляющих массовую информацию посредством средств массовой коммуникации, которые составляют объективную/физическую основу медиапространства. По определению Н. Лумана, «понятием масс-медиа должны быть охвачены все общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений. Прежде всего подразумеваются книги, журналы, газеты, изготавливаемые на печатном станке, а также результаты всякого рода фото- или электронного копирования, в том случае, если массовые продукты производятся ими не для определенных адресатов. Распространение сообщений в эфире также попадает под это понятие, если сообщения общедоступны, не служат исключительно для телефонной связи отдельных адресатов» [5]. Но в нашей работе мы будем придерживаться более узкого и традиционного понимания средств массовой коммуникации. Собственно, различие между ними достаточно условное: «с какого количества зерен начинается кучка», то есть с размера аудитории и скорости обновления информации в том физическом или виртуальном носителе, который мы относим к средству массовой информации.

Для анализа структуры медиапространства ряд исследователей привлекает трехчленную схему А. Лефевра [7], которая охватывает масс-медиа, и две формы репрезентации физического пространства в виде социальных отношений по поводу производства массовой информации, и сложные символические системы, возникающие в результате этого производства. Согласно этой схеме в медиапространстве выделяется следующая структура: масс-медиа, составляющие материальную основу производства и передачи массовой информации; социальные отношения агентов, связанные с производством и потреблением массовой информации; информационный

символический продукт, в форме которого распространяется массовая информация. Привлечение схемы А. Лефевра достаточно популярно. Так, современный японский исследователь Й. Аватани использует её для анализа «пользователей» медиапространства [10].

Системообразующим компонентом современного медиапространства справедливо считается телевидение. Телепространство обладает такими характеристиками, как дискретность, неравномерность, способность программировать медиапространство и влиять на все остальное социальное пространство. Коммерциализация негативным образом сказалась на всех акторах российского медиапространства, но наибольший ущерб, с точки зрения автора, она нанесла содержанию телепространства. Медиапространство в целом вынуждено следовать логике развития, которую навязывает телевидение, так как это способствует притоку социального и финансового капитала к тем акторам, которым удалось позиционировать себя в этом пространстве. Отсутствие в медиапространстве России такого некоммерциализированного структурного компонента, как общественное телевидение, негативно влияет на все медиапространство и тормозит формирование гражданского общества в России.

Современное медиапространство представляет собой систему, акторы которой взаимодействуют по сетевому принципу. Организация медиапространства в единую сеть становится возможной благодаря Интернету. Если медиапространство в целом является репрезентацией социального пространства, то Интернет в информационном аспекте, согласно взглядам, идущим от Э. Кастельса, является репрезентацией самого медиапространства. Важность этого компонента он объясняет также тем, что наиболее образованная и критически мыслящая часть аудитории телевидения – лидеры мнений, не желающие отказываться от своих культурных и информационных притязаний, имеют возможность покинуть телепространство, компенсируя возникший дефицит некоммерческой медиапродукции активным освоением пространства Интернета. Такой подход, на наш взгляд, является следствием несколько идеализированного представления о давно уже коммерциализированном Интернете. В настоящее время Интернет, так же как и телевидение, достаточно сильно политизирован и коммерциализирован. Создание и поддержание в рабочем состоянии сайтов требует значительных затрат, диапазон которых достаточно велик: от нескольких тысяч до нескольких десятков миллионов рублей в год. Хотя надо признать, что это значительно дешевле, чем содержание телевизионного канала.

К анализу медиапространства привлекается и интегрированный подход Дж. Ритцера [7], который позволяет показать, что массмедиа, транслируя тексты, создают и воссоздают социальное пространство в микро-, макро- и объективно-субъективных континуумах. На субъективном уровне медиапространство превращается в гипертекст, воссоздающий социальное пространство на микроуровне. В этом смысле гипертекст представляется смысловой конструкцией, которую социальная элита, обладающая ресурсом производства массовой информации, помещает между индивидом и реальностью, побуждает его думать в определенных категориях, актуализируя лишь те аспекты реальности, которые производитель информации признает в качестве значимых. Отсюда медиапространство в символическом выражении на субъективном уровне – это мировоззренческое видение социального пространства, формируемое производителями массовой информации. Следовательно, вытеснение из современного российского медиапространства социально и культурно значимых контентов, «банализация» информационного потока ведет к снижению культурных и информационных ресурсов каждой отдельной личности и снижению качества человеческого капитала России в целом.

Использование этого подхода, в частности Е.Н. Юдиной, приводит автора к выводу, что медиапространство является открытой социальной системой, которая создается взаимообусловленной целостностью отношений производителей и потребителей массовой информации, передаваемой через средства массовой коммуникации [6]. Именно эта специфика медиапространства позволяет ей применить «синергетический подход» к анализу динамики медиапространства России. Медиапространство в символическом выражении на субъективном уровне – это мировоззренческое видение социального пространства, контролируемое производителями массовой информации. Медиапространство для индивида не является ни реальным, ни воображаемым, а становится результатом их соединения. То есть на микросубективном уровне медиапространство – это синтез реального и виртуального. Оно является плодом культуры реальной виртуальности, которая организует современные социальные практики [7, с. 72].

Медиапространство открыто для одних взаимодействий и закрыто для других. Так как массмедиа напрямую не связаны со своей аудиторией, то вопрос о том, посредством каких механизмов они связаны с обществом, остается дискуссионным. Чтобы методологически обосновать эту связь, исследователям,

выбравшим данную логику построения теории, приходится вводить в социологический дискурс понятие «метакоммуникация» и интерпретировать сущность ее проявления в социальных системах. Один из путей такого построения — привлечение концепции Г. Бейтсона, согласно которой в любой передаче информации возникают передающий и командный аспекты. Передающий аспект сообщения синонимичен содержанию. Командный аспект несет информацию об информации, то есть определенную инструкцию, которая воплощена в форме сообщения. Эта инструкция относится к взаимоотношениям коммуникаторов и налагает взаимные обязательства на их поведение. Такое выделение в каждом акте коммуникации массмедиа смыслового и командного аспекта дает возможность проследить характер их воздействия, как на отдельного человека, так и на общество в целом [6]. Общая и понятная участникам коммуникации система социальных норм образует «смысловое поле», в котором понятен глубинный смысл коммуникативного акта. В этом поле становится возможным воспринять, перекодировать «командный аспект» переданного сообщения, дать адекватную ответную реакцию. То есть именно социальные нормы выполняют интегративную функцию, обеспечивая обратную связь массмедиа и общества, и, следовательно, метакоммуникацию в медиапространстве. Наиболее заметным следствием метакоммуникации стало влияние СМИ на разрушение советской системы [7]. Информация, которую транслировали СМИ в период перестройки, подвергла сомнению самые основы социализма, привела к кардинальному изменению системы ценностей и социальных норм в социальном пространстве страны, что стало мощным катализатором трансформационных процессов. Пространство социального дискурса, в котором доминировала публицистика и обсуждение общественно-значимых тем в начале перестройки, постепенно трансформировалось в коммерциализированное пространство, имеющее потребительскую, прагматическую ориентацию. Современное российское телевидение перестало играть роль духовного аттрактора российского общества, притягивающего к себе лидеров мнений. На следующем этапе развития общества в телепространстве должна сложиться модель общественного вещания. Общественное радио и телевидение позволит наметить новый вектор развития медиапространства, способствующий формированию гражданского общества в России. Пока идея образования такого телевидения не позиционирована в массовом сознании. Для того, чтобы возникла новая модель, необходим общественный консенсус потребителей массовой информации, власти и самих СМИ, нужна активная финансовая, политическая и моральная поддержка граждан и согласие власти считаться с существованием этого социального института [6]. На наш взгляд, привлечение концепции Г. Бейтсона, выделяющей передающие и командные аспекты при передаче информации, и введение понятия метакоммуникации не представляет, как будет показано далее, необходимого методологического аппарата для анализа структуры медиапространства [3; 11]. Представляется логичным остановиться на понимании медиапространства как особой реальности, которая организует практики и представления агентов, производящих и потребляющих массовую информацию посредством средств массовой коммуникации. Такое определение медиапространства уже позволяет провести достаточно подробный анализ: во-первых, собственно средств массовой коммуникации как физических объектов; во-вторых, потребителей массовой информации; в-третьих, проанализировать взаимодействия агентов/акторов в процессе производства и потребления массовой информации. Анализ этих коммуникационных процессов не потребует привлечения таких дополнительных сущностей, как метакоммуникация. Преимущества анализа в поле коммуникационных процессов достаточно очевидны.

Нам представляется важным то, что осознание деятельностной природы медиапространства заставляет следовать парсоновскому структурно-функциональному подходу и привлекать к анализу медиапространства понятие социального института, которому в теории социального действия принадлежит одна из ведущих ролей. Так, Т. Парсонс строит концептуальную модель общества, понимая его как систему социальных отношений и социальных институтов. Причем последние трактуются как особым образом организованные «узлы», «связки» социальных отношений. В общей теории действия социальные институты выступают и в качестве особых ценностно-нормативных комплексов, регулирующих поведение индивидов, и в качестве устойчивых конфигураций, образующих статусно-ролевую структуру общества. Институциональной структуре социума в этом подходе [13] придается важнейшая роль, поскольку именно она призвана обеспечить социальный порядок в обществе, его стабильность и интеграцию.

Введенное Р. Парком и Е. Берджесом понятие взаимодействия как фундаментального социального процесса дает возможность провести анализ медиапространства «изнутри», находясь в плоскости самого медиапространства, и избежать, согласно рекомендации

У. Оккама, введения в дискурс излишних сущностей. Понятие взаимодействия хорошо согласовывается как с теорией социального действия, так и со структурно-функциональным подходом в целом.

Взаимодействие как социологическая категория позволяет напрямую связать взаимодействующие в процессе коммуникации социальные институты, включая средства массовой коммуникации и аудиторию средств массовой коммуникации. А главное, использовать весь наработанный аппарат социологических теорий массовой коммуникации и социального управления информационными кампаниями.

Подводя итоги нашим рассуждениям следует отметить недостаточное внимание исследователей медиапространства к деятельностным теориям. Схемы деятельности, благодаря неоднородности своих элементов и полиструктурному характеру, обладают большими оперативными возможностями, чем любые другие схемы и модели из уже существующих теорий. Они позволяют описывать и объяснять с определенной стороны все, что встречается и может встретиться при анализе любых социальных процессов, в том числе и процессов управления медиапространством. Деятельностный подход, разработанный в рамках российской деятельностной школы, соотносим с предлагаемой Т. Парсонсом общей теорией действия, которая зависит от реконструкции именно расширенных цепочек действий и взаимодействий, в которую должна быть встроена логико-аналитическая абстракция «единичного акта» как соотнесенности условий, цели и средств. Единица деятельности выступает как механизм, осуществляющий или производящий какую-то другую структуру, что означает, что мы каким-то образом соотносим эти две структуры и устанавливаем между ними определенное отношение соответствия. Схемы деятельности при соотнесении со схемами, изображающими социальные процессы, отношения и связи, могут трактоваться как изображения механизмов этих процессов и связей. Деятельность выступает как предельно широкая, по сути дела универсальная, конструктивная система, из единиц которой можно строить модели любых социальных явлений и процессов, в том числе и процесс конструирования медиапространства, процессы его динамики и процессы управления им.

Итак, сформулировать новое определение понятия медиапространства можно следующим образом: медиапространство является сложной открытой социальной системой, которая создается в процессе целостного коммуникационного взаимодействия следующих социальных институтов: аудитории средств массовой коммуникации, производителей/авторов контента для средств массовой коммуникации и самого контента, техническими средствами, служащими для передачи этого контента, и собственно средствами массовой коммуникации.

Задача данного определения – подчеркнуть впервые вводимую нами в социологический дискурс медиапространства методологическую основу, опирающуюся на деятельностный подход.

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Текст] / Ж. Бодрияр. – Киев : Основи, 2004. – 230 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Текст] / Ж. Бодрияр. – М. : Культурная революция, 2006. – 269 с.
3. Бузин В.Н. О роли системного подхода к социальному управлению медиапространством [Текст] / В.Н. Бузин // Среднерусский вестник общественных наук. – № 1. – 2011. – С. 38–48.
4. Иванов Д.В. Виртуализация общества // Социология и социальная антропология / под ред. В.Д. Виноградова и В.В. Козловского. – СПб., 1997. – С. 83–94.
5. Луман Н. Реальность масс-медиа [Текст] / Н. Луман. – М. : Праксис, 2005. – 256 с.
6. Юдина Е.Н. Медиапространство как культурная и социальная система [Текст] / Е.Н. Юдина. – М. : Прометей, 2005. – 160 с.
7. Юдина Е.Н. Развитие медиапространства на примере России [Текст] / Е.Н. Юдина. Дисс... доктора социол. наук. – М., 2008. – 363 с.
8. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // Theory, Culture and Society. – 1990. – No. 7. – P. 295–310.
9. Appadurai A. Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. – Minneapolis, 1996. – 248 p.
10. Awatani Y. Media Space and "Users": A Study in Media and People's Practice after the greate Hanshin-Awaji Earthquake [Text] / Y. Awatani // Keio Communication Review. – 2010. – No. 32. – P. 75–83.
11. Buzin Valery N. Management sociology in the mass-media [Text] / Valery N. Buzin // Russian Sociology on the Move. Abstracts & Papers of Russian Sociologists for the 17th World Sociological Congress SOCIOLOGY ON THE MOVE in Gothenburg, Sweden, July 11–17, 2010 / Ed. by V.A. Mansurov. – Moscow : RSS, 2010. – P. 448–453.
12. Park R.E., Burgess E.W. Introduction to the science of sociology. 3-ed. – Chicago, London : The University of Chicago Press, 1969. – 1040 p.
13. Parsons T. Essays on sociological theory. – N.Y., 1964. – 460 p.
14. Schiller Herbert. The World Crisis and the New Information Technologies // Columbia Journal of World Business. – 1983. – 18 (1). – P.88.
15. Waters M. Globalization (Key Ideas). – London and New York : Routledge, 2001. – 272 p.

РОЛЬ МАССМЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

УДК 001.1:316

Л. М. АМАНОВА, Е. Г. ПРИЛУКОВА

В последнее десятилетие XX и в начале XXI вв. массмедиа превратились в один из основных инструментов и каналов социализации, что подтверждается данными многочисленных исследований [5].

Хорошо известно, что человек «обречен» жить в обществе: будучи индивидом, он, тем не менее, — часть этого общества, развитие и благополучие которого определятся прежде всего степенью его самоорганизации на всех уровнях, в том числе и на политическом. Индивид «приходит» в общество в процессе социализации. Поэтому нам бы хотелось остановиться на одном из компонентов этого процесса — поиске смысложизненных ориентиров личности в сфере политики. В научном сообществе сегодня констатируется факт, что традиционные институты и агенты политической социализации начинают постепенно «уходить» на вторые роли, так как основные проявления политической активности, образцы и стандарты политического поведения репрезентируются в пространстве массмедиа [1, 2, 6]. Безусловно, это оказывает существенное влияние на формирование политического сознания.

Традиционно выделяют такие средства формирования политического сознания: 1. семейное окружение; 2. коллектив, в котором оказывается человек и 3. личный опыт. Сегодня к ним присоединяются средства массовой коммуникации и информации [2, 3, 7]. Именно они формируют совокупность знаний, которые позволяют политическому «Я» анализировать мир политики, определять свое отношение к нему и вырабатывать те или иные формы политического поведения. Однако следует обратить внимание, что знания, полученные в семье, могут быть представлены и как ценный опыт, накопленный различными поколениями, и как предрассудки (предубеждения). Коллектив, реализуя общую цель, способен распадаться на группы, цели которых могут и не совпадать с целью самого коллектива. Жизненный опыт человека, представляющий для него богатство пережитого, может оказаться нетипичным и не отражать политическую реальность. Средства массовой информации, сменяя одни сообщения на другие, обрушивают поток информации, который индивид не всегда способен воспринять и осмыслить. Ведущими среди массмедиа в силу своей природной специфики, стали телевидение и Интернет [3, 4, 7].

Любое их «произведение», независимо от жанра, одновременно и представляет и задает некую картину политической реальности, открытой для своих почитателей/читателей. Причем эта картина порой не имеет ничего общего с действительной: новостные, информационно-аналитические и политические программы отражают не столько саму действительность, сколько способ ее интерпретации средством массовой коммуникации и различными ведущими, которые зачастую совершенно не видны воспринимающим информацию. Человек оказывается в ситуации, когда он вынужден формировать более или менее ясную и структурированную картину мира политического. При этом у него создается впечатление, что эта картина им формируется самостоятельно. У большинства людей этот процесс происходит стихийно и даже отвлеченно от реальных политических процессов. Однако их «ведут» средства информации, потому что люди склонны повторять те или иные политически ориентированные ценности и рассуждения, которые им «преподнесли» медиа или которые они узнали из других внешних источников. Таким образом, вольно или невольно общество принимает правила игры и язык, на котором с ним вступают в диалог массмедиа и индустрия политических шоу, утрируя собственные идеи и становясь амбивалентными знаками и символами, пародирующими и отрицающими собственный смысл. Политические программы создаются по всем правилам шоу и как результат реальная политика превращается в объект постановки по определенному сценарию. Наиболее яркими примерами этому стали исторические телевизионные и политические программы («Поединок» В. Соловьева, «Исторический процесс» С. Кургиняна и Н. Сванидзе на телеканале «Россия 1» и т. п.), в которых по сути дела все указанные пороки уже реализованы — многовековая история страны превращается в розыгрыш лицедеев. Происходит симуляция истории то есть симулякр превратился в саму историю, создав виртуальное пространство прошлого, предложенное главными игроками «Исторического процесса», порождая предпосылки к симуляции и имитации собственно истории путем ее репрезентации с помощью знаков и символов, вырванных из разных, не сводимых друг к другу

контекстов. Разум оказывается бессильным внутри этого мира исторических симуляций. Реальные исторические факты и политики сами стали знаками и символами, события – образами событий. Здесь уместно привести мнение одного из видных теоретиков постмодернизма Ж. Бодрийяра, когда современная «неотехническая среда, в которой мы живем, в высшей степени насыщена риторикой и аллегорией» [1, с. 95].

В результате процесс политической социализации индивида подменяется коммуникацией в медиапространстве, которое превращается в реальность и начинает задавать правила поведения не только внутри себя, но и далеко за своими пределами. Исторические факты и политические ценности той или иной эпохи рассматриваются с позиций политических оценок и ориентаций настоящего. Политические идеалы прошлого и их интерпретация представителями массмедиа далеко не идентичны. Следовательно, необходимо отличать реальную политическую жизнь от ее образа как части символического объяснения и символической политики [7; 9].

Основные ценности, закрепленные в политической культуре, транслируемые через средства коммуникации, начинают трансформироваться под влиянием самих медиа, потому что само «средство есть сообщение», – утверждал М. Маклюэн [11].

«Прочтение» политической реальности, ее интерпретация, выявление значения и смысла оказались во власти медиасредств, где сформировался особый язык, существенно влияющий на политическое поведение [8].

Эффективность воздействия сообщения на адресата определяется не столько содержанием информации, сколько ее внешней формой подачи, эмоциональной окраской, выразительностью. Все эти особенности учитываются при производстве медиасообщений. Не случайно политические сообщения конструируются по модели «знак – рефлексивное означаемое». При усечении смыслов знаковых систем до бинарных оппозиций цифрового кода они перестают аккумулировать информацию, сообщение перестает быть информативным, так как вынуждено подчиняться логике информационных технологий. Проявление таких бинарных оппозиций наиболее отчетливо представлено в политической рекламе: «народ – власть», «коммунизм – тоталитаризм», «порядок – хаос», «отобрали – вернем» и т. п. Основная задача рекламных текстов – не сообщение информации, а создание у адресата определенных настроений, модифицируемых в виде представлений и мнений. С этой целью язык массмедиа использует различные средства – вербальные, визуальные и графические – для создания иллюзии информационно насыщенной «картинки» с высокой эмоциональной окраской. Таким образом, мы видим, что содержание сообщения определяется способом его подачи [11].

В политическом сознании благодаря применению современных технологий появляются специфические черты: полифоничность (возможность реагировать одновременно на несколько сообщений независимо от их времени и пространства); рассосредоточенность (возможность одномоментно выполнять различные роли); мгновенная реакция на сообщения («здесь и сейчас»); мозаичность и клиповость (картина целого возникает из на самом деле совершенно не связанных между собой частей); фрагментарность и обрывочность мысли (нет времени на аргументацию). Со временем формируется мышление, где основными критериями становятся формальная рациональность, эффективность, целесообразность в ущерб соответствия его реальной действительности.

Особо следует подчеркнуть, что в массмедиа-реальности осуществляется не только обмен информацией, но и изменение ее содержания: она перестает быть системой достоверных сведений о реальной действительности, она становится информацией без содержания, превращаясь в симулякры – знаки, которые используются в процессе взаимодействия людей как коды или метки [1]. Потоки информации инициируются людьми, которые ее не только создают, но и манипулируют ею. Формируется специфическое социальное поведение – поведение «размывания» предписанной ролевой означенности. Мотивационная сфера личности благодаря многочисленным сообщениям значительно расширяется, переплетаются ценностные ориентации и стандарты поведения. Как результат, появление противоречий в системе мотивов вплоть до их столкновения, что неизбежно сказывается на поведении личности. Для человека складывается ситуация ненадежности ценностных ориентиров при выборе плана действий: «он живет в атмосфере постоянного столкновения с фрагментами разновременного исторического и личностного прошлого, его существование погружено в «интертекстуальный» мир. В новом социальном пространстве он сам становится мультикультурным существом, не сводимым ни к какому объединяющему принципу. В нем сосуществует как бы множество картин мира, дискурсов, стратегий, не объединенных ни синхронно, ни диахронно. Такая обстановка погру-

жает индивида в ситуацию небывалых ранее форм социализации» [3, с. 224]

В настоящее время в политическом поведении четко прослеживаются две тенденции, формирующиеся и усиливающиеся под воздействием массмедиа. Первая – возрастает роль различных добровольных массовых организаций (групп участия), которые могут носить даже международный характер, и результаты их деятельности обретают реальность. Вторая – ослабление позиций государственных структур и даже самих национальных государств. В государственную политическую жизнь могут вторгаться новые акторы, например, хакеры, парализующие деятельность государственных учреждений, ведь информация не имеет границ.

Благодаря тому, что в социальных сетях преодолевается персонализированный характер традиционных отношений между людьми, происходит формирование новых социальных групп на основе коллективной интенции и наличия общего интереса [5]. В этих новых группах появляются лидеры, берущие на себя роль агентов политической социализации, что приводит к преодолению их анонимности.

Таким образом, средства массовой коммуникации берут на себя функции субъекта политической социализации, тем самым они обретают новые социальные функции – от средства коммуникации и информации и политической социализации к их агенту. Кроме того, они выдвигаются на передовые политические позиции и утверждают символическую политику и символическую власть. Постепенно они задают стандарты и образцы политического поведения: им подражают, на них равняются, их «герои» становятся героями нашего времени. Образы политиков и картины политической жизни показывают, что «идеологическая борьба ведется не только на уровне доводов, но и на уровне самих образов и картин: какой образ, какая картина установят гегемонию и станут действовать в качестве идеального воплощения идеи, режима, проблемы» [6, с. 11]. Политическая сфера становится игровой и сценарно-моделируемой. Всепроникающие массмедиа представляют события с максимальной правдоподобностью, превращая их в «псевдособытия», в зрелищный спектакль, в захватывающую игру.

Информационные воздействия и полезны, и опасны для человека не сами по себе, а потому что управляют мощными вещественно-энергетическими процессами, они способны их контролировать. Массмедиа активно влияют на сознание, навязывая мнения, образы, стиль, что покупать, что делать, в конечном итоге, как смотреть на мир и как думать, следовательно, и как поступать. На наш взгляд, их можно назвать «порождающим устройством», которое способно продуцировать ментальные значения, как в дискретной, так и континуальной форме. Это некий «черный ящик», способный порождать смыслы [3, с. 81]. Во многом именно под их влиянием у человека формируются образы реальности, что представляет собой исходное условие для манипулирования сознанием, потому что свойства манипулирования и суггестии являются отличительными, так как действие медиареальности основывается на внешнем психическом воздействии и внушении, изменении процессов мышления, чувствования и реакций субъекта. Образы, которые так привлекательны и притягательны, воспринимаются правым полушарием, которое «занимается» подсознанием и подсознательными мотивами поведениями. Следовательно, они воздействуют на головной мозг, хотя данный факт обычно не является предметом обсуждения для широкой общественности, так как молчание выгодно тем, кто владеет средствами коммуникации [10]. Таким образом, процесс политической социализации в современных условиях может быть заменен в интересах властвующей элиты манипуляцией.

1. Бодрийяр Ж. Система вещей [Текст] / Ж. Бодрийяр. М. : Рудомино, 1995. – 174 с.
2. Вирильо П. Информационная бомба. Стратегия обмана / Пер. И. Окуневой. – М., 2002. – 242 с.
3. Гриценко В. П. Социальная семиотика [Текст] / В. П. Гриценко. Екатеринбург : Институт международных связей, 2006. – 244 с.
4. Иванов Д. В. Виртуализация общества [Текст] / Д. В. Иванов. СПб., 2000. – 96 с.
5. Духовная культура современного российского общества: мнение населения и экспертов [Текст] // Социология власти: Вестник Социологического центра РАГС. № 1, 2005. М. : Изд-во РАГС, 2005. – 204 с.
6. Жижек С. Ирак: истории про чайник / Пер. с англ. А. В. Смирнова [Текст] / С. Жижек. М. : Праксис, 2004. – 224 с.
7. Мартьянов В. С. Политический проект Модерна. От мироэкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире. – М. : Рос. полит. энцикл. (РОМПЭН), 2010. – 346 с.
8. Мисюров Д. А. Комбинаторика общественного развития: варианты трансформаций символических моделей // ПОЛИС (Политические исследования). – 2009. – № 5. – С.18-31.
9. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М. : «REFL-book», 1994. – 352 с.
10 Mander Jerry Four Arguments for the Eliminations of Television. New York, 1998.
11. Mcluhan M. and oth. The Medium is the Massage. N.Y., 1964.

МАССМЕДИА И ИМИДЖ РЕГИОНА

УДК [32 + 070] (470)

Г.Д. ЗОЛИНА

В постиндустриальном обществе, по вектору которого направляет свой путь развития современная Россия, происходит последовательное сближение основных сфер бытия и сознания социума — экономики, политики, культуры. Это сближение является результатом непрерывного воспроизводства и распространения разнообразных потоков общественно значимой информации (научной, специальной, художественной, публицистической), что неизбежно приводит к образованию постоянно действующих социально-управленческих связок-конфигураций: «экономика/информация», «политика/информация», «культура/информация».

В этой бинарной триаде самой динамичной связкой-конфигурацией на сегодняшний день представляется вторая («политика/информация») — в силу большей статичности и даже консервативности сфер экономики и культуры и, наоборот, непрерывной изменчивости политики, требующей постоянной текучести профильной для бытийных потребностей информации. Диффузия политики и информации осуществляется на практике властными структурами и массмедийными средствами, которые выступают в роли аттракторов процессов идентификации и имиджирования региональной социальной общности.

Подобная политико-информационная диффузия является характерной в повседневной жизни любой социальной общности. Однако в современных условиях она обретает цивилизационные цели, задачи, направления, средства только в рамках правового демократического государства, которое, по утверждению Р.Ф. Абдеева, «должно строиться по принципу «пяти колец». Этот принцип гласит: «Государство может иметь процветающую экономику и прогресс в социально-культурном плане лишь при взаимодействии пяти независимых властей: законодательной, исполнительной, судебной, власти информации и власти интеллекта, — причём последние две власти должны пронизывать все остальные. Здесь власть информации означает свободу печати, гласность, обилие общедоступных банков данных; реализуется, в частности, через системы спутникового телевидения, осуществляющие всемирный круглосуточный поток новостей. Власть интеллекта реализуется жёстким отбором в руководящие звенья всех уровней наиболее подготовленных, компетентных специалистов — во всех сферах: законодательной, исполнительной, судебной и информационной» [1, с. 96–97].

И здесь на передний план выходит проблема разработки и реализации оптимального для периода модернизации общественно-государственного модуса поведения субъектов информационного пространства как аттракторов идентификации и имиджирования региона, придерживающихся социально-партнёрских оснований взаимодействия. Только в этом случае может произойти достижение социальной общностью качественного состояния «идентоимиджа» — гармонического соединения идентификационных и имиджированных результатов регионального развития.

1. Со стороны властных структур в данный модус, по мнению А.И. Соловьёва, включаются «следующие установки:

• инициация массовой поддержки населением поставленных государством целей и мобилизация широких социальных слоёв на их реализацию (стратегия «побуждения»);

• информирование общества о собственной позиции, принятом по тому или иному вопросу решении, но без активизации усилий по его выполнению (стратегия «поддержания коммуникации с общественностью»);

• распространение указаний подчинённым низовым структурам и органам управления для реализации решений, имеющих служебный характер («ролевая» стратегия);

• контроль за реализацией принятых и уже осуществляемых решений (стратегия «контроля»);

• координация активности государственных, политических и общественных организаций и объединений при обсуждении тех или иных социальных проблем (стратегия «поддержания баланса сил»)» [10, с. 514].

2. Со стороны массмедийных структур в данный модус, по мнению автора, включаются следующие установки:

• социально-адаптационная, или ориентация граждан в смыслах и значениях происходящих в регионе событий и явлений;

• организационно-управленческая, или структурно-функциональная оптимизация информационной сферы на территории региона;

• культурно-идеологическая, или фор-

мирование массового и элитарного сознания, мировоззренческой системы ценностей и ориентаций;

• посредническая, или соблюдение баланса информационных потребностей и интересов всех субъектов регионального сообщества;

• артикуляционная, или выявление и выражение интересов различных социальных групп региональной общности;

• коммуникативная, или соблюдение требований информативности: новизны, оригинальности, ценности, доступности сведений, их адекватности потребностям и запросам населения;

• пропагандистско-агитационная, или воздействие на установки массовой аудитории с целью их изменения или поддержания и превращение в убеждения;

• теоретико-прогностическая, или выработка концепции, импульсов и алгоритмов развития информационного пространства региона.

Если же говорить о модусной проблеме в общем плане, то следует сказать о том, что в основе политико-информационного контакта в постиндустриальном обществе лежат две объективно существующие тенденции:

• во-первых, быстро происходящая информатизация социума, которая обусловливается цивилизационными (идеологическими) и специализированными (технологическими) потребностями общества и интересами государства: по словам Ф. Уэбстера, «мы существуем в медианасыщенной среде, что означает: жизнь существенно символизируется, она проходит в процессах обмена и получения — или попытках обмена и отказа от получения — сообщений о нас самих и о других. Признание взрывного роста смыслов заставляет многих авторов говорить о том, что мы вошли в информационное общество» [11, с. 28];

• во-вторых, быстро происходящая политизация социума, которая обусловливается организационными (структурными) и управленческими (функциональными) потребностями общества и интересами государства: по словам А. С. Панарина, «современное общество обречено быть политическим. Оно отличается от традиционного двумя главными признаками: наличием промышленной индустрии, направленной на преобразование природы, и индустрии социальной, направленной на активное преобразование общественных отношений. Последняя составляет основу политики» [3, с. 5].

На пересечении разносторонних процессов информатизации и политизации в трансформирующемся обществе возникает синтез двух видов власти — информационной, или власти общественного мнения, и политической, или власти закона и порядка. Отсюда проистекает такое научно-методологическое понятие, как медиатрическое измерение политики, эффективность которой по мере продвижения общества от индустриального к информационному модусу бытия и сознания всё больше зависит от медийной (посреднической) роли печати, радио, телевидения, интернет-изданий.

В комплекс медиатрического измерения политики в регионе должны входить, по мнению автора, следующие шкалы оценок, получаемые в мониторинговом режиме (в динамике, по годам): наличие средств массовой информации с государственным, общественным, корпоративным, частным типами учредительства; число аккредитованных массмедиа в законодательных и исполнительных органах власти; количество получающих субсидии из государственного бюджета СМИ; набор у властных структур специальных служб паблик рилейшнз; состав методов и способов выхода органов власти в публичную сферу; присутствие управленцев и других политиков в редакционно-издательских, попечительских и прочих советах СМИ; наличие депутатов разных уровней и членов общественных палат из числа журналистов; состояние отношений в системе «власть — пресса» (уровни пропозиции, контрпозиции, нейтралитета).

В основе информационной власти лежит построенное на адекватности медийного спроса и предложения встречное движение заказчика — массы людей с преобладающими в них социально-политическими настроениями и исполнителя — прессы с производимыми и распространяемыми с её помощью фактами, сведениями, оценками, комментариями по поводу происходящего в окружающей действительности.

Если такая адекватность в отношениях производителя социально значимой информации (прессы) и потребителя этой информации (массы) присутствует долгое время, система массмедиа становится «четвёртой властью», которая своим авторитетом в народе может превосходить три основные ветви власти — законодательную, исполнительную, судебную. При этом СМИ формируют не только массовую аудиторию по своим именным этико-правовым калькам, но и формируют сами себя — своё творческое и нравственное поведение.

При формировании собственных активных моделей творческого и нравственного поведения средства массовой информации начинают играть в жизни социальной общности всё воз-

растающую роль путём насыщения людской среды конструктивной (полезной) для бытия и сознания граждан информацией. Это позволяет повышать в обществе реальный интерес к массмедиа как к источнику прогрессивных импульсов организации и алгоритмов управления социумом: «Спешим поделиться приятной для нас новостью. Независимая российская исследовательская компания в области СМИ «Медиалогия» обнародовала рейтинг средств массовой информации Краснодарского края. Среди газет «Вольная Кубань» на первом месте. Это ещё раз подтверждает популярность старейшей на Кубани газеты, интерес к ней читателей, ну и такую простую истину: раз нас цитируют, значит, есть что цитировать... Из этого делаем для себя вывод: движение к читателю с интересной, нужной, полезной газетой продолжаем. При этом наращивая уровень каждой позиции. Это мы вам обещаем!» [7].

Переход информационной власти в политическую (и наоборот) совершается в результате того, что средства массовой информации и в современных условиях находятся при исполнении сущностной миссии журналистики как специально возникшего рода человеческой деятельности. И по этой причине они с неизбежностью становятся одновременно средством, объектом, субъектом (инициатором), наблюдателем и регулятором политической жизни региональной социальной общности. Динамика (диалектика) политической жизни региональной общности, индуцируемая массмедийными структурами, в плане результата воплощается в статике (метафизике), что находит выражение в достижении сообществом граждан политической идентичности ментального уровня.

Политическая идентичность является профильной разновидностью общей идентичности, которая генерализует содержание социальной общности, при этом обладает целостным набором ценностно-смысловых констант и отличается различным уровнем масштабной принадлежности (федеральной, региональной, муниципальной). Политическая идентичность представляется необходимой составляющей первой по значимости метахарактеристики социальной общности как открытой системы и выступает внутренним выражением той части её бытийного содержания, которая связывается с отношениями внутри регионального социума по поводу завоевания, распределения, удержания, использования политической власти — в частности, на социально-партнёрских началах: «Губернатор Кубани Александр Ткачёв провёл рабочую встречу с депутатом Законодательного Собрания края, руководителем краевого отделения КПРФ Николаем Осадчим. Основной темой встречи стало принятие законопроекта о бюджете Краснодарского края 2007 года на 53-й сессии ЗСК. Коммунисты, по словам Николая Осадчия, поддерживают социальную направленность бюджета, ведь из почти 80 миллиардов рублей на социальную сферу предусмотрено израсходовать 5 миллиардов. Александр Ткачёв отметил хорошее взаимодействие, которое налажено между законодательной и исполнительной властью. Говорили и о политической ситуации. Сейчас Кубань в этом плане — стабильный регион. По словам депутата, чёткое разделение парламентариев по партийной принадлежности не повлияет на нынешнюю конструктивную работу кубанских законодателей» [4].

Политическая идентичность выступает духовно-практическим результатом процесса «самоопределения» и «самоотождествления» (по поводу власти) объединённых в общественные группы, слои, классы индивидов, непосредственно обусловленного действием закона ментальной идентичности и ограниченного локальной территорией. И данный процесс в качестве первоисточника, а также движущего механизма нередко имеет политико-информационный симбиоз в виде единого структурно-функционального образования — власти и прессы. Всё это проявляется, например, в деятельности газеты «Краевые новости», занятой в основном информированием населения Кубани о региональных целевых программах, привлечением граждан и организаций к их реализации, формированием позитивного имиджа краевых властей, губернатора и его команды управленцев.

Учредителем этой газеты, официально зарегистрированной в Министерстве печати и информации РФ, является Департамент по делам средств массовой информации, печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации Краснодарского края, а издателем — ООО «Издательство «Екатеринодар». Ведущим типоформирующим признаком для данного периодического издания становится модель профессионального его поведения, которая отражает, разъясняет, интерпретирует ведущие в главных сферах жизнедеятельности социума позиции краевых властей и пропагандирует, в первую очередь, их политическую и экономическую линии.

В частности, газета «Краевые новости» тиражирует концептуальное мнение губернатора Краснодарского края А. Н. Ткачёва,

который в преддверии курортного сезона лаконично обозначает основные направления работы для предпринимателей в рамках индустрии отдыха: «Хватит уже гнаться за стоимостью койко-места! Надо, как во всём мире привлекать туриста выгодными предложениями и зарабатывать уже потом, когда он приехал. Предлагать большой выбор активного отдыха, развлечений и сувениров. Нужно с умом, талантливо и ярко брендировать курорты и стремиться к тому, чтобы каждый город и посёлок стал маленькой жемчужиной» [8].

Цели и задачи этого периодического издания непосредственно реализуются в главных проблемно-тематических направлениях публикаций, при ведении важнейших разделов и установлении пропорций между ними, при формировании жанровой палитры авторских и журналистских выступлений и системы постоянных рубрик, которые составляют основу содержательно-формальной модели газеты и существенно облегчают разработку композиционного её облика, а также определение её структуры и построение каждого номера.

В принципе, по мнению С. М. Гуревича, рубрики в газете подразделяются на два вида: тематические и служебные. Первые обозначают и объединяют как монотемную подборку публикаций в газетном номере, так и целевую тематическую страницу. Вторые объединяют и обозначают публикации в газете по ведущим признакам: жанр, регион, аудитория, источник информации. При этом многие рубрики общего плана, например, «Политика», «Экономика», «Культура», могут использоваться в любой газете, но, кроме них, часто применяются и монопольные рубрики, которые встречаются только в данном издании, поскольку система рубрик по их количеству и качеству определяется в соответствии с конкретным типом массмедийной периодики [2].

Наглядной иллюстрацией к сказанному в газете «Краевые новости» могут служить:

а) тематические рубрики — «Тема недели», «Вести первой полосы», «АПК», «Спорт», «Экономика», «Культура», «Политика», «Здоровье», «Курорты», «Игры 2014».

К примеру, в рубрике «Тема недели», занимающей, как правило, гораздо большую, чем остальные рубрики, газетную площадь, содержательной основой является злободневная проблема повседневной действительности, которая рассматривалась на минувшей неделе краевыми властями: итоги «детского» закона, вопросы экспорта зерна, развитие детско-юношеского спорта, привлечение инвестиций в регион и др. Авторы публикаций обычно сопровождают в текстах выступления на совещаниях управленцев и политиков развёрнутыми комментариями, яркими цитатами из их высказываний, статистическими данными, выделенными в отдельную рамку, на серой подложке. Всё это помогает читателю получить чёткое представление о реальных ситуациях, возникающих в различных областях политики, экономики, культуры. Обязательным элементом рубрики является репортажный фотоснимок, иллюстрирующий главную новость;

б) служебные рубрики — «Из почты краевой власти», «Муниципалитеты», «Репортаж недели», «Для пользы дела», «Добрая новость», «Даёшь молодёжь», «Жильё моё».

В частности, в рубрике «Из почты краевой власти» содержание составляют письма с просьбами, советами, рекомендациями жителей края, присланные в адрес администрации и губернатора, и ответы редакции о принятых по ним организационно-управленческих мерах. Обязательным элементом подборки становятся статистические данные о количестве писем, пришедших на минувшей неделе в администрацию от жителей Кубани, что является наглядным показателем существования и поддержания с помощью посреднической роли прессы в общественной жизни обратной связи в системе отношений «власть — народ»;

в) монопольные рубрики — «Политики вне политики», «Цитата номера».

Например, в рубрике «Цитата номера» по традиции содержатся яркие мысли, суждения, высказывания хорошо известных в публичной сфере персон — руководителей, управленцев, атаманов, специалистов о насущных проблемах края в основных сферах жизнедеятельности региональной социальной общности — экономике, политике, культуре:

• С. К. Шойгу, глава Министерства по чрезвычайным ситуациям РФ: «Здесь на Кубани, у меня появляется не надежда, а уверенность — мы, россияне, обречены на счастливую, благополучную жизнь» [12];

• Е. И. Скрынник, министр сельского хозяйства РФ: «Кубань была и остаётся главной житницей России, здесь производится каждый десятый килограмм зерна, треть продукции сахарной свеклы и подсолнечника, три четверти риса и практически все 100 процентов чая и субтропических цитрусовых культур, производимых в стране» [9];

• Дженси Робинсон, журналистка американского издания «The Financial Times», всемирно известный специалист среди виноделов и сомелье: «Я была удивлена и поражена при-

родой края и тем вином, которое здесь делают. У меня на родине мало кто знает, что в Краснодарском крае производят высококлассные напитки, вина мирового уровня. Когда я вернусь домой, я об этом открытии обязательно напишу» [6].

В основе политической власти лежит встречное социально-партнёрское движение общества и государства, построенное на адекватности коренных потребностей населения страны (региона) и реальных возможностей для их удовлетворения, которые предоставляются управляемому большинству (населению) благодаря использованию экономических, политических, культурных механизмов управляющим меньшинством (властвующей элитой). Степень адекватности заявляемых потребностей общества и реализуемых возможностей государства в большой мере зависит от уровня посредничества средств массовой информации, поскольку они обладают способностью как объективно отражать-фиксировать, так и субъективно завышать-занижать в публичной сфере наличие и соотношение потребностей населения и возможностей власти.

О важности данной способности массмедиа говорит тот факт, что в последнее время значительно возрос арсенал объектов формирования имиджа. Этими объектами, помимо артистов, представителей шоу-бизнеса, фирм, предприятий, стали партийные и общественные лидеры, главы государств, регионов, муниципалитетов, представители органов законодательной власти, партии, движения, объединения, союзы, страны, республики, края, области, национальные программы, социальные проекты.

На этом фоне понятие «имидж» быстро входит в терминологию различных гуманитарных наук (психология, политология, социология, журналистика, связи с общественностью) и сфер человеческой деятельности (экономика, бизнес, политика и др.). Возрастающая популярность термина «имидж» в публичной сфере, углубляющиеся процессы демократизации российского социума, усиливающаяся политическая, информационная, инвестиционная конкуренция поставили науку перед необходимостью признать новую отрасль обществознания — имиджелогию — и обсуждать её концептуальные основы. При этом увеличивающаяся востребованность имиджелогического знания позволяет говорить об имиджпросвещении и имиджелогическом воспитании социальной общности [5].

Особой составляющей общего имиджа является имидж политический, в котором также следует выделять на основе диалектической методологии общее, особенное, единичное и с учётом этой трипозиции выявить ресурсы и условия создания и функционирования планируемого и достигаемого имиджа в сфере политических отношений. Если применить подобную методику при анализе политического имиджа региона, то в результате можно получить:

а) в виде единичного имиджевого начала — главу администрации (губернатора) Краснодарского края А. Н. Ткачёва, прогрессивного в решениях, последовательного в действиях, популярного в массах политического лидера;

б) в виде особенного имиджевого начала — эффективно преобразующих сферы экономики, политики, культуры региона системно-целевых программ, типа «Качество кубанское — самое лучшее», «Молодой семье — доступное жилье», «Краснодару — столичный облик»;

в) в виде общего имиджевого начала — широко распространяемое в стране мнение о Кубани как о богатом, успешном, динамично развивающемся крае и самом популярном в России курортно-туристическом регионе.

1. Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации / Р. Ф. Абдеев. — М. : ВЛАДОС, 1994.
2. Гуревич С. М. Газета: вчера, сегодня, завтра / С. М. Гуревич. — М. : Аспект Пресс, 2003.
3. Панарин А. С. Философия политики / А. С. Панарин. — М. : Новая школа, 1996.
4. Партийные фракции не мешают общей работе // Кубанские новости. – 2006. – 30 ноября.
5. Политическая имиджелогия / Под ред. А. А. Деркача, Е. Б. Перелыгиной и др. — М. : Изд-во РАГС, 2006.
6. Робинсон Д.: «Сделала для себя открытие!» // Краевые новости. – 2009. – 23 сентября.
7. Самая авторитетная газета! ТОП-15 самых цитируемых СМИ Краснодарского края // Вольная Кубань. 2011. – 30 июня.
8. Сезон курортный — отдых активный // Краевые новости. – 2010. – 30 апреля.
9. Скрынник Е.: «Кубань остаётся житницей страны» // Краевые новости. – 2009. – 18 ноября.
10. Соловьёв А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии / А. И. Соловьёв. — М. : Аспект Пресс, 2005.
11. Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. — М. : Аспект Пресс, 2004.

БЕДНОСТЬ В РОССИИ: МАСШТАБЫ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

УДК 316.4

В. В. РЕЙМЕР, Н. С. МАНАКОВ

В настоящее время успешность экономического развития страны оценивается не только по объему ВВП и темпам его роста, но и таким важным показателям, как уровень жизни населения. В современной модели экономического развития России всё в большей степени встает проблема дифференциации населения по уровню доходов в условиях трансформации рыночной экономики в социально ориентированную. Согласно данным, опубликованным «Левада-Центром» в марте 2011 года, по результатам проведенного опроса 31% россиян считает наиболее острой проблему социального расслоения общества [7]. По данным Росстата, опубликованным 8 февраля 2012 года, по итогам прошлого года на долю 10% наиболее обеспеченных россиян пришлось 30,8% общей суммы денежных доходов, в 2010 году – 30,9%; на долю 10% наименее обеспеченного населения страны в 2011 году пришлось 1,9% общей суммы денежных доходов жителей РФ и в 2010 году – также 1,9%, то есть показатели 2011 года не имеют четко выраженной динамики развития по сравнению с 2010 годом [3]. Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что социальная политика государства недостаточно эффективна и не обеспечивает условия для сокращения неравенства доходов в обществе. В свою очередь такое расслоение способно вызвать ряд других весомых проблем, как в экономической, так и в социальной сфере: вымывание среднего класса, рост «социальных болезней» (преступность, маргинализация), размывание человеческого капитала и др.

Согласно исследованиям Института социологии РАН, опубликованным в 2011 году в книге «Российское общество как оно есть», предпринята попытка оценить реальные масштабы уровня бедности населения. Российское общество разделено на 10 страт. Одним из критериев для определения страт был взят среднемесячный доход на одного члена семьи. К категории бедных отнесли тех, чей доход составляет менее 5801 рубля, к малообеспеченным – ниже 7562 рублей. Относительно благополучными назвали тех, чей доход превышает 14363 рубля. Первые четыре страты, представителей которых можно объединить словом «бедняки», составляют 59% населения страны. Еще четыре страты – с пятой по восьмую – относятся к «средним слоям российского общества» и составляют 33%. Последние две страты – так называемые «благополучные россияне» (термин исследователей РАН) и таковых в стране 6–8%. В то же время по европейским методикам эти 6–8% можно отнести скорее к среднему и высшему среднему классу, то есть фактически остальные 92–94% населения можно отнести к категории «неблагополучных» [1].

Кроме того, в 2011 году социологи стран СНГ впервые за 20 лет провели совместное исследование. По данным исследователей, опубликованным Росстатом 1 июня 2011 года, в России почти три четверти граждан нельзя отнести даже к среднеобеспеченной категории. Наиболее нуждающиеся – около 20,5% россиян – имели в исследуемый период доход менее 4600 рублей в месяц на душу населения. К малообеспеченной категории исследователи отнесли тех граждан, чей доход составил от 4600 рублей до 13800 рублей в месяц – таковых по результатам исследования оказалось 53%. 22,5% населения России попали в группу «относительно бедных» с доходами ниже среднего уровня, то есть с доходами от 13800 рублей до 32200 рублей. Таким образом, по результатам данного исследования около 96% россиян являются по сути бедными и различаются между собой только степенью обнищания. Можно констатировать, что большинство населения находится за чертой бедности. Среднеобеспеченными по западным меркам оказались лишь около 3% россиян. К этой категории отнесли тех, кто получал в 2008 году ежемесячный доход от 32200 рублей до 50600 рублей. Высокообеспеченными признали только 1% населения – тех, чей ежемесячный доход превышал 50600 рублей [8].

Оба исследования, показывают, что по европейским методикам более 90% населения страны можно отнести к категории бедных или малообеспеченных, и это является прямым свидетельством того, что современная экономическая модель развития России по сути своей является антисоциальной. Тот факт, что по европейским нормам к среднему классу в нашей стране можно отнести лишь от 3% до 8%, прямо указывает на остроту проблемы дифференциации населения по уровню доходов и её масштабы.

Социально-экономические преобразования в российском обществе привели к преобладанию среди населения лиц, живущих в бедности. Рост слоя бедных был спровоцирован массовым обнищанием интеллигенции, ранее среднеобеспеченной. Основную часть среди них состав-

ляют лица активного возраста – 30–50 лет, при этом почти 70% составляют семейные. Низкие доходы не позволяют не только приобщиться к новым стандартам потребления, но и значительно снижают уровень потребления, сводя его к выживанию.

Картина доходов большей части населения страны безрадостная. Бедность в стране самовоспроизводится, и выбраться из нее удается только единицам. В мировой практике нации считаются бедными, если они тратят на питание и неотложные нужды около половины своего бюджета. В нынешней экономической ситуации среднестатистическая российская семья тратит в среднем 80% на эти же потребности. Бедность в России становится определенным образом жизни, который основан на специфических нормах, ценностях, стиле жизни, своеобразной культуре, которые и определяют поведение индивидов. В связи с этим государство должно определить в социальной политике отношение к бедности и искать пути решения проблемы с учетом того, что в социально ориентированной модели экономики должен соблюдаться принцип – никто не заслуживает нищеты. А с этой целью и требуется обеспечить минимальный прожиточный минимум.

В современных условиях для большей части населения страны остается актуальной проблема низкого уровня дохода. Центр экономического анализа «РИА-Аналитика», основываясь на данных Eurostat, составил рейтинг европейских стран по уровню минимальных размеров оплаты труда. Самую высокую заработную плату среди стран-участниц Евросоюза получают работники Люксембурга – 2513 долл. США, а самую низкую в Болгарии – 176 долл. США. В Латвии минимальная заработная плата составляет 403 долл. США, в Эстонии – 397 долл. США, в Литве – 331 долл. США. В Словении, на Мальте и в Португалии наемные работники получают не менее 1069 долл. США, 950 долл. США и 809 долл. США соответственно. Кроме того, одни из самых высоких минимальных заработных плат в Ирландии (2090 долл. США), Бельгии (2064 долл. США), Нидерландах (2052 долл. США) и во Франции (1952 долл. США). В Великобритании уровень минимальной оплаты труда составляет 1552 долл. США, в США – 1243 долл. На этом фоне зарплаты россиян выглядят более чем скромно. С 1 июня 2011 года официальная минимальная оплата труда (МРОТ) в России по закону составляет 4611 рублей, что на момент составления рейтинга соответствовало приблизительно 165 долл. США, а величина прожиточного минимума с 29 декабря 2011 года – 6287 рублей (224 долл. США) [5].

За период экономических и социальных преобразований коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов) вырос с 13,9 раз в 2000 году до 16,5 раз в 2010 году. В 2007–2008 годах значение коэффициента дифференциации доходов достигло рекордной величины в 16,8 раза. Мировая практика показывает, что данный коэффициент не должен превышать предельно-критического соотношения 10:1. В России это соотношение, отражающее только легальные доходы, учитываемые статистикой, значительно выше. Если учесть теневые доходы, то разрыв будет еще больше. Образуется углубляющийся разлом общества. По некоторым оптимистическим данным «социальное дно» превысило границу в 13 млн человек. Естественно, что процессы падения жизненного уровня населения ставят под угрозу социально-экономические реформы.

Процесс усиления дифференциации доходов естественен в условиях рыночных отношений, но в данный момент «пропасть» между беднейшими и богатейшими слоями общества слишком велика. В то же время при оценке степени расслоения общества по уровню доходов необходимо учитывать тот факт, что официальная статистика доходов различных категорий населения оставляет желать лучшего и не способна предоставить объективные данные. По общему мнению большинства экспертов, в настоящее время нет достоверной информации о доходах самых обеспеченных групп. Вызвано это в первую очередь тем, что представители наиболее высокодоходных слоев населения скрывают свои нелегальные и полулегальные доходы, уклоняются от уплаты налогов. Предприниматели стремятся занижать уровень своих доходов. Это объясняется тем, что, во-первых, большинство деловых людей занимаются теневым бизнесом, а во-вторых, немалая часть предпринимательских доходов размещается в банках других государств и офшорных зонах. С учетом скрываемых теневых доходов и вывозимого за рубеж капитала дифференциация россиян еще значительнее, однако статистика не может учесть эти данные. Часть граждан с малым уровнем дохода имеет дополнительные источники заработка, причем далеко не всегда официальные. По данным российских рекрутинговых агентств, опубликованным в 2011 году, от 20% до 30% россиян в настоящее время подрабатывают или находятся в поисках дополнительного заработка [4]. Главной причиной является недостаточный уровень заработной платы на основной работе. Уровень дополнительных заработков в целом невысок и не оказывает существенного влияния на общую картину распределения доходов.

В настоящее время Россия занимает одно из первых мест по показателю социально-экономической дифференциации среди индустриаль-

ных стран. По степени дифференциации доходов населения страна примыкает к группе развивающихся стран, о чем свидетельствует значение коэффициента Джини – 0,437 (по данным ООН, по данным Росстата – 0,421). Для сравнения, значение коэффициента Джини в США составляет – 0,408, Великобритании – 0,360, Швеции – 0,250, Японии – 0,249, Зимбабве – 0,501, Мексике – 0,516, Чили – 0,520 [6]. В процессе трансформации российской экономики идет процесс размывания среднего класса в основном за счет перехода в категорию лиц с низкими доходами. Усиление социально-экономической дифференциации во многом объясняется отсутствием эффективного механизма распределения доходов. Данные о значительном расслоении общества по уровню доходов говорят об опасных тенденциях, которые могут подорвать политическую устойчивость и социальную стабильность в стране, необходимую для продолжения поступательного развития экономики. Кроме того, столь значительное расслоение по уровню доходов вызывает в обществе социальную напряженность.

Претерпевает изменения структура денежных доходов населения страны: доля оплаты труда – основного дохода большей части населения снизилась с 74% в 1990-е годы до 56% к концу 2000-х годов. В то же время снижение доли заработной платы компенсировалось увеличением доли доходов от собственности и предпринимательской деятельности с 12 до 27%. В свою очередь, снижение доли заработной платы в доходах сопровождается ее дифференциацией в зависимости от профессии, должности, отрасли, региона и т. д. В среднем в 2010 году средняя зарплата в России составила 21,2 тыс. рублей. Так, 26 млрд рублей получили в качестве вознаграждения топ-менеджеры российских банков. К примеру, в Сбербанке среднее вознаграждение по сравнению с 2008 годом в 2010 году увеличилось на 70%, высший руководящий состав и топ-менеджеры получают в среднем 6,31 млн рублей в месяц, в Газпромбанке – 4,76 млн, в Транскредитбанке – 3,3 млн, в Промсвязьбанке – 2,73 млн, в Банке Москвы – 2,65 млн рублей в месяц. Таким образом, средняя заработная плата банковского работника за три года (по 25 банкам) составляет 2,1 млн руб. в месяц, и это в 101 раз больше заработной платы среднестатистического россиянина [2].

Доля и абсолютные размеры расходов на социальную защиту зависят от возможностей экономики и социально-политической системы страны. Так, доля государственных расходов на социальные нужды: развитие страны – 70,3%, страны Латинской Америки – 64,1%, страны Азии – 54,9%, страны Африки – 50,1%, Россия – 15,0%.

Для того чтобы преодолеть накопившиеся проблемы в социально-экономической сфере, необходимо скорректировать модель экономического развития России: создать прогрессивную шкалу налогообложения по совокупным доходам; создать эффективный механизм распределения доходов между различными категориями населения; совершенствовать систему финансовых отношений, направленных на выполнение государством своих социальных обязательств и гарантий.

Рыночная экономика неизбежно связана с дифференциацией доходов населения, усилением неравенства и проблемой бедности. Сегодня необходима модель развития социально ориентированной рыночной экономики, ставящая на первое место не темпы экономического роста, а рост благосостояния нации и создание равных стартовых возможностей для всех граждан страны. Здесь требуется активное вмешательство государства и выработка эффективной социальной политики, направленной на регулирование отношений основных элементов социальной структуры общества.

1. 59% населения России – бедняки [Эл. ресурс]. – URL: http://www.rosbalt.ru/blogs/2012/01/12/932127.html.
2. Бреусов А., Реймер В. Банковско-финансовый сектор России и его влияние на социальную политику [Текст] / А. Бреусов, В. Реймер // Дальневосточный аграрный вестник. – Благовещенск: ДальГАУ, 2011. – Вып. 2 (18). – С. 36–39.
3. Дифференциация населения России по уровню доходов за 2011 год не изменилась [Эл. ресурс]. – URL: http://www.ng.ru/economics/2012–02–09/4_income.html.
4. Каторга или подработка? Зачем россиянам вторая зарплата [Эл. ресурс]. – URL: http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2011/06/110614_russians_extra_jobs.shtml.
5. РИА-Аналитика: Рейтинг стран по размеру минимальных зарплат [Эл. ресурс]. – URL: http://ria.ru/research_rating/20110914/437041510.html.
6. Сайт ООН [Эл. ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/
7. Самой острой проблемой россияне считают рост цен [Эл. ресурс]. – URL: http://www.rosbalt.ru/main/2011/03/13/827844.html.
8. Социологи назвали СНГ «Союзом антисоциальных государств» [Эл. ресурс]. – URL: http://www.rosbalt.ru/main/2011/06/02/854997.html.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (2009–2010 гг.)

УДК.37.013.42

М. А ФЕЛЬДМАН

Реформирование системы оплаты труда в российской образовательной системе и в образовательных учреждениях культуры занимает одно из ведущих направлений модернизации образования. Успех реформы образовательной сферы во многом зависит от качества социального управления со стороны органов власти на всех уровнях. Каким образом проходит указанная реформа в Свердловской области? Отличается ли ее ход на Среднем Урале от общероссийских процессов? Этой проблеме посвящена предлагаемая статья.

Переход на НСОТ (новую систему оплаты труда) был обусловлен тем, что оплата труда по разрядам единой тарифной сетки (ЕТС) отражала, как правило, только сложность выполняемых работ (функций) без учета условий труда, значимости тех или иных профессий (должностей), других факторов. Разработчики НСОТ, а именно Министерство здравоохранения и социального развития РФ совместно с Министерством образования и науки РФ отмечали, что новая система нацелена прежде всего на стимулирование роста профессионализма, продуктивности и качества педагогического труда и развитие инновационных методик преподавания. Повышение зарботной платы предполагалось, прежде всего, за счет введения стимулирующих выплат, связанных с качеством труда учителя [1, с. 31].

В Свердловской области на сегодняшний день все образовательные учреждения, подведомственные Министерству образования Свердловской области, перешли на НСОТ. Переход на НСОТ носил плановый характер и завершился к концу 2008 г. С 1 декабря 2010 г. на новую систему оплаты труда перешли учреждения культуры, в том числе и образовательные (детские школы искусств). Министерство образования Свердловской области обеспечивало организационно-информационное сопровождение перехода на НСОТ. 14 апреля 2009 г. в Министерстве общего и профессионального образования Свердловской области прошло совещание по вопросам информационного сопровождения введения новой системы оплаты труда [2].

В совещании участвовали председатель Правительства Свердловской области, министр общего и профессионального образования Свердловской области, председатель Федерации профсоюза Свердловской области, председатели городских и районных организаций профсоюза, директора школ.

Участники обсудили первые итоги комплексного проекта модернизации образования, ведь 2009 г. был завершающим и предполагал выполнение всех показателей, в первую очередь, трех основных: оптимизации сети общеобразовательных учреждений, введения нормативного подушевого финансирования и введения новой системы оплаты труда. Как было заявлено председателем Правительства Свердловской области Анатолием Грединым, субвенции на оплату труда всем муниципальным образованиям были предоставлены в полном объеме, для каждого муниципального образования рассчитаны надбавка на МРОТ, надбавка на стабилизацию заработной платы. Главную задачу, поставленную на совещании, председатель Правительства Свердловской области выразил следующим образом: Министерству образования, профсоюзным организациям и педагогическим коллективам необходимо эффективно использовать выделенные средства на увеличение фондов заработной платы.

Обращает на себя внимание тот факт, что подобное совещание прошло не перед переходом на НСОТ, а в после его завершения. Согласно плановым документам, экспертно-аналитической группе работу по принятию нормативно-правовой базы, регламентирующей вопросы по введению НСОТ, было рекомендовано завершить к середине июня 2008 г. (т. е. завершающего года переходного периода). К этому же времени необходимо было подготовить дополнительные методические материалы по расчету заработной платы и довести их до каждого учреждения с целью более подробного освещения всех вопросов оплаты труда [3].

Только 30 июня 2010 г., с большим запозданием от намеченного плана, в Министерстве образования прошло заседание коллегии, своего рода продолжение первого совещания, которое состоялось 14 апреля 2009 г. Участвовали все те же лица и обсуждались те же проблемы [4].

Министр образования Свердловской области отмечал, что основными составляющими

кадровой политики в системе образования Свердловской области являются: подготовка, переподготовка, повышение квалификации работников образования, аттестация руководящих и педагогических работников; мотивация и стимулирование работников образования (использование мер материального поощрения, внедрение новой системы оплаты труда, награждение работников образования различными видами наград); система поддержки педагогических кадров (пособия на обзаведение хозяйством молодых специалистов, присвоение первой квалификационной категории молодым педагогам по окончанию учреждения профессионального образования); оптимизация штатной численности работников образования, разработка подходов к формированию кадрового резерва в системе образования. Анализ материалов коллегии указывает на преобладание постановочных задач, но не анализ первых результатов внедрения НСОТ.

Одним из первых официальных аналитических размышлений стала статье начальника Управления образования Екатеринбурга Евгении Умниковой в «Учительской газете». В статье было отмечено, что в 2009 г. наметилось изменение финансового состояния множества учителей, но часто не в лучшую сторону. В большинстве школ, в которых наблюдался рост номинальной оплаты труда, зарплаты учителей стали больше лишь на несколько сотен рублей. Если учесть, что в 2009 г. цены выросли в среднем на 8,8%, то номинальный рост зарплат даже на 1,3–1,5 тыс. рублей инфляцию практически не покрывал. С поправкой на инфляцию учительские заработки часто либо оставались на уровне прежнего года, либо сокращались. «Смысл изменения системы оплаты труда состоял в принципиальном увеличении зарплаты, что стимулировало бы учителей на работу иного качества. Однако по факту заметного роста нет: ни денег, ни качества» [5].

Анализ многочисленных публикаций по указанной тематике, содержания «прямой линии» по актуальным вопросам образования, прошедшей 22 ноября 2010 г. в Министерстве образования Свердловской области [6] позволяет выделить общие трудности в процессе внедрения НСОТ в 2009–2010 гг. Руководители образовательных учреждений, особенно школ искусств, столкнулись с рядом проблем при внедрении подушевого финансирования и НСОТ. К ключевым проблемам можно отнести:

• малую информационную освещенность данного вопроса;

• практически повсеместное сокращение штата, особенно в школах искусств;

• снижение конкурентоспособности и качества образования в специализированных школах и гимназиях;

• под угрозой закрытия в связи с маленьким контингентом учащихся оказался ряд музыкальных школ.

Проблемы кроются в ошибках, которые допустили органы власти при организации управлением внедрения НСОТ:

• федеральными органами недостаточно грамотно разработанная нормативно-правовая база;

• на всех уровнях отсутствует четкая структура органов власти, контролирующих внедрение новой системы.

• эффект «демографических ножниц» (расчет бюджета следующего года основывается на контингенте учащихся года предыдущего [6].

Министерство образования Свердловской области осуществило переход на новую систему, допустив ошибку в недостаточном информировании директоров школ, бухгалтеров, учителей о специфике НСОТ и ее расчета, что привело к ошибочным действиям при начислении зарплаты в школах, а увеличение дифференциации зарплат породило конфликты между учителями.

Министерством образования и науки РФ, а также Министерством Свердловской области при разработке положений об оплате труда и методических рекомендаций не была учтена узкая специфика и профиль образовательных учреждений.

На муниципальном уровне не были разработаны четкие критерии эффективности, позволяющие должным уровнем проанализировать работу учителя. Введение подушевого финансирования урезало бюджет образовательного учреждения, следовательно, и фонд оплаты труда.

19 ноября 2010 г. состоялась пресс-конференция, посвященная переходу бюджетных учреждений Среднего Урала на новую систему оплаты труда с 1 декабря 2010 г. [7]. На вопросы журналистов ответил председатель Правительства Свердловской области Анатолий Гредин, но результаты данной пресс-конференции не были опубликованы: факт, скорее символичный для харктеристики информационного обеспечения реформы образования.

Так, по состоянию на 2009 г., было обучено по специальной программе, «Подготовка управленческих кадров по обеспечению реализации перехода на НСОТ» организованной Министерством образования Свердловской области всего 75 человек, в то время как общеобразователь-

ных учреждений только в г. Екатеринбурге – 195, а детских школ искусств – 52, следовательно, только в городе примерно 247 директоров школ, которые должны были пройти обучение и ознакомиться с основными вопросами и спецификой НСОТ.

Возникает вопрос, кто участвует в разработке критериев эффективности и анализе работы учителей? Выплаты стимулирующего характера производятся по решению руководителя учреждения в пределах бюджетных и внебюджетных средств. Однако одна из приоритетных целей введения НСОТ – это расширение участия общественности в управлении образовательным учреждением. Следовательно, в определении критериев эффективности и анализа педагогической работы должен участвовать весь коллектив школы, и даже родители учеников.

Каковы же были первые результаты НСОТ? Об этом на пресс-конференции сообщил заместитель министра общего и профессионального образования региона Андрей Ефимов [8]. По его словам, в 2009 г. этот показатель составлял 15 тыс. 254 руб. в месяц, а с учетом классного руководства – 16 тыс. 821, что на 11% превышает показатели 2008 г. Близкий процент роста произошел и в 2010 г. Так, по итогам первого полугодия этого года средняя заработная плата выросла до 15 тыс. 719 руб., а для классных руководителей – до 17 тыс. 261 руб. Однако с учетом высокой инфляции говорить о качественном изменении заработной платы учителей в 2009–2010 гг. в Свердловской области не приходится

Как заметила присутствовавшая на пресс-конференции председатель Свердловской областной организации профсоюза работников народного образования и науки РФ Татьяна Трошкина, в то же время увеличилась и нагрузка на учителей. «Зарплата учителя идет не от какой-то стандартной нормы, а от количества учебных часов, которые он на себя взял. Если у него 18 часов, что теоретически считается нормой, – это одна заработная плата. Но на 18 часов сегодня в школе не работает никто. Средняя нагрузка на учителей 23–24 часа, и нагрузка в 30 не является редкостью», – сообщила она. Татьяна Трошкина также напомнила, что с введением новой системы оплаты труда, которая зависит от результатов работы работников образования, количества учеников и часов, сократилось число самих работников образования. «Принципиального увеличения зарплаты именно педагогам не получилось. Заработная плата выросла у младшего обслуживающего персонала, потому что тут был введен в действие новый закон о минимальной оплате труда. А также у руководящего звена. Педагоги выиграли в меньшей степени, и то за счет того, что в системе произошли сокращения», – говорит она, отмечая, что в школах наблюдается повышение зарплаты на тот же процент, на который сократилось количество персонала. Она пояснила, что отсутствие особых положительных изменений для педагогов после введения новой системы оплаты труда связано с тем, что муниципалитетам не были выделены дополнительные средства на стимулирующую часть зарплаты. Только с сентября 2010 г., средства на эти цели из областного бюджета поступили в муниципальные образования.

В 2010 г. не только в Свердловской области, но и в УРФО в целом средняя заработная плата учителей не превышала 72 % от по экономике [1, с. 38]. Все это говорит о том, что в 2009–2010 гг. цели социального направления реформы образования не были достигнуты. Речь идет как о Свердловской области, так и о подавляющем числе регионов России [1].

1. Типенко Н. Г. Новые системы оплаты труда в школах: особенности введения и первые итоги // Уровень жизни населения регионов России. – 2011. № 2. С. 31–41.
2. Министерство образования Свердловской области и руководители профсоюзов продолжают диалог по актуальным вопросам модернизации образования // Официальный сайт Министерства общего и профессионального образования Свердловской области. URL: http://www.minobraz.ru/news/date200904/document494/(дата обращения: 31.05.2011).
3. Итоги экспертно-аналитического семинара «Общественное обсуждение результатов конкурсного отбора субъектов РФ для государственной поддержки и проведении мониторинга развития и продвижения регионального комплексного проекта на территории Свердловской области».
4. Прошло заседание Коллегии министерства // Официальный сайт Министерства общего и профессионального образования Свердловской области. URL: http://www.minobraz.ru/news/date201006/document790/(дата обращения: 31.05.2011).
5. Новая система оплаты труда в Свердловской области // Учительская газета. 1 декабря 2009 года. URL: http://www.ug.ru/archive/29781.
6. Итоги «прямой линии» минобразования // Официальный сайт Министерства общего и профессионального образования Свердловской области. URL: http://www.minobraz.ru/news/date201011/document979/(дата обращения: 31.05.2011).
7. В пятницу, 19 ноября, состоятся следующие события: // Сайт информационного агентства JustMedia. URL: http://justmedia.ru/news/society/2010/11/19/80203 (дата обращения: 31.05.2011).
8. http://www.e1.ru/news/spool/news_id-333842-section_id-33.html.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО И ЭВОЛЮЦИОННОГО ПОДХОДОВ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

УДК 316.3

В. В. СКОРОБОГАЦКИЙ

1

Примечательная черта методологической ситуации, сложившейся в социальной теории, — отсутствие рефлексии над метатеоретическими основаниями социального знания. Формальный отказ от марксизма-ленинизма, в частности, от исторического материализма и связанных с ним постулатов идеологического характера сопровождался быстрым и беспорядочным импортом теоретического знания, чтобы заполнить внезапно образовавшийся теоретико-методологический вакуум. Выбор тех или иных концепций определялся во многом столь же формально заявленным либеральным выбором, политической конъюнктурой и ближайшими (актуальными) задачами в области экономических и политических реформ. Вместе с тем появление и широкая циркуляция новых идей и новых имен не приводили к каким-либо серьезным переменам в методологии социального познания. Замена одних имен и цитат новыми ничего не меняла по существу в самом способе мышления.

Марксистско-ленинская идеология на деле оказалась более сложным и жизнестойким системным образованием, чем это представлялось двадцать лет назад. То, что она утратила политические функции, в частности, функцию легитимации власти, еще не означало, что она исчерпала ресурсы глубинного воздействия на общественную жизнь. Одна из важнейших задач марксистско-ленинской идеологии заключалась в консервации теоретического языка, который сложился к середине XIX века под влиянием классической немецкой философии (диалектики Гегеля, в первую очередь) и так называемых великих открытий в естествознании, среди которых на первом месте стоит, несомненно, теория эволюции Дарвина. На этом языке были созданы основные произведения Маркса, только в пространстве этого языка его концепции и идеи сохраняли свое теоретическое значение и место в науке. Борьба с ревизией учения, борьба за чистоту Марксовых идей была, по сути, борьбой с ходом времени, с развитием социального знания, стороной и следствием которого (развития) было неизбежное обновление языка науки. Но по мере того, как идеология в ходе культурной революции 1930-х годов предопределила способ и структуру духовного производства в советском обществе, породив институциональную матрицу социалистической культуры и формирования «нового человека», она способствовала возникновению в сфере науки уникального формообразования — «культуры партийности». Последняя представляла собой разновидность гражданской религии, основанной на культе основоположников марксистского учения [1, с. 164–165]. Многоплановому влиянию культуры партийности подверглись все стороны науки — организация, система ценностей и жизненный мир ученого, основные установки и цели научного познания, характер научной коммуникации и междисциплинарных связей, методология и актуальная тематика исследований, а также процедура профессиональной оценки и общественного признания результатов. Пронизанная духом авторитарности, она придала аксиоматический характер системе принципов и базовых категорий марксизма, образовавших каркас картины мира. Применительно к социальному познанию этот категориальный каркас выполнял функцию его метаязыка и одновременно — метаметодологии.

Когда же в ходе перестройки и последующего устранения с политической сцены КПСС и ее идеологических институтов в повестку дня встал вопрос о необходимости кардинальных перемен в обществознании, оказалось, что на пути таких перемен стоит институциональный строй науки — не только ее формальная организация, но и складывавшиеся в течение многих десятилетий традиции; говоря шире, культура научной деятельности, включающая в себя «человеческий фактор» — мировоззренческие ориентиры и методологические установки научных коллективов и отдельных лиц. Прочность и влиятельность этих традиций обеспечили тот во многом неожиданный эффект, который со времен перестройки был известен как торможение — отрицательная реакция тех или иных социальных систем на ускоренный ритм перемен. Для объяснения таких эффектов Д. Норт использовал формулу: «история имеет значение» [2, с. 82].

Во многом именно эти попытки поверхностных, косметических перемен (имен и цитат), не затрагивающие глубинных основ теоретического языка и связанного с ним способа

мышления, придали переживаемой нами методологической ситуации фрагментарный, гетерогенный и во многом тупиковый характер. На наш взгляд, одной из причин того, что когнитивный комплекс, функционально замещающий «знание» в структурах социального (политического) действия, не отвечает своему назначению, является методологический «пробел» в структуре социального познания. Необходимо уточнить, что пробел не означает отсутствия методологии. Он указывает только на несоответствие методологии тому проблемному полю, в границах которого она используется. Критерием такого соответствия можно считать способность вновь вводимой методологии адаптировать к языку, доминирующему в этих границах, присущие ей подходы, принципы и нормы. Благодаря такой адаптации, во-первых, обеспечивается обновление не только рабочего инструментария методологии, но и самого ее духа, ценностных установок, а во-вторых, теоретический язык приобретает качество «речи» (рассматриваемой в контексте соссюровского противопоставления «языка» и «речи»). Именно в процессе превращения «языка» науки в «речь», в практику реального научного исследования складывается региональная версия той или иной научной дисциплины. В данном случае речь идет не о попытке обосновать возможность особой («суверенной») российской социальной теории, но о выявлении и институционализации тех особенностей в содержании и строении ее теории и методологии, которые связаны со спецификой объекта исследования, механизмов формирования «повестки дня» науки, национальной (культурной) ментальности ученых и находят выражение в терминах «научная традиция», «школа», «направление». В этом отношении наспех переведенные и плохо усвоенные импортированные концепции представляют собой суррогат знания, функционально используемый в социальном конструировании реальности, результаты которого, как показал опыт российских реформ, были обречены на неудачу.

Наличие такого методологического пробела свидетельствует о том, что роль метаметодологии по отношению к социальной науке, но уже в форме теоретического бессознательного, по-прежнему играет марксистско-ленинская идеология, рассматриваемая теперь не как определенная система взглядов, но как институционально закрепленный способ производства знания [3, с. 55]. В поле действия этой метаметодологии любые концепции получают вид «языка», оказываются принципиально дистанцированными от реальности; они являются к тому же когнитивным материалом, не пригодным для институциональных нововведений. К их числу можно отнести теорию демократического транзита, в свое время претендовавшую на роль основной объяснительной модели трансформации постсоветского общества. Неудачные итоги ее практического применения в ходе политических преобразований в 1990-е годы имели ряд далеко идущих следствий: они не только скомпрометировали идею демократии и породили в рядах образованного класса разочарование в либеральных ценностях, но и вызвали массовый отказ от либерального выбора в пользу авторитарного. Эта неудача способствовала скрытой реабилитации идеологии и относительному укреплению ее позиции в научном сообществе. Возможно, что, как и философская система его предтечи, Гегеля [4, с. 39–40], марксизм-ленинизм обладает уникальным свойством диалектически «снимать» в себе в качестве собственного момента любую противоположную точку зрения.

Методологический пробел, помимо указанного выше, характеризуется тенденцией к отрыву от контекста времени. Так, например, теоретическая слабость и политическая неэффективность критики государственного курса, направленного на воссоздание вертикально ориентированной, авторитарной модели политической организации общества, которую в годы перестройки публицистика заклеймила под именем административно-командной системы, как раз и обусловлены тем, что эта критика ведется либо с отсылкой к отжившему историческому опыту, либо с нормативных позиций идеальной демократии. В лучшем случае эти требования, даже если они соответствуют реальностям западных обществ, представляют для нас только возможный образ отдаленного будущего. Пикантность обсуждаемого здесь вопроса связана с тем, что аргументы исторического порядка предъявляются власти от лица общества, которое чем дальше, тем больше испытывает несомненную идиосинкразию к истории, опыту, памяти и, что не менее важно, — проекту. Пережив крушение коммунистической утопии, российское общество замкнулось во временных рамках настоящего, повседневности, порой совпадающей с бытом. Что же касается понятия идеального типа, в нашем случае — идеальной демократии, то оно только указывает на господствующую тенденцию, являясь ариадниной нитью в лабиринте истории, но не содержит ни гарантии достижения указанной цели, ни описания ведущего к ней маршрута.

Соответственно, и вопрос о направлении, в котором осуществляется это движение «от» тоталитаризма, отнюдь не является риторическим: «вперед» — это не единственный

ответ в нашей исторической ситуации. Будущее не программируется, оно становится в ходе социальной эволюции. В современной трактовке социальной эволюции отходит на дальний план, если вообще сохраняется, кардинальное ранее различие революционного и эволюционного как взрывного по характеру процесса, с одной стороны, и медленных, постепенных перемен, с другой. Эволюционные изменения в обществе могут носить обвальный характер: «Сам процесс напоминает падение снежного кома; по мере скатывания с горы он увеличивается в размерах. Было обнаружено, что существует взаимное усиление воздействия феноменов на все изучавшиеся эволюционные процессы. Здесь надо подчеркнуть, что взаимное усиление, возможно, и в самом деле действует в двух направлениях: где оно действует позитивно, организация имеет тенденцию к росту размеров и сложности; где его воздействие негативно, развитие, кажется, останавливается, причем политическая структура приходит в упадок или даже в состояние коллапса» [5, с. 8]. Именно поэтому модель социальной эволюции может быть использована для изучения трансформационных процессов, сходных по темпу и характеру динамики с революцией. Возможно, что это сходство, наряду с доставшимся в наследство от марксистско-ленинской теории исторического процесса шаблоном (принципиальным противопоставлением революции и эволюции), и провоцировало доминирование дискурса революционности в объяснении политической истории 1990-х гг.

Необходимо специально отметить два вывода, имеющих принципиальное значение для последующего изложения. Во-первых, тезис об альтернативных путях эволюции, который переводит старую дискуссию об одно- или многолинейном (многовариантном) характере процессов общественного развития в новую плоскость: отказ от линейных представлений о социальной эволюции и переход к образу нелинейного, многомерного пространства как поля социальной эволюции. «Имеет смысл говорить не о линиях эволюции, а о непрерывном эволюционном поле. При этом в рамках этого поля мы вовсе не наблюдаем такой ситуации, при которой движение в любом направлении возможно в равной степени. Движение в некоторых направлениях в его рамках оказывается в принципе невозможным, в то время как движение в одном направлении будет менее вероятным, чем в другом. Переход к более адекватному пониманию социоэволюционных процессов может быть достигнут, на наш взгляд, через отказ как от однолинейных, так и от многолинейных схем социальной эволюции и через последующую разработку ее нелинейных моделей» [6, с. 75]. Во-вторых, положение об особой хрупкости политических структур, их зависимости от направления эволюционного процесса и возможной деградации в результате попятного движения, упрощения и дегенерации культурного целого.

2

Социально-эволюционный подход в нашей методологической ситуации возникает как бы «вдруг» и в каких-то своих частных аспектах: синергетика, например, или неожиданно обнаруживающаяся специфическая окраска уже знакомых методов (например, интерпретация системного и семиотического подходов в русле историзма). Надо отметить, что «окно» для таких частных проникновений приоткрылось со времен «оттепели»; в немалой степени это обстоятельство подготовило почву для формирования такой специфической субкультуры послесталинской эпохи, альтернативной культуре партийности, как «шестидесятники». Принципиальная суть этого подхода затеняется к тому же дополнительными коннотациями, которые индуцированы смысловым контекстом классической теории эволюции и придают термину «социальная» значение имени прилагательного, то есть видового определения, частного по отношению к «эволюции» как родовому понятию, имени существительному.

Иными словами, наше обществознание, которое в течение целого периода времени освобождалось от идеологической цензуры и, что еще важнее, от самоцензуры, корпоративной и личной, лицом к лицу столкнулось с новой парадигмой социального познания. На эту роль сегодня претендует концепция социальной эволюции, вытесняя прежнюю марксистско-ленинскую парадигму, ключевым концептом которой была социальная революция. Эта концепция может укрепиться в своей роли, только будучи развернута в определенной совокупности подходов, как новых, органически связанных с нею (социокультурный подход, институциональный анализ, синергетика), так и давно известных подходов, переживших под ее воздействием второе рождение; может быть, в первую очередь, системного. Само появление в 1930–1960-е годы в западной социальной науке этих подходов — свидетельство длительного вызревания социально-эволюционной парадигмы. Этот процесс по известным причинам остался не замеченным марксистско-ленинской наукой, которая, впрочем, подвергала острой упреждающей критике ее отдельные проявления-симптомы, резко противоречившие теоретико-методологическим установкам советского

марксизма. К их числу можно отнести экономическую теорию Дж. М. Кейнса, социологию знания К. Манхейма, теорию социокультурной динамики П. А. Сорокина, анализ политических институтов М. Дюверже, структурную антропологию К. Леви-Строса, теорию нового индустриального общества и конвергенции Дж. Гэлбрейта, теорию деидеологизации Д. Белла и др.

Институциональный (неоинституциональный) подход содержит в себе ряд методологических возможностей, которые (1) раздвигают предметные границы теоретического пространства, открывая новые уровни и направления исследований, (2) вызывают структурную перестройку в обществознании, создавая условия для новых форм междисциплинарного синтеза, и, (3) будучи реализованными, могут привести к устранению методологического пробела в обществознании. Подобно квантовой теории в физике, институциональный анализ позволяет перейти в социальном познании от макро- к микроуровню и продолжить изучение явлений на нижележащих этажах их организации, снимая проблему «черных ящиков» [7, с. 6]. Микрофизическая модель власти М. Фуко демонстрирует результаты применения этого подхода к решению одной из самых сложных, комплексных по характеру проблем социальной науки. Благодаря смещению фокуса теоретического исследования «вглубь», его предметом становится человеческая повседневность, которая традиционно считалась заповедной территорией опытно-экспериментальных разработок.

Вместе с этим институциональный подход позволяет фиксировать изменения, происходящие в сравнительно короткие отрезки времени. Благодаря этому преодолевается ахиллесова пята классических эволюционных моделей, которые опирались, как на фундамент, на огромный массив эмпирического материала («Монблан фактов» — Ленин о «Капитале») и охватывали интервалы времени протяженностью в эпохи, оперируя периодами в тысячи, миллионы и миллиарды лет, в зависимости от научной дисциплины и типа исследуемых процессов (космология, геология, биология или история). Ретроспективный характер таких исследований делал практически неизбежным использование детерминистских представлений линейного типа, в значительной мере ограничивая возможности теоретического конструирования настоящего и ближайшего будущего. Более того, с позиции классического эволюционизма сама идея конструирования представлялась основанной на злоупотреблении разумом [8, с. 86–87]. В этом пункте наиболее отчетливо проявляется принципиальное различие между старым и новым институционализмом.

В первом случае утверждается, что в социальной эволюции доминирует непреднамеренное, вследствие чего она движима конкуренцией, которая представляет собой игру с нулевой суммой. Отсюда неизбежен вывод: «эволюция не может быть справедливой» [8, с. 130]. Тезис о ценностной нейтральности экономики удивительным образом совпадает с известным суждением Макиавелли о природе политики и служит подтверждением того, что подобные рассуждения рождаются в теоретическом пространстве предшествующей (новоевропейской) парадигмы социального познания. Более того, за этими высказываниями можно вычленить психологический подтекст кафкианского толка: «Требования, чтобы эти процессы были справедливы или обладали другими моральными качествами... вполне могут быть адресованы руководителям, регулирующим некий процесс посредством рационального контроля, или внимающему молитвам богу, но никоим образом не могут быть предъявлены безличному самоупорядочивающемуся процессу, происходящему в действительности» [8, с. 128]. С тем уточнением только, что описанный Кафкой в одноименном романе процесс является рациональной конструкцией — это порядок действий бюрократической машины, построенной людьми и функционирующей на основе твердо установленных, незыблемых рациональных принципов. Крайности сходятся, и точкой такого схождения, их общим прообразом является спинозовская модель субстанции как causa sui, составившая теоретико-методологическое ядро новоевропейской парадигмы.

Неоинституционализм отталкивается от другой трактовки роли целеполагания и знания в социальной эволюции. «В противоположность дарвиновской эволюционной теории, ключом к эволюционным изменениям человечества является интенциональность игроков. На механизмы отбора в эволюционной теории Дарвина не влияют представления о конечных результатах. Напротив, эволюция человеческого общества направляется представлениями игроков; выбор совершается в свете этих представлений с намерением добиться результатов, снижающих неопределенность, с которой сталкиваются организации — политические, экономические и социальные, — преследуя свои цели. Поэтому экономические изменения по большей части являются сознательным процессом, формируемым представлениями участников о последствиях деятельности. Источ-

ником этих представлений служит то, во что люди верят: теории, предсказывающие последствия их поступков и обычно неотделимые от их предпочтений» [2, с.8–9]. С нашей точки зрения, социальная эволюция является процессом, в структуре которого интегрированы два потока изменений, вызванных действием факторов природной среды в одном случае и социальной – во втором. Если предположить, что социальная эволюция направляется в основном природными (и природоподобными, стихийными) факторами, то выводы Хайека относительно расширенного порядка кажутся вполне обоснованными. Но с учетом того, что со времени промышленной революции возрастает влияние на эволюцию общества социальных факторов (науки, культурных ценностей и артефактов, систем информации), ее характер резко меняется. Это находит свое выражение в том, что конкуренция, не только экономическая, но политическая и социальная, выступает в виде игры с положительной суммой [2, с.100].

Повышение роли социальных факторов в эволюции общества позволяет вернуться к вопросу о месте, которое занимают в истории этические критерии и принципы. Негативный ответ Хайека на этот вопрос вытекает из установки на социальные системы, опирающейся на гоббсовский образ Левиафана. Левиафан – не гипербола, это, скорее, метафора, отсылающая к трансцендентному началу в основах расширенного порядка; составные части этого порядка – публичная и частная сферы: государство (политика) и рынок (экономика). «В английском и даже немецком языках не существует вполне подходящего слова, которое могло бы точно отразить специфику расширенного порядка... Единственно подходящим словом «трансцендентный» так злоупотребляли, что я не решаюсь использовать его. Буквально, однако, оно действительно означает то, что далеко выходит за пределы нашего понимания, желаний или намерений и нашего чувственного восприятия, нечто, объемлющее и порождающее такие знания, которых ни сознание отдельного индивида, ни какая-либо организация не могли бы ни охватить, ни выработать» [8, с. 127]. Дойдя до вывода о бесцельности морали, он истолковывает последнюю как специфически человеческую естественную (родовую) силу, обеспечивающую адаптивную пластичность человеческого рода в ходе истории, которая получает характер эволюции «по Дарвину». Применительно же к этой модели эволюции использование каких-либо этических принципов и оценок не имеет смысла.

Но есть и другое истолкование бесцельности морали. С точки зрения Канта, моральное (как и искусство, кстати) является формой целесообразного без цели и относится к числу трансцендентальных идей, выводящих человека за пределы естественно сложившегося порядка (механической причинности) в область свободы (целевой причинности). В этой области детерминирующую силу приобретают не любые человеческие цели, но только имеющие этическое основание. В данном аспекте моральное обозначает интервал между принятым и должным, реальным и идеальным и возможно только как результат выбора, который обязан совершить индивид. Отказ от выбора оставляет индивида в плену сложившегося механизма социального поведения, имеющего вид инстинкта. Инстинкт предпочтительнее разума с точки зрения жизненной (природной) целесообразности. Именно это имел в виду Кант: «Если бы в отношении существа, обладающего разумом и волей, истинной целью природы было сохранение его, его преуспеяние,– одним словом, его счастье, то она распорядилась бы очень плохо, возложив на его разум выполнение этого своего намерения. В самом деле, все поступки, какие ему следует совершать для этого, и все правила его поведения были бы предначертаны ему гораздо точнее инстинктом, и с помощью его можно было бы достигнуть указанной цели гораздо вернее, чем это было бы сделано при помощи разума» [9, с. 230]. Не о дилемме – успех или свобода – говорит Кант. В отличие от успеха, свобода не подлежит калькуляции, свобода – акт трансценденции, задающий времени импульс необратимости и открывающий выход в иной мир – в будущее. В этом плане трансценденция и история тождественны по своему смыслу.

В несовпадении между инстинктом и разумом, приспособлением и свободой проступает различие между биологической и социальной эволюцией. Социальная эволюция связана с изменением не природной среды (в этом аспекте человек – только один из биологических видов), а человеческой, причем не посредством промышленности, а различных социальных факторов. При этом задача приспособления человека к природе не утрачивает своей актуальности, только решается она намного эффективнее и не столь разрушительным для природы образом. В ходе становления новой парадигмы социального познания возникает потребность в категориальном оформлении специфики социальной эволюции, общее выражение которой связано с проблемой направленности, осевого времени истории. Ряд авторов настаивает на возвращении в научный оборот понятия прогресса: «через данное поня-

тие в нашу науку (пускай и в скрытом виде) продолжают проникать два очень важных понятия, табуированных в современной науке, пожалуй, в еще большей степени, чем слово «прогресс» ... Мы, употребляя соответствующие слова в академическом тексте, испытываем ощутимый дискомфорт. Понятия эти — добро и зло. И на наш взгляд, социальная наука, полностью отказавшаяся от изучения связанной с ними проблематики, в значительной степени теряет свой смысл, становится "стерильной"» [6, с. 25–26].

В рамках социально-эволюционной парадигмы этические категории фиксируют гуманитарное, культурно-антропологическое измерение истории, указывая ее, истории, смысловой предел, идеальную норму и целевую причину. Речь идет не о возвращении к телеологическим или антропоморфным моделям исторического процесса, не о сведении его к действиям великих, всемирно-исторических личностей, но о возможности нового представления социальных систем, возникающего в русле синергетики. Это открытые системы со смещенным, блуждающим центром, для которых — в противоположность закрытым и стационарным системам — характерны неравновесные состояния и новый тип структуры и иерархии. Такие системы обладают свойством быть одновременно автономной (себетождественной) и не тождественной себе (в качестве частей других целостностей). Ю. М. Лотман называл эти системы семиотическими монадами, подчеркивая определенное сходство их поведения с поведением личности. «Сохраняя определенную осторожность, можно утверждать параллель между семиотическими монадами и понятием личности, поскольку и им присуща в определенной мере автономность поведения. [...] Монада, которая как часть подчиняется строгим законам детерминации, как целое, как «личность» обладает возможностью выбора и определенным запасом непредсказуемости... Чем сложнее организована монада, тем автономнее ее поведение, тем более непредсказуемости она вносит в систему в целом. Такая организация обладает огромной информационной емкостью и фактически неограниченными возможностями саморазвития» [10, с. 645].

Этические категории не следует воспринимать как нечто привнесенное в предмет научного исследования, как субъективный «привесок», имеющий прагматическое или идеологическое назначение. В рамках новой парадигмы социального познания этическое — неотъемлемая часть действительности, онтологическая структура, значимая в анализе не меньше, чем экономические, финансовые, политические и социальные факторы. Более того, этическое составляет контекст социокультурной динамики власти, благодаря которому из силы угнетения и господства она превращается в культуротворческую силу бытия, динамическое основание цивилизации [11, с. 22]. Социокультурная динамика власти образует внутренний план исторического процесса и придает ему гуманитарную направленность: в этом аспекте человек является движущей целью истории, а ее основная интенция связана с обретением человеком прав и свобод. Гуманизация, очеловечивание истории — тенденция, суть которой не в возвеличении человека, провозглашенном Возрождением, а в возрастающем сходстве поведения открытых социальных систем с поведением человека. Спонтанность, целостность, автономность, свобода, динамичность, целевая причинность, индивидуальность, самоорганизация и самоуправление — таков далеко не полный набор категорий, которые (1) характеризуют как «человекоподобное» поведение открытых социальных систем и (2) раскрывают специфические черты социальной эволюции в современном обществе, кардинально отличающие ее от эволюционных процессов не только в природе, но и в традиционных и индустриальных обществах.

1. Гордон А. В. Культура партийности и советский опыт историознания//Россия и современный мир. 2009, № 3. С. 160–180.
2. Норт Д. Понимание процесса экономических перемен. М. : ГУ-ВШЭ, 2010. – 256 с.
3. Скоробогацкий В. В. По ту сторону марксизма. Свердловск : УрГУ, 1991. – 270 с.
4. Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М. : Логос, Прогресс-Традиция. 1998. – 208 с.
5. Классен Х.Дж. М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути цивилизации. М. : Логос, 2000. – С. 6–23.
6. Коротаев А. В., Крадин Н. Н., Лынша В. А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути цивилизации. М. : Логос. 2000. – С. 24–83.
7. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория. М. : ИНФРА-М. 2005. – 416 с.
8. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, 1992. – 304 с.
9. Кант И. Основание метафизики нравов // Лекции по этике. М. : Республика, 2005. – С. 223–282.
10. Лотман Ю. М. Культура как субъект и сама-себе-объект // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб. 2001. – С. 639–647.
11. Скоробогацкий В. В. Общество и власть в эпоху перемен. Екатеринбург : УрАГС, 2007. – 136 с.

О СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ КОНЦЕПТА ПОТЕСТАРНОСТИ

УДК 304.42

О. В. ШМУРЫГИНА

Феномен власти изучается давно и разносторонне. Определённый вклад в его дальнейшее осмысление позволяет внести концепт потестарной ёмкости, предложенный А. И. Сосландом [6, с. 182–199] для рефлексии психотерапевтической практики и теории, но имеющий гораздо больший, выходящий далеко за рамки психотерапии эвристический потенциал, чему и посвящена настоящая статья.

В латинском языке potestas означает способность, возможность, обладание достаточной силой для осуществления какой-либо деятельности. Акцент в латинском термине ставится не столько на источнике, «начале» действия, сколько на его субстанциональной основе — силе. В этом значении термин вошел в романо-германские языки (power) и на русский язык очень часто переводится как «власть», приобретая иной смысловой оттенок, т. к. «власть» является однокоренным с «владеть, владычествовать», основание которого имеет значение «собственник», «хозяин».

В настоящее время актуальным и эвристически полезным становится использование термина «потестарность» в значении, отличающем его от власти. Последнюю принято раскрывать через субъект-объектные отношения, основным моментом которых является субъект — источник, носитель (человек, группа людей или институт) — обладающий способностью влияния на других, становящихся объектами властного воздействия [1; 2]. Власть при этом не исчерпывается субъектом, объектом и воздействием (системой взаимодействий субъекта и объектов). М. Фуко, напр., убедительно показывает пронизанность отношениями власти всего общества и вводит термин «поле власти», которое означает, что всё в обществе находится в контексте различных властных отношений, образующих своеобразную паутину [7; 8].

А. И. Сосланд, опираясь на идеи М. Фуко, представляет власть как нечто тотальное, встроенное во все мыслимые не только социальные, но и экзистенциальные локусы. Властными отношениями, по его мнению, «нашпигованы» любой знак, жест, любая интеракция. Власть — феномен многомерный, разномасштабный, неоднородный, состоящий из множества звеньев. Власть может быть рассмотрена и как некая инстанция, и как некое влечение [6, с. 182]. На каждое из её звеньев, в свою очередь, может быть оказано то или иное воздействие извне. Потестарная ёмкость представлена им как сумма возможностей (прежде всего, обратного) влияния на субъект власти в рамках определённой практики, парадигмы, науки и т. д. Потестарная ёмкость, по его словам, самым непосредственным образом присуща всем явлениям и измерениям общественной жизни. Любая подвластная составляющая общества обязательно в той или иной степени влияет на властные отношения, меняет их и меняется сама в контексте динамики этих взаимоотношений.

Прообраз концепта потестарной ёмкости можно найти ещё в диалектике раба и господина, изложенной Г. Гегелем в «Феноменологии духа»: господство, основанное на рабстве (иными словами, на подчинении), несамостоятельно и несамодостаточно. Более того, находящийся в подчинённом состоянии индивид оказывает обратное влияние на действия господина, определяя, например, форму тех вещей, которые потребляются властителем, тем самым вынуждая его принимать вещь именно в том виде, в котором её увидел раб.

Развивая данный концепт далее, необходимо чётко разграничить понятия потестарности и потестарной ёмкости: первая — свойство объектов власти оказывать обратное влияние на её носителей, а потестарная ёмкость — это количественное выражение возможности этого влияния. Потестарность подвластных как одна из характеристик социальных явлений вторична по отношению к властным воздействиям и потому отличается от них, а состоит из элементов, непосредственно связанных с формами проявления власти (господством, преобладанием ресурсами, более высокой организацией общественного порядка). Эти отдельные элементы, в свою очередь, проявляются некоторыми ответными реакциями на различные способы осуществления власти.

Господство как первая форма проявления власти характеризуется использованием принуждения, силовым преодолением сопротивления подвластных. Принято полагать, что господство реализуется главным образом через санкции. Некоторые исследователи (например,

П. Блау) считают: санкции могут быть только негативного характера, что позволяет определять власть как «способность индивидов или групп навязывать свою волю другим вопреки их сопротивлению через угрозу наказания или отказа в регулярных вознаграждениях, так как и первое, и второе обладают эффектом негативной санкции» [9, с. 294].

Принуждение как основная составляющая господства видоизменяется с течением времени. Общество развивается, и подвластные адаптируются к определённым способам и методам принуждения, поэтому власть вынуждена заменять их другими, порождая ответную динамику со стороны подвластных. Так, простое проявление силы, которое использовалось в Средневековье, уже не может служить эффективной формой проявления принуждения в современном информационном обществе. Поэтому здесь на первый план выходит манипулирование информацией и осуществление влияния с её помощью, а не благодаря давлению, оказываемому на тело. Отпадает необходимость и в том, чтобы бороться с физическим сопротивлением подвластного, если его можно избежать, предотвратить. В современных условиях властное воздействие осуществляется по большей части без (или почти без) прямого принуждения и, соответственно, без порождения и преодоления сопротивления, которое в промежуточных вариантах переходит в скрытую форму. В связи с этим значение сопротивления, которое всегда сопутствует принуждению и выступает проявлением потестарности, теряется. Сопротивление власти всё больше преобразуется в форму добровольного согласия с ее требованиями, что и делает власть «легитимной». Это оказалось возможным благодаря изменению методов принуждения. Сопротивление проистекает из желаний человека, поэтому ранее власть заставляла при помощи явного принуждения действовать человека против своих желаний. Современные же властные структуры научились не только и даже не столько удовлетворять многие имеющиеся желания, а ещё и формировать у (in-form, «встраивать в») подвластных необходимые властям желания. Подвластные часто даже не осознают, что являются объектами скрытого от них принудительного воздействия. И потому здесь уже нет сопротивления принуждению.

Всё идёт к тому, чтобы сформировать у людей ощущение, что они осуществляют свои действия не только не в противовес своей воле, а согласно своим внутренним потребностям, и что поэтому иного лучшего порядка быть не может («общество благоденствия»). Как говорил С. Льюкс: «Высшая и наиболее коварная форма осуществления власти — это предотвращение, в той или иной степени, возможного недовольства людей путем формирования у них таких восприятий, знаний и преференций, которые обеспечили бы принятие людьми своих ролей в существующем порядке вещей — или в силу того, что они не видят альтернативы этому порядку, или потому что считают его божественно предопределённым или выгодным» [3, с. 24].

Управление желаниями предоставляет властвующему возможность соприкоснуться со сферой, которая ранее представлялась областью индивидуальной автономии. Сформированное желание становится сильнее идущих от индивида желаний, хотя является не столько желанием, сколько его знаком, симулякром, в первую очередь для самого потребителя: знак зовёт без нужды в нём. Но и удовлетворение его тоже приобретает симулятивный характер: у потребителя нет необходимости потреблять непременно сами продукты и услуги, теперь можно потреблять, а значит, как следствие, и производить лишь их знаки. Так, например, реальное общение, которое требуется индивиду как социальному существу, заменяется телефонными разговорами, электронными письмами, нередко к тому же состоящими из набора клише. Реальные эмоции, которые можно испытывать в жизни, люди заменяют теми, которые существуют в телевизионных сериалах, сериях детективов и т. д.

Но потребляя знаки, а не сами продукты и услуги, объекты власти так проявляют свою потестарность, оказывая обратное воздействие на власть, потому что знаковым, симуляцией становится само подчинение. Желание к человеку теперь приходит извне, словно вещь, занимающая пустовавшее до неё место. Усвоение вовне произведенного желания возможно при изначальной опустошённости человека. Иными словами, производство нового желания одновременно предполагает производство пустоты там, где прежде сменяли друг друга страсти [5, с. 17]. Власть провоцирует опустошение подвластного, который либо опустошается в ответ, принимая желания извне, либо симулирует и опустошённость, и желания, и их потребление, ограничивая последнее лишь знаками. И чем больше знаков вместо реальных вещей и услуг производится обладающими властью, тем больше потребитель своей имитацией потребления вещей и услуг стимулирует ими-

[1] О потестарности вневластных требуется отдельный, выходящий за рамки данной статьи, разговор – Авт.

тационное производство знаков властями (экономическими, политическими, культурными и др.).

В вышеприведённой цитате С. Льюкс отмечает два варианта положительного принуждения, т. е. осуществления власти без оказания явного воздействия: опора на авторитет и обладание ресурсами. Обладание и манипулирование какими-либо ресурсами относится им ко второй форме проявления власти. Неравное распределение материальных, социальных, духовных и политических ресурсов впоследствии ведёт к неравным результатам (выгодам и издержкам) в отношениях обмена, возникающих между субъектом и объектом. У объекта власти либо совсем нет ресурсов, которые требуются для достижения целей, либо их недостаточно. В связи с отсутствием других источников для получения ресурсов ему приходится подчиняться воле субъекта, т. к. именно у него есть необходимые ресурсы. Возникает зависимость результатов деятельности одного человека от результатов деятельности других людей. Но возникает не просто зависимость, а взаимозависимость. Обладатель ресурсов должен поддерживать потребность именно в его ресурсах, а не в альтернативных источниках, которые могут возникнуть.

Поддерживать потребности в ресурсах субъектам власти помогает опора на здравый смысл подвластных. Например, сегодня (в эпоху постмодернизма) этот самый здравый смысл заключается в том, что не нужно изобретать что-то новое. Ресурсы можно и нужно брать там, где они есть, у того, кто ими обладает. Нет необходимости в поиске или создании новых источников силы и влияния, проще обратиться к уже известным и существующим.

Здравый смысл в итоге ограничивается тем, чтобы не предпринимать интеллектуальный поиск самому, потому что уже есть те, кто обладает всем необходимым в полном объёме — и можно просто заимствовать. Они (те, кто обладает) в случае надобности сами оформят консенсус, основанный на здравом смысле, идеологически. Но тогда смысловая расслабленность (всеядность) подвластных освобождает власть от поиска какого-то убедительного смысла, поскольку «всё сгодится!». И здесь мы тоже наблюдаем современное проявление потестарности: происходит идеологическая демобилизация власти как результат согласия подвластных с любой идеологией, с идеологией, ставшей всего лишь знаком самой себя, не более, т. е. с симулякром идеологии.

Господство и обладание ресурсами как формы осуществления властных отношений обязательно должны дополняться такой формой проявления власти, как создание порядка. Сегодня на смену власти, демонстрирующей силу, дисциплинарной власти и власти-контролю приходит власть, основанная на ориентации граждан относительно предпочтений в сфере производства, потребления, политических пристрастий и досуга. Это — наиболее эффективный на сегодняшний день принцип реализации власти. Власть, ориентирующая граждан и добивающаяся тем самым своих целей, является с привычной точки зрения незаметной; это власть-порядок (или даже поле порядков), а не некое насилие. Но условием осуществления этого типа власти является одинаковость (реакций) человеческих индивидов.

Порядок, устанавливаемый властью — это совокупность таких правил, которые регулируют человеческое поведение, создавая из них массу, но массу не однородную, не общность, а, напротив, атомизированную массу отдельных разобщённых индивидов, каждый из которых подлежит отдельному тотальному контролю. Контроль максимально индивидуализируется, осуществляется не над массой, внутри которой у индивида ещё есть шанс «спрятаться» и оставаться субъектом («внутренняя эмиграция» и т. п.). Современные же подвластные индивиды подвергаются десубъективации, объективируются, превращаются только и только в объекты. Потому просвещенческий дискурс убеждения (доказательства), основанный на модели человека-субъекта, сменяется постмодернистским риторическим дискурсом повторения (умножения) и внушения, направленного на разобщённых индвидов-объектов. Власть вновь приобретает религиозные функции, т. к. её легитимация производится не убеждением, предполагающим сомнение, но оформлением самого здравого смысла, самоочевидного «естественного» порядка вещей, которое снимает сам рациональный дискурс сомнения в пользу манипулятивного дискурса «доверия» и «предрассудка» [4, с. 393].

Проявлением современной потестарности, которое вытекает из данной формы проявления власти (создание порядка), является размытый характер субъекта власти, его деперсонификация. Блокируя сопротивление, вытесняемое и замещаемое контролируемым властью желанием-соблазном, человеку отводится роль квазицентра, вокруг которого прежний мир встает с ног на голову. Массовая культура занимает место экономики, коллективная психология — место онтологии. Новый мир антропоцентричен, и это перемещение человека в центр желания выглядит как реализация гуманисти-

ческого проекта: человек становится центром мира модных вещей, но центром неподвижным и пассивным, ничего не определяющим. Аналогично этому на другом полюсе отношения власти появляется квазисубъект, своего рода аппарат власти, представляющий собой иерархизированную совокупность социальных ролей и образцов поведения, сведённых в политическую программу или должностную инструкцию [5, с. 22].

Согласно этому человек и всё, что с ним связано (социальные отношения, процессы, институты и т.д.), превращаются в объект властных воздействий, а роль властвующего начала никак нельзя привязать к конкретному индивиду. Властные воздействия исходят не от какого-то конкретного человека или государственной структуры, а от самой эпохи. В аграрном и индустриальном обществе монарх обладал властью, он принимал решения, опираясь на свои собственные убеждения. Сегодня власть как бы в руках какого-то механизма и ни у кого в частности. Остаются отдельные управленческие функции, но нет всей мощи синкретичной власти, всего того потенциала, которым пользовались средневековые короли, власть рассредоточивается по различным социальным отношениям. Есть определённые правила поведения, которым подчиняется и отдельный человек, и различные социальные группы (некоторые называют это явление кодом Системы [5, с. 15]). Получается, что из-за размытости субъекта власти размывается и принуждение, а также обратное воздействие, оказываемое объектами власти. Это обратное влияние происходит не на субъект власти, потому что его сложно уловить, а на систему властных отношений.

Господство, обладание ресурсами, регулирование отношений – всё это только формы осуществления власти, функции некой Системы. Но даже системное представление власти не ухватывает её сущности, а только показывает характерный для данного общества способ её устройства и действия. В кадре нам дано «Как?» власти, за кадром же остается субъект (т.е. «Кто?»), скрывающийся за её действием. Невозможность увидеть или хотя бы «на кончике пера» уловить это «Кто?» воспринимается либо как недостаток избранного угла зрения, который можно исправить с течением времени, либо как эффект «обратной стороны Луны», которая в принципе недоступна земному наблюдателю.

Поэтому другим элементом потестарности можно выделить наличие некой «ответной» пустоты. Потестарность (как пустота, «вместимость») характерна, например, индивиду, на которого оказывает воздействие окружающая его обстановка (общество, отдельные социальные группы, социальные нормы, социальные институты и т. д.). Она может быть также у какой-то группы людей, находящейся под влиянием других групп, различных общностей. Вместимость у каждого социального объекта разная. Властные отношения, в которых они существуют, заполняют их как ёмкости волевыми воздействиями. Но воздействия эти как электрический заряд накапливаются, набирают свою силу, а потом выходят за их пределы уже как ответ объекта власти на её воздействие.

Так возникает вопрос об измерении потестарной ёмкости, о его процедуре и инструментарии. Ответ на него получить сложнее, нежели определиться с понятиями власти и потестарности, в том числе с их современными метаморфозами. Но эта определённость является необходимым предварительным условием ответа. Предложенная статья – попытка внести вклад в поиски ответа на вопрос, сама возможность которого возникла благодаря эвристическому потенциалу концепта потестарной ёмкости, требующему привлечения внимания со стороны исследователей-обществоведов.

1. Вебер М. Избр. произведения: пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1990.
2. Кожев А. Власть: метафизический анализ [Текст] / А. Кожев. – М. : Праксис, 2007.
3. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд [Текст] / С. Льюкс. – М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010.
4. Мартьянов В. С. Восстание обреченных: заметки о политической логике пост-модерна [Текст] / В. С. Мартьянов // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 5. – Екатеринбург : УрО РАН, 2005.
5. Скоробогацкий В. В. Знание и власть на закате индустриальной эпохи [Текст] / В. В. Скоробогацкий // Общественные науки и власть: интеллектуальные трансформации. – Екатеринбург : УрО РАН, 2008.
6. Сосланд А. О психологократии [Текст] / А. Сосланд // Московский психотерапевтический журнал. – 2007. – № 1 (49).
7. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. : Ad Marginem, 1999.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. I. – М. : Праксис, 2002.
9. Blaw P. Differentiation of power // Political power: A reader in theory and research / Ed. by R. Bell, D. V. Edwards, R. Harrison. New York : Free Press, 1969.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ — СПОСОБ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ

УДК 321

А. А. БОРИСЕНКОВ

Политический режим как понятие является одной из научных проблем, которая постоянно привлекает к себе исследовательский интерес. Его изучение в контексте политического влияния позволяет взглянуть на него по-новому. Занимая особое место в структуре политического влияния, политический режим показывает нам, как, каким образом используется политическая власть и вследствие этого осуществляется политическое влияние. Политический режим — это компонент политического влияния, без которого политика не может выполнить своё назначение. Рассмотрим подробнее, что есть политический режим, каковы его сущность и виды.

Сущность политических режимов

Раскрывая эти вопросы, целесообразно прежде всего обратить внимание на понятие «режим», имеющее более широкое значение по сравнению с «политическим режимом» и тем самым задающее определённое направление исследования. Содержательно «режим» охватывает все возможные виды режимов и может служить фактором функционирования самых различных общественных явлений, образуя их особую характеристику. Это относится, например, к производству, демократии, государству, политике, управлению, власти и т. д. В результате устанавливается, что режим может быть производственным, демократическим, государственным, политическим, управленческим, властным и т. д. Режим как явление сочетается с многими общественными явлениями, вследствие чего каждый раз образуется какой-то особый вид общественного режима. Режим сочетается также и с отдельными характеристиками общественных явлений и может служить фактором их частных функций. Например, режим социального управления включает в себя совокупность частных режимов: режим использования политической власти, режим принятия руководящих решений, режим исполнения этих решений, режим контроля за их исполнением и т. д.

Чтобы раскрыть особенности политического режима, необходимо определить общее понятие «режим» и соотнести его с понятием политики. Но прежде обратим внимание на одну, на наш взгляд, весьма занимательную проблему, сложившуюся в теории политического режима и способную оказать немалое влияние на его толкование и даже на развитие политологии в целом. Эта проблема обусловлена тем, что режим способен сочетаться с различными общественными явлениями, а состоит она в том, что политический режим смешивается с рядом других социальных режимов, не относящихся непосредственно к политике, например, с режимом государственного управления (государственным режимом) и демократическим режимом. В результате искажается собственное содержание политического режима.

Для иллюстрации этой проблемы соотнесём между собой такие явления, как политика и демократия. Очевидно, что оба они составляют два разных общественных явления, о которых нельзя сказать, что одно из них входит в состав другого. Политика не есть демократия, и наоборот. Отсюда следует, что связанные с ними соответственно политический режим и демократический режим образуют собой различные виды социальных режимов. Подчеркнём: с позиции формальной логики данные виды режимов не могут не быть различными, такова их социальная природа — один обусловлен политикой, другой — демократией, один служит фактором функционирования политики, другой — демократии. Следовательно, их никак нельзя смешивать между собой, произвольно соединяя. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что в политологической литературе демократический режим рассматривается как частный случай или разновидность политического режима.

Показательно следующее суждение: «Условно выделяют три типа политических режимов — демократический, авторитарный и тоталитарный» [1, с. 30]. Не трудно видеть, что вопрос поставлен о политических режимах. При этом сделана попытка выделить виды политического режима, которые представляют его внешнюю форму существования, хотя и говорится о типах. А именно: речь идёт о политическом режиме демократического вида, политическом режиме авторитарного вида и политическом режиме тоталитарного вида. Не будет ошибкой, если мы скажем иначе: о демократическом политическом режиме, авторитарном политическом режиме, тоталитарном политическом режиме. Примечательно, что политологи нередко используют такие словосочетания, в частности, «демократический политический режим» [2, с. 351; 3, с. 119; 4, с. 155]. В любом случае исследуются именно политические режимы, которые формируются или в условиях демократии, или в условиях авторитарного правления, или в условиях тоталитарного государства. Такие условия, собственно, и придают указанным режимам особый вид.

Обозначив таким образом различные виды политических режимов, исследователи пере-

ходят к их характеристике, и тут происходит метаморфоза. Вместо того, чтобы раскрывать особенности, например, демократического политического режима, они рассматривают черты демократического режима. Подчеркнём ещё раз: поставив вопрос о политическом режиме демократического вида, они переходят к характеристике самого демократического режима, полагая, что демократический режим и есть разновидность политического режима. Образуется подмена одного явления другим, смешиваются разные виды социальных режимов, а именно: демократический политический режим и демократический режим, т. е. режим, принадлежащий политике, и режим, принадлежащий демократии.

Может показаться, что всё это мудрствования вокруг мелочей и речь идёт об одном и том же. Однако на самом деле это разные виды социальных режимов. Обратите внимание на выделяемые черты демократического режима, который выдаётся за разновидность политического режима демократического вида. А они таковы (далее приводится один из вариантов характеристики демократического режима, имеющийся в политологической литературе):

• «признание и гарантированность на конституционном и законодательном уровне равноправия граждан (независимо от национального, социального, религиозного признаков);

• широкий перечень конституционных прав и свобод личности;

• реальное участие населения в организации государственной власти, управлении делами государства;

• признание и гарантированность на конституционном и законодательном уровне равенства всех видов собственности, религиозных конфессий, политических идеологий и программ» [1, с. 30].

Не во всём здесь можно согласиться, но в данном случае важен факт, что перечисленные характеристики ничего не говорят нам о том, как используется политическая власть в системе современного демократического государства, как принимаются с её помощью руководящие решения и, следовательно, как осуществляется политическое влияние. И это правильно, потому что речь идёт именно о демократическом режиме, который совсем не есть политический режим.

Политический режим рождён политической деятельностью и никак не может быть демократическим режимом, который в свою очередь относится к другому явлению — демократии и раскрывает особенности её осуществления. Политика и демократия — не только разные явления, но каждое из них формируется на основе своего вида социальной активности и вследствие этого подчиняется своему особому режиму. Характеристика демократического режима в качестве разновидности политического режима является ошибочной и по форме, и по содержанию.

Политические режимы, различаясь по своим видам, не перестают оставаться политическими. При этом особенность, например, демократического политического режима состоит в том, что он формируется в условиях и под влиянием демократии, а значит, несёт на себе её отпечаток. Но характеризует он функционирование именно политики, а не демократии, и совсем не включает демократию в своё содержание. Демократия выступает по отношению к политике в данном случае лишь как особый внешний фактор её существования и как возможное условие формирования соответствующего вида политического режима. При этом демократический режим составляет особый вид социального режима, который не может быть видом политического режима. Демократический режим и политический режим демократического вида — это два разных общественных явления.

Заметим также, что политический режим и демократический режим не только относятся к различным видам социальных режимов, но относительно, например, государства они возникают и формируются в различных областях общественной жизни. Так, политический режим современного демократического государства складывается в политической сфере данного государства. Он образуется в системе государственного управления, функционирует в государственном организме, т. е. там, где и существует государственная политика. Демократия же, наоборот, возникает за пределами государственной системы, вне государственного организма, в обществе, «в народе». При этом и демократия, и политика способны влиять друг на друга. В частности, демократия придаёт политическому режиму в государстве демократический характер, является основанием формирования его демократического вида («демократической внешности»), способствует использованию в политическом процессе демократических норм и принципов. Демократия вообще служит фактором совершенствования политического режима, но сама она, как и её (демократический) режим не есть политическое явление.

Демократический режим так же, как и политический режим, может иметь различные виды. Например, в истории общества существовал демократический режим античного вида. Такой режим был обусловлен соответствующей (непосредственной) демократией, для которой, кстати сказать, было характерно переплетение «политического» с «демократическим». Вследствие известной неразвитости политики и демократии как общественных явлений, античный демократический режим определённым образом соединялся с античным политическим режимом. Существовал своеобразный симбиоз двух режимов.

В современных же демократических государствах, когда политика и демократия существуют в своём достаточно развитом состоянии, демократический режим имеет иной, современный вид. Его главная особенность заключаются в том, что демократия в современных условиях приобретает представительный характер. Благодаря представительным политическим учреждениям в государстве демократия становится представительной. Это означает, что современный демократический режим характеризует функционирование представительной демократии и потому может быть назван демократическим режимом представительного вида или представительным демократическим режимом, в отличие от античного демократического режима. Итак, возможным основанием классификации демократических режимов могут служить различные формы проявления самой демократии.

Однако вернёмся к понятию «режим». Его главная роль заключается в том, чтобы обратить внимание на порядок, посредством которого функционирует то или иное общественное явление, выполняя своё назначение, на порядок осуществления соответствующей социальной активности. Люди всегда стремятся организовать и упорядочить свою совместную деятельность и в результате вырабатывают необходимые правила её осуществления. Такие правила соответствуют характеру деятельности института, в рамках которого они объединяются, и закрепляются посредством этого института. В результате устанавливается порядок функционирования самого института, порядок выполнения им своего назначения или же, другими словами, режим его деятельности. Всякий социальный режим — это порядок осуществления социальной активности, который устанавливается её правилами, обусловленными её природой и закреплёнными соответствующим институтом.

Политический режим есть также определённый порядок, а именно: порядок осуществления политической деятельности, содержащийся в политическом учреждении. Такой порядок складывается на основе использования соответствующей политической власти, точнее, на основе того, как организовано это использование. Такой порядок проявляется в том, как происходит принятие руководящих решений. Например, политический режим в системе государственного управления складывается из того, как используется политическая власть на уровне высших политических учреждений государства, и проявляется в деятельности данных учреждений. Следовательно, политический режим государства состоит в том, какие при этом используются правила политической деятельности и как в результате осуществляется принятие руководящих решений. Политический режим государства (государственный политический режим) — это порядок принятия руководящих решений высшими политическими учреждениями государства, обусловленный правилами использования политической власти, заключённой в этих учреждениях.

Таким образом, режим деятельности государства выступает как порядок осуществления государственного управления, обусловленный тем, как используется государственная власть. В свою очередь политический режим — это порядок принятия руководящих решений, обусловленный правилами использования политической власти, заключёнными в политическом институте.

Виды политических режимов

В политологической литературе в качестве таких видов в основном выделяются уже отмеченные выше «типы» политических режимов. Например, утверждается: «Общепринятой является типология политических режимов с учётом особенностей взаимодействия государства и гражданского общества, степени проникновения государственной власти в другие сферы социальной действительности и частную жизнь граждан. Исходя из этих критериев, выделяют демократический, авторитарный и тоталитарный типы режимов» [2, с. 345].

Фактически же речь идёт не столько о различных политических режимах, сколько о различных видах социальных режимов, т.е. демократическом, авторитарном и тоталитарном режимах, выдаваемых за разновидности политического режима. Например, демократический режим, как уже отмечалось, представляет собой характеристику не способа осуществления политического влияния в условиях демократии, но способа осуществления самой демократии (народовластия). Демократический режим — это порядок осуществления демократической деятельности, состоящий в том, как народ использует свою, «народную» власть в отношениях с государством. При этом власть народа (демократия) заключается в силе его непосредственного объединения и реализуется в совместном воздействии граждан на государство и его учреждения (например, посредством митингов, демонстраций, выборов и т.п.). Демократия в своей основе возникает и существует вне государственного (управленческого) организма, а значит, вне политической сферы государства.

В отличие от демократического режима, авторитарный режим относится к сфере управления. Он выступает как особое явление управленческого режима, представляющее определённый порядок использования политической власти. Термин авторитарный происходит от французского слова autoritaire — властный [5, с. 13]. Авторитарный режим — это властный режим, он характеризует использование политической власти на основе личного

отношения к ней со стороны субъекта управления.

Авторитарный политический режим в государстве – это порядок использования политической власти, который устанавливается главой государства. Это такой режим, при котором деятельность главы государства оказывается вне общественного контроля, т.е. является неконтролируемой (или контролируемой формально, неэффективно) со стороны народа или избранного им парламента. Использование политической власти выступает в этих условиях как режим «личной власти». В результате политический режим (порядок принятия руководящих решений) приобретает авторитарный характер, становится авторитарным политическим режимом.

Возможна различная степень неподконтрольности главы государства народу, вследствие чего авторитарный режим может иметь свои разновидности. Например, выделяют демократически-авторитарный, военно-авторитарный, диктаторский режимы. Но главной особенностью всех видов авторитарных режимов является так или иначе отсутствие действенного демократического контроля за тем, как используется политическая власть субъектом управления.

Примечательна характеристика авторитарного режима, предлагаемая в политологической литературе. Например, говорится: «Авторитарный режим предполагает:

• ограничение плюрализма политического. Государственная власть сосредоточивается у политической и административной элиты, не контролируется народом, политическая оппозиция (партии, течения) существует, но в условиях давления и запретов;

• государственное управление строго централизовано, обюрокрачено, осуществляется при преимущественном использовании административных методов воздействия, механизм обратных связей в системе «власть-общество» блокируется, население не вовлекается в управление делами государства;

• существует идеологический контроль и прессинг органов власти и управления на средства массовой информации (СМИ), другие институты политической системы и гражданского общества;

• конституционно-законодательные нормы утверждают экономический плюрализм, развитие различных форм предпринимательства и собственности; однако принцип равных прав и возможностей не гарантирован в реальной жизни» [1, с. 31].

Если отвлечься от некоторых спорных утверждений по поводу государственной власти и от тех черт, которые могут носить производный характер от авторитарного использования политической власти, то можно прийти к выводу, что главной особенностью авторитарного режима выступает именно ограниченный контроль со стороны народа за использованием этой власти.

В отличие от демократического и авторитарного режимов, тоталитарный режим непосредственно относится к деятельности исполнительных учреждений государства. Тоталитарный режим – это разновидность государственного режима, это особая характеристика государственного управления, при котором происходит подавление и поглощение общества исполнительными учреждениями государства. Тоталитарный режим отражает порядок использования государственной, а не политической власти. При нём возникает такое явление, как государственный террор по отношению к обществу, устанавливается всеобщий контроль за деятельностью граждан.

Особым фактором тоталитарного режима является соответствующий политический режим. Но он не тождественен тоталитарному режиму. В данном случае можно говорить о политическом режиме тоталитарного вида, который с точки зрения порядка принятия руководящих решений и порядка использования политической власти мало чем отличается от авторитарного политического режима. Это также властный режим, обусловленный личным отношением пользователя к самой этой власти и по сути не контролируемый со стороны народа. Поэтому в условиях тоталитарного государственного режима собственно политический режим носит авторитарный характер.

Таким образом, если исходить из сложившихся в официальной политологии представлений, то нужно сделать вывод, что они не столько раскрывают виды политических режимов, сколько констатируют их различие по «типам», связанным с такими явлениями как демократия, авторитаризм и тоталитаризм. Предлагается и характеристика этих явлений, в то время как действительная классификация политических режимов остаётся разработанной слабо.

Примечательно также, что выделяемые в политологии и обусловленные указанными явлениями виды политических режимов не всегда отличаются определённостью своих различий. Например, авторитарный политический режим и тоталитарный политический режим с точки зрения осуществления общественного (демократического) контроля за деятельностью высших учреждений государства мало чем отличаются друг от друга: и в одном, и в другом случае устанавливается режим «личной власти», определяющий порядок принятия руководящих решений. Отсюда следует, что было бы правильнее сначала разделить все политические режимы на демократические и недемократические (по виду), а затем выявлять в них соответствующие разновидности и изучать их. Рассмотрим в качестве иллюстрации особенности демократических политических режимов.

Особенности демократических политических режимов

В данном случае мы обращаемся к политическим режимам, которые складываются в современных демократических государствах и проявляются в деятельности их высших политических учреждений. Это такие политические режимы, которые обусловлены существованием современной демократии. Они образуются в результате гражданских выборов, определяющих состав высших политических учреждений государства и служащих особым средством присвоения политической власти избранниками народа. Тем самым демократия определяет особый способ использования политической власти, который включает в себя, во-первых, ограниченный срок полномочий избранных «во власть» граждан; во-вторых, принцип большинства, необходимый для принятия руководящих решений; в-третьих, деятельность оппозиции в рамках этих политических учреждений. Таковы важнейшие черты современного демократического правления, основанного на представительстве народа.

Выделяются две противоположные формы этого правления, различающиеся тем, какие отношения складываются между высшими учреждениями современного демократического государства. Основной критерий данных различий заключается в том, какой из высших политических институтов является ведущим в системе управления данным государством, определяя своими полномочиями формирование и деятельность правительства. Если в качестве ведущего политического института выступает парламент, то в результате образуется парламентская форма правления. А если в качестве ведущего политического института выступает президент данного государства, то образуется президентская форма правления. Кроме того, существует и промежуточный вариант, означающий, что парламент и президент совместно участвуют в формировании правительства и на равных определяют его деятельность. Такая форма правления называется смешанной или парламентско-президентской (полупрезидентской).

В каждой из указанных форм правления устанавливается свой порядок принятия руководящих решений, состоящий в том, как организованы взаимоотношения и деятельность высших политических учреждений данного государства. В результате образуется свой вид (разновидность) демократического политического режима. Так, политический режим, соответствующий парламентской форме правления, называется парламентским. Он представляет разновидность политического режима, при котором ведущую роль в управлении современным демократическим государством играет парламент. Эта роль проявляется в том, что парламент наряду с тем, что принимает законы, ещё и назначает премьер-министра, а также активно влияет на формирование и деятельность правительства. В этих условиях правительство несёт ответственность за свою деятельность непосредственно перед парламентом.

Президентская форма правления опирается на ведущую роль президента в системе управления данным государством и образует условие для установления президентского политического режима. Ведущая роль такого президента состоит в том, что он, будучи главой государства, выполняет также функции премьер-министра, формирует правительство и активно влияет на его деятельность. В свою очередь правительство несёт ответственность за свою деятельность непосредственно перед президентом.

Смешанная форма правления сочетает в себе особенности (достоинства) парламентской и президентской форм. Для неё характерно то, что парламент и президент совместно и на равных участвуют в формировании правительства и активно влияют на его деятельность. Это означает, что правительство несёт ответственность за свою деятельность и перед парламентом, и перед президентом. Кроме того, парламент и президент, обладая каждый своими особыми полномочиями в системе управления современным демократическим государством, несут определённую ответственность и друг перед другом: они осуществляют взаимный контроль по поводу соблюдения ими конституции. В результате смешанная форма правления содержит в себе особый политический режим; назовём его смешанным.

Таким образом, в рамках каждой формы демократического правления, основанного на представительстве граждан, образуется свой вид демократического политического режима, обусловленный или ведущим политическим институтом, или особыми отношениями, складывающимися между парламентом и президентом по поводу формирования и влияния на деятельность правительства. В результате выделяются три вида собственно демократических политических режима, а именно: парламентский, президентский и смешанный.

1. Глазунова Н.И. Государственное управление как система. М., 2001.
2. Ирхин Ю.В. Политология [Текст] / Ю.В. Ирхин. – М., 2007.
3. Политология [Текст]. – М. : Национальный институт бизнеса, 2004.
4. Политология [Текст] / под ред. С.Г. Киселёва. – М., 2008.
5. Словарь иностранных слов. М., 1989.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ В КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ НА РУБЕЖЕ 2000–2010-х гг.: ПЕРМЬ, ЕКАТЕРИНБУРГ, ОМСК*

Н. С. БЕРДНИКОВА, О. Б. ПОДВИНЦЕВ

На рубеже 2000–2010-х годов, когда курс на строительство «вертикали власти» достиг своего апогея, а его последствия стали в наибольшей степени ощутимы, локальный уровень развития политических процессов приобрел в России особое значение. Попытки распространить унифицирующую вертикаль на этот уровень, в том числе через переход к выборам глав муниципалитетов из состава местного депутатского корпуса с одновременным усилением влияния региональных администраций и политических партий (в специфическом российском их варианте) на формирование последнего, столкнулись с серьезными трудностями и сопротивлением. В то же время этот уровень управления стал привлекателен для вмешательства широкого числа новых акторов, часть из которых набрала для этого необходимый потенциал, а другая часть оказалась вытесненной из борьбы за влияние на властные структуры более высокого уровня.

Своими особенностями в этом отношении обладает ситуация в крупных российских городах-миллионниках, каждый из которых представляет собой единое муниципальное образование. Политическое поле этих городов достаточно велико, а их число относительно мало для того, чтобы отрабатывать здесь во многом те же технологии построения «вертикали власти», что и на федеральном и региональном уровнях [9, с. 97–105]. С другой стороны, значимость контроля над этим полем весьма велика как для федеральных, так и особенно для региональных властей (неслучайно в прошлом для очень многих субъектов РФ стержнем политической жизни был конфликт между губернатором и мэром региональной столицы).

Перечисленные факторы обусловили трансформацию моделей управления в городах данного типа. Поскольку стержнем такого управления выступают складывающиеся на практике отношения между представительным органом местного самоуправления с одной стороны и главой, а также администрацией муниципального образования с другой, теоретически можно говорить о «консенсусной» и «конфронтационной» моделях. Учитывая российскую специфику, первая строилась по принципу «сильный мэр – слабая Дума» (модель «подавления» как разновидность), либо, реже, «сильный мэр – сильная Дума» (собственно «консенсусная модель), конфронтационная же – либо «сильный мэр – сильная Дума», либо «слабый мэр – сильная Дума» (наличие более весомых полномочий и независимого механизма избрания компенсировали в данном случае мэру недостаток собственного политического потенциала). Однако попытки интеграции системы местного самоуправления крупных городов в «вертикаль власти» породили новые своеобразные формы, которые, с нашей точки зрения, являются переходными, однако направление этого перехода станет очевидно лишь в дальнейшем и во многом зависит от развития ситуации в стране в целом.

В данной статье эти проблемы рассматриваются на примере трех крупных российских городов – Перми, Екатеринбурга и Омска, соотносимых между собой по числу жителей, экономическому потенциалу и характеристикам политических режимов тех субъектов федерации, к которым они относятся. Основным источником стали материалы экспертных интервью, проведенных в ходе соответствующих полевых исследований.

Пермь

Действующий пятый созыв местного представительного органа – городской

* Статья выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Научно-исследовательский проект «Модели взаимодействия городских легислатур с главами МСУ в малых и крупных городах России», грант РГНФ № 11-03-00377. Работа над статьей закончена в декабре 2011 г.

Думы – был сформирован в марте 2011 года и состоит из 36 депутатов, выбранных по одномандатным округам. Согласно изменениям, внесенным в устав Перми летом 2010 года, глава города избирается из числа депутатов.

Расстановка политических сил. Характеристика главы города

Деятельность предыдущего состава представительного органа местного самоуправления контролировалась главой города – опытным политиком и сильным лидером Игорем Шубиным, одержавшем победу на прямых выборах в 2006 году, проходивших одновременно с думскими. Несмотря на то, что его победа на выборах была недостаточно убедительной, Шубину удалось выстроить систему, при которой он смог определять каждое важное решение, принимаемое на городском уровне. В Думе у мэра было устойчивое большинство лояльных депутатов, руководителями всех думских комитетов были назначены люди, настроенные на взаимодействие с градоначальником. Именно они входили в новый набравший силу орган – Совет Думы, выносивший свою резолюцию по многим ключевым вопросам на пленарное заседание Думы.

В том же 2006 году, еще до выборов, был изменен устав Перми, и в структуре управления городом, наряду с мэром, появилась должность сити-менеджера. Однако занявший этот пост Аркадий Кац, считающийся губернаторским ставленником, тоже стал проигрывать Шубину конкуренцию за сферы влияния.

Однако незадолго до новых выборов в Думу и уже после того, как прямые выборы мэра были отменены, в декабре 2010 года Игорь Шубин внезапно перешел с поста главы города в Совет Федерации. Его кандидатуру на новую должность по предложению губернатора утвердили депутаты Законодательного Собрания Прикамья. За этим маневром прослеживалось стремление руководства краевой власти ослабить мунипалитет.

Преемником Шубина и исполняющим обязанности главы города стал Игорь Сапко, который всегда относился к лояльной властным структурам группе парламентариев. По словам одного из экспертов, он «всецело опирался на власть, начиная от губернатора и партии ЕР и заканчивая градоначальником» [16].

Выборы 5 созыва депутатов Пермской городской Думы

В преддверии выборов ожидалось, что распорядители административного ресурса попытаются воспроизвести прежнюю структуру Думы, сделав ее еще более удобной для управления в «ручном режиме».

Что касается собственно политических акторов, которые стремились повлиять на формирование городской Думы V созыва путем выдвижения и поддержки кандидатов, в общем виде можно выделить три основные силы: краевая власть, руководство регионального отделения партии «Единая Россия» и оппозиция

При этом в момент подготовки к избирательной кампании первые две силы тоже находились в состоянии конфронтации. Конфликт между губернатором Пермского края Олегом Чиркуновым и партией «Единая Россия» обозначился давно, но перешел в публичную плоскость в декабре 2010 года, практически сразу после переутверждения Чиркунова на посту главы региона. Это отразилось и на ходе выдвижения кандидатов в депутаты Пермской городской Думы. В конечном итоге предпочтения этих двух сил не совпали по целому ряду позиций. В восьми округах кандидаты от губернатора противостояли выдвиженцам от «Единой России», в двух округах после вмешательства краевой администрации партия «Единая Россия» осталась без своих выдвиженцев, еще в одном округе кандидат из губернаторского списка в процессе борьбы показывал настолько низкие результаты, что его решено было досрочно снять с дистанции.

Третья сила, обозначенная нами как «оппозиция», была весьма неоднородна по своему составу. В ее рамках можно выделить кандидатов от оппозиционных партий и основную часть тех самовыдвиженцев, которые имели реальные шансы на победу.

В итоге в списке депутатов Пермской городской Думы V созыва 20 мест заняли кандидаты, согласованные как губернатором, так и руководством регионального отделения партии «Единая Россия». По тем округам, где кандидаты от этих двух сил противостояли друг другу, 3 прошедших кандидата являются выдвиженцами «Единой России», 5 победителей были поддержаны администрацией губернатора. Еще два кандидата из губернаторского списка победили в округах, где соперничество со стороны выдвиженцев от «Единой России» было устранено.

К оппозиции можно отнести четырех победителей, выставленных политическими партиями, и двух победивших самовыдвиженцев. Впрочем, один или два из них могут быть скорее определены как «независимые».

Что касается Игоря Сапко, то он входил в число кандидатов, поддержанных и губернатором, и Единой Россией, однако фактически не выдвигал при этом собственных кадровых предпочтений.

Среди технологий, которые применялись на этих выборах, можно выделить административную «расчистку» округов под конкретных кандидатов. На многих действующих депутатов, заработавших авторитет у избирателей и желающих продолжить депутатскую карьеру, оказывалось давление. «Некоторым предлагали места в Общественной палате, некоторым — незначительные денежные суммы. Были и такие, кому предлагали должности, но дальше разговоров дело не шло. Даже обещания поддержки на деле оказывались фальшивыми, так как кандидат видел, что в действительности весь административный ресурс был направлен на продвижение оппонента», — отмечает один из экспертов [23].

Однако в одном из таких казалось бы «расчищенных» округов кандидат был настолько уверен в своей победе, что пустил кампанию на самотек, и победу одержал его соперник, представитель КПРФ, что стало главной неожиданностью этой избирательной кампании для всех участников процесса.

В целом, по мнению экспертов, партии использовались кандидатами как ресурс для гарантированного выдвижения (чтобы избежать проблем с регистрацией при сборе подписей), однако в дальнейшем зарегистрированные кандидаты старались не афишировать свои связи с партией. В том числе это касается и ряда выдвиженцев «Единой России».

Анализ состава депутатов 5 созыва. Группы депутатов

Большинство победителей, как отмечалось, кандидаты, согласованные краевой администрацией и/или партией «Единая Россия». Однако при анализе персонального состава этого списка становится очевидно, что в него входят преимущественно представители крупных предприятий и корпораций. Так, ТГК-9, «Лукойл», «Пермский завод силикатных панелей» провели по три депутата, «Протон-ПМ», «Мотовилихинские заводы», «Минеральные удобрения», Камская ГЭС (подразделение «РусГидро»), завод «Машиностроитель» — по одному. Именно по таким кандидатам позиции губернатора и руководства регионального отделения «партии власти» совпали. Однако эти 14 депутатов в первую очередь зависят все же от своих корпораций и только при определенных условиях могут занимать собственную позицию. Договариваясь с этими кандидатами, администрация губернатора предлагала политическое взаимодействие, в то время как партия «Единая Россия» рассматривалась лишь как «подушка безопасности» при регистрации.

Говорить о группе «социальщиков» в Пермской городской Думе можно лишь с большой долей условности. К таковым можно отнести четырех депутатов: двое из них находятся в Думе уже третий созыв, еще двое были выбраны впервые.

Среди тех, кто в Пермской городской Думе 5 созыва первым оказался готов заявить собственную позицию, можно отметить представителя КПРФ Андрея Солодникова, экс-депутата Законодательного Собрания Пермского края, и кандидата на кресло главы Перми во время избирательной кампании 2006 года Владимира Плотникова, и представителя «Справедливой России» Алексея Грибанова, отстоявшего свою победу на выборах в ходе судебного процесса и вопреки давлению администрации губернатора. Впрочем, все они фактически не исключали возможность консультаций и сотрудничества с руководством края.

Взаимодействие с депутатами. Процесс принятия важных для мэра решений

По словам одного из новых депутатов, перед тем, как городской Думе предстояло определиться с выбором градоначальника, Игорь Сапко сам подходил к тем, кто был избран впервые, чтобы «познакомиться и наладить отношения» [23]. Прежний мэр вряд ли поступил бы подобным образом. Характерно, что в обмен на поддержку своей кандидатуры и дальнейших действий на посту главы города Сапко предлагал не поддержку бизнеса или карьерный рост, а, в основном, содействие в обретении необходимой для депутатской работы квалификации.

Новые решения, означающие смещение центра влияния на процесс принятия решений с городского уровня на региональный (или, по меньшей мере, возможность региональных властей повлиять на принятие решения) не заставили себя ждать. Уже в апреле 2011 года последовало вынесение на пленарное заседание ПГД проекта решения о выделении 112,5 миллионов рублей на проведение фестиваля «Белые ночи» (на условиях софинансирования с краевым бюджетом). Мероприятие было задумано как имиджевый проект в рамках программы «Пермь — культурная столица».

Прежде город не принимал столь масштабного участия в культурных проектах края, являющихся уже несколько лет предметом особой заботы губернатора. В рамках обсуждения некоторые депутаты, в том числе ранее не критиковавшие действия администрации, высказывали недовольство по поводу выделения значительных средств на данное мероприятие, в то время как на них можно было бы начать реализовывать некоторые обещания, данные жителям в ходе избирательной кампании. Один из бывших руководителей администрации города Александр Фенев, не входивший на выборах в «губернаторский список», заметил: «Нужно решать те вопросы, которые беспокоят избирателей, а не то они нас не поймут» [6]. Активно поддержали проект лишь заместитель председателя Думы Юрий Уткин (до избрания в Думу занимал посты в Правительстве Пермского края, в администрации губернатора) и председатель комитета по развитию человеческого потенциала ПГД Василий Кузнецов (депутат ПГД с 2000 года, в Думе 5 созыва получил пост председателя комитета благодаря давним хорошим отношениям с Игорем Сапко). Несмотря на бурное обсуждение проекта, в итоге решение было принято.

Более серьезные осложнения для администрации произошли при обсуждении в ноябре 2011 года первого для данного созыва Думы проекта бюджета города. Народные избранники в течение часа критиковали предложенный им проект. Некоторые из них усомнились в правильности распределения между статьями бюджета, не нашли в статьях бюджета финансирование проектов, реализацию которых они обещали своим избирателям в ходе предвыборной кампании [3]. В итоге за принятие бюджета в предложенной редакции проголосовали 15 избранников, против – 1, однако 10 депутатов воздержались. Из-за недостатка голосов решение было отклонено – факт, не имевший прецедента при Шубине. По итогам работы согласительной комиссии администрация пошла на некоторые уступки, и уже через неделю бюджет все же был принят. Однако эта история стала проявлением не только недовольства депутатов, но и отсутствием у нового руководства города четкой налаженной системы работы с ними, обеспечения «дисциплины голосования».

Следует также отметить, что проявлением политической слабости фигуры Игоря Сапко стали результаты его участия в качестве «паровоза» одной из городских территориальных групп кандидатов от «Единой России» на выборах депутатов Законодательного Собрания Пермского края 4 декабря 2011 года. В рамках этой кампании им были пущены в ход все имеющиеся у него на данный момент ресурсы. По свидетельству одного из депутатов, даже сотрудникам аппарата городской Думы и одновременно главы города было рекомендовано взять открепительные удостоверения и проголосовать в том районе, где территориальную группу возглавлял Сапко. Тем не менее, итоги голосования оказались в этом округе для ЕР одними из худших не только по краю, но и по Перми.

Екатеринбург

Новый, пятый созыв городской Думы Екатеринбурга был сформирован в марте 2009 года и состоит из 35 депутатов. В 2010 году в городе была введена должность сити-менеджера, а новый глава, взамен перешедшего на работу в Совет Федерации, был избран из числа депутатов. Однако окончательное решение об отмене прямых выборов главы Екатеринбурга отложено до конца срока действующего созыва городской Думы.

Расстановка политических сил перед выборами в городскую Думу Екатеринбурга в условиях противостояния Чернецкий — Россель

Основными игроками на политическом поле региона долгое время оставались две фигуры: губернатор области Эдуард Россель (в 1995–2009 гг. – губернатор Свердловской области, в 1993–2001 гг. и с 2009 г. – член Совета Федерации РФ) и мэр города Екатеринбурга Аркадий Чернецкий (глава Екатеринбурга 1992–2010, ныне – также член Совета Федерации РФ). В связи с противостоянием этих двух тяжеловесов политическое пространство долгие годы было расколото на два лагеря – сторонников мэра и губернатора.

Эксперты отмечают, что представительный орган власти Екатеринбурга претерпел в своем развитии за последнее десятилетие значительные перемены. Так, если о депутатах 3 созыва эксперты отзываются как о ярких, влиятельных, самостоятельных людях, способных на равных общаться с не менее сильным и ярким главой города – Аркадием Чернецким, то составу четвертого и пятого созыва таких оценок эксперты не дают.

Один из экспертов, комментируя ситуацию, отмечал, что три первых созыва Дума

была «абсолютно самостоятельным органом», однако уже четвертый созыв делился примерно пополам оппозиционно настроенными депутатами, желавшими вести самостоятельную политику, и теми, кто был лоялен городской администрации. Последняя, по словам эксперта, сделала ставку на бюджетников, для которых «компенсация за работу депутатом – 40–45 тысяч – это существенные деньги» [12]. В результате председателем Думы стал Евгений Порунов (ранее возглавлявший одну из палат областного парламента), что вполне устраивало главу города.

Следует отметить, что оппозиционность противостоящей Чернецкому части депутатов в немалой степени подпитывалась или, по крайней мере, становилась возможной в условиях соперничества главы города с губернатором и его командой

Проведение выборов 5 созыва. Формирование лояльного представительного органа

Накануне выборов в городскую Думу 5 созыва городская администрация уже ставила перед собой задачу сформировать максимально управляемый представительный орган. Это стало возможным благодаря использованным технологиям, а также сложившейся общеполитической ситуации, при которой администрация области и региональная верхушка партии «Единая Россия» не принимали активного участия в кампании.

При этом областная администрация осенью 2009 года была занята другим: истекал срок полномочий Эдуарда Росселя, шла речь о смене губернатора, как отмечают эксперты: «с февраля 2009 все были заняты тем, чтобы остаться у власти, обращать внимание на город было некогда» [Экспертное интервью с редактором.., 28.10.2011]. По словам экспертов, ставка была сделана на минимальное привлечение внимания к городским выборам.

Осенью 2008 года сменился руководитель областного отделения партии «Единая Россия» – вместо Александра Левина (ставленника Росселя) этот пост занял Виктор Шептий. Как отмечает тот же эксперт, «у Шептия стояла задача находить проблемные моменты в работе областной власти, все остальные выборы были отданы ему на откуп». Он заключил политический союз с мэрией Екатеринбурга и передал ей контроль над процессом выдвижения кандидатов в городскую Думу [17]. Требование Москвы сводилось лишь к тому, чтобы в новом составе Думы «Единой России» было обеспечено формальное большинство. На практике кандидаты от ЕР были сильнее связаны со своими бизнес-интересами или интересами, диктуемыми их профессиональной деятельностью, и ориентировались прежде всего на администрацию города. Кроме того, по словам экспертов, у администрации города сложились хорошие отношения с партией «Справедливая Россия», что позволяло в случае необходимости выставлять кандидатов от этой партии в пику неудобным городу единороссам.

В этих условиях ставка была сделана на минимальную явку. По словам эксперта, «не было шумихи, обсуждения кандидатов. Ожидалось, что минимальное количество жителей придет и проголосует за кого нужно. С кандидатами, которые могли бы поднять общегородскую проблематику, городская администрация договорилась, а тем, кто хотел пройти «малой кровью», это оказалось не под силу» [17].

Формируя списки своих ставленников, администрация города определилась с приоритетными кандидатами по каждому из 35 округов. «В некоторых территориях было даже не по одному человеку, и каждому обещали поддержку, после чего ставка делалась на победителя перед самым голосованием. В отдельных случаях, когда кандидата необходимо было провести, задействовалась схема силовой зачистки округа и технологичного его продвижения путем вливаний самых разных ресурсов: денежных, административных и так далее» – отмечает эксперт. По его мнению, именно таким образом был избран в т. ч. и ставший впоследствии главой города Евгений Порунов [17].

По многим округам власть сделала ставку на бюджетников (врачей, директора дома пионеров, руководителей общественных организаций), либо на коммерсантов, бизнес которых плотно связан с взаимодействием с городской администрацией. Кроме того, был задействован еще один кадровый ресурс – в Думу избирались сразу несколько глав районов. Особенностью таких кандидатов, по словам экспертов, является то, что «это, как правило, люди, у которых нет ничего особо за душой» [12]. В то же время отмечается, что в новый созыв администрация продавала «входной билет» по очень высокой цене, только надежным людям. Таким образом, удалось собрать очень устойчивое большинство.

Однако участие в избирательной кампании приняли все же и некоторые представители частного бизнеса, действовавшие без согласования с городскими властями. Нескольким таким кандидатам удалось добиться успеха. В качестве таковых эксперты единогласно называют Леонида Волкова и Максима Петлина, некоторые добавляют еще Илью Тыщенко.

Сам Аркадий Чернецкий, комментируя список кандидатов от «Единой России», говорил перед выборами, что он «доволен им на 100%», а также опроверг информацию о том, что мэрия будет выставлять в некоторых округах своих дублирующих кандидатов, утверждая, что все это придумали журналисты. Вопрос о том, не боится ли он, что Дума будет контролироваться не им, а «Единой Россией», Чернецкий назвал смешным и напомнил, что устав Екатеринбурга всегда наделял представительный орган большими полномочиями, в том числе и по отзыву главы города. Поэтому усиления роли Думы он не боится» [4].

По итогам выборов городской администрации удалось сформировать в Думе абсолютное устойчивое лояльное большинство. Таким образом, можно согласиться с экспертами, говорящих о тенденции, согласно которой самостоятельность Екатеринбургской городской Думы снижается с выборами каждого нового созыва.

Анализ состава депутатов 5 созыва. Группы депутатов

Если проводить разделение по формальному признаку, в нынешней структуре городской Думы Екатеринбурга, прежде всего необходимо выделить депутатскую группу «Единая Россия». Список членов этой группы состоит из 28 фамилий. Но реально фракция не работает. Как поясняет эксперт: «В областном исполкоме партии оценивают ситуацию так: из трех десятков депутатов фракции в случае необходимости реально выполнят волю области один-два» [17]. Депутатских групп других партий в Думе 5 созыва нет.

Что касается неформальной структуры, то, согласно суждениям экспертов, следует выделить группу депутатов, полностью подконтрольных городской администрации. Так как эта группа включает подавляющее число депутатов, ее также стоит структурировать. Отдельным блоком можно выделить представителей бюджетной сферы, имеющих те или иные, иногда даже родственные, связи с представителями исполнительной власти [12]. Однако главную ставку администрация Екатеринбурга, по мнению экспертов, делает уже не на управляемых социальщиков, а на подконтрольных бизнесменов. К подгруппе «городской бизнес», зависимый от местной администрации (или «бизнес, связанный с бюджетом города», как предложил назвать её один из экспертов) можно отнести двух представителей управляющих компаний в сфере ЖКХ, четырех представителей строительной сферы, два из которых задействованы в строительстве метрополитена, двух владельцев торговых сетей, В эту же группу некоторые эксперты зачисляют еще двух бизнесменов, имеющих депутатские мандаты. В качестве общей характеристики всех этих депутатов один из экспертов заметил следующее: «Ни разу не видел, чтобы они проявляли самостоятельность» [12]. В отдельную группу стоит выделить занявших депутатские кресла трех бывших глав районов.

Менее зависимыми, на взгляд экспертов, являются представитель строительной сферы Николай Ландтух и партийный функционер, руководитель партийной депутатской группы «Единая Россия» Рафаэль Шихов, который, проявляя «некоторую непокорность», стремится «придать себе больший вес». Есть в Думе и представитель ритейлера Сергея Флеганова, который сам был депутатом 4 созыва, а теперь «отправил» в Думу своего помощника. Кроме того, один из экспертов отнес двух депутатов городской Думы к категории «бандиты». [12].

Среди депутатов, время от времени так или иначе проявляющих свои политические амбиции, эксперты прежде всего называли врача, руководителя областного кардиоцентра Яна Габинского, которого один из собеседников охарактеризовал как «очень амбициозного человека» [12]. Однако другой эксперт отмечает, что после одного из раздутых скандалов «Габинский поклялся больше активность в политике не проявлять». Этого же депутата с высокой долей условности эксперты относят к контролируемым областной администрацией. Если такая группа и присутствует в нынешнем составе городской Думы Екатеринбурга, то она крайне мала и латентна. Кроме Габинского, политические амбиции, по словам собеседников, прослеживаются еще лишь у двух депутатов.

Только двух депутатов в нынешнем составе Думы – Волкова и Петлина – эксперты относят к «явным оппозиционерам». Кроме того, больше «резкости» стал проявлять депутат Нафик Фамиев, после того как официально вошел в КПРФ.

Оценивая состав Думы города в целом, один из экспертов отметил: «Депутаты подобраны так, что межличностные коммуникации, объединения не возможны, потому что все «надерганы» из разных сфер. Это кадровая политика. Ими легче управлять. У людей нет смелости бросить вызов городской власти, они даже не мыслят в таких категориях» [17].

В целом, стоит отметить, что деление на группы скорее иллюстрирует пестроту состава Думы. На деле же принадлежность к той или иной группе, как правило, слабо определяет позицию депутата при принятии решения. Ключевым остается деление на депутатов, полностью подконтрольных администрации, и тех, кто может проявить некоторую самостоятельность.

По словам эксперта, в качестве примера поддержки депутатами очевидно невыгодной городу, но нужной мэрии инициативы, можно привести решение о предоставлении адресной налоговой льготы для одной из частных крупных бизнес-групп. «За» по этому вопросу проголосовало 23 депутата. «Это то количество голосов, которое мэрия собирает гарантированно» [12]. По вопросам изменения устава, введения поста сити-менеджера мэрия собрала 27 голосов.

Изменение структуры управления городом на современном этапе

Феномен «коллективного Чернецкого»

Формально в конце 2010 года решение об отмене прямых выборов главы города было отложено, но с изменениями устава появился пост сити-менеджера города Екатеринбурга. В ноябре 2010 Аркадий Чернецкий после девятнадцати лет управления городом ушел в отставку. Эксперты заявляют, что произошло это под давлением силовых структур на команду градоначальника. Главой города стал Евгений Порунов, сити-менеджером — Александр Якоб.

Однако, по мнению экспертов, влияние Аркадия Чернецкого на процессы, происходящие в городе, не уменьшилось: «Во всех сферах городской жизни у Чернецкого остались рычаги влияния. Нет ни одной сферы, которую он так или иначе не контролирует» [17]. При этом, как отмечают эксперты, в Екатеринбурге сложилась такая система, при которой городом управляет не один человек, а некая группа, которую эксперты и журналисты в один голос обозначают как «коллективный Чернецкий». В состав этой группы, помимо лидера, эксперты включают сотрудников администрации: Владимира Тунгусова (заместитель главы администрации города Екатеринбурга по вопросам организации управления — руководитель аппарата администрации города Екатеринбурга), Александра Высокинского (заместитель главы администрации города Екатеринбурга по стратегическому планированию, вопросам экономики и финансам). Их роль в принятии важнейших решений более значительна, чем роль формальных первых лиц — Якоба и Порунова.

Один из экспертов склонен рассматривать этот коллектив, не ограничиваясь рамками заместителей администрации: «Это образ, куда можно включить приближенных Чернецкому людей, даже депутатов. Это команда, которая подконтрольна главе города. Она довольно стабильна: может интегрировать и вымещать членов, не теряя своего качества в плане сохранения лояльности, механизмов коммуникации, иерархии» [18].

Другой эксперт делится наблюдениями по поводу особенностей формирования этой команды, рассказывая о включении в ее состав Сергея Швинда. Ранее он был министром транспорта и дорожного хозяйства Свердловской области (в бытность нынешнего губернатора Мишарина — начальником Свердловской железной дороги). В январе 2011 года Швинд назначен на должность первого заместителя главы администрации города Екатеринбурга. «С этого момента произошла удивительная мимикрия... Сейчас он бьется за транспортные компенсации для города из области. Всегда считалось, что на самом деле деньги не нужны в таком объеме. И Швинд, будучи министром транспорта, оспаривал эту цифру, но став первым заместителем сити-менеджера, он резко сменил позицию» — рассуждает эксперт [17]. В последнее время, по словам собеседников, становится очевидным, что в команде нет полного единства.

Если говорить о самом Чернецком, то, по словам экспертов, сейчас речь идет о том, что у него все еще есть политические амбиции на уровне региональной власти: «он может заявиться на должность председателя Законодательного Собрания Свердловской области» [17].

Что касается формального главы города, которым в новой схеме управления стал Евгений Порунов, то стоит заметить, что именно Аркадий Чернецкий незадолго до своей отставки лоббировал его кандидатуру. На заседании Порунова выдвинул Рафаэль Шихов. Также в выборах в качестве

кандидатов участвовали Маским Петлин и Нафик Фамиев. Кандидатуру Порунова поддержали 23 депутата. За Максима Петлина проголосовало 2 депутата, за Нафика Фамиева – 6, двое воздержались» [2]. Как отмечают эксперты, большинство депутатов воспринимают Порунова «исключительно как канал передачи воли администрации» [17]. Если же речь идет о том, что нужно принять определенное решение, по словам собеседников, необходимо договариваться об этом в городской администрации, а не с депутатами или Евгением Поруновым.

Роль же сити-менеджера в этой схеме, по словам одного из экспертов, быть «рабочей лошадкой»: Однако в связке Порунов-Якоб ведущую роль играет Якоб: «Во всех городах Свердловской области, где введена двуглавая система, главным остается председатель думы – он участник совещаний, он встречающая губернатора сторона, главный герой СМИ. Но в Екатеринбурге главным является Якоб. К примеру, Мишарин совершает объезд, при этом должен присутствовать глава города. У нас же, как правило, будет сити-менеджер... Если что-то нужно бизнесу, они пойдут к Тунгусову, убедят его, и он пойдет к Якобу, чтобы предупредить его о том или ином решении. У Якоба нет политических амбиций, он даже не член партии «Единая Россия» [17].

(Продолжение следует)

1. Гадалина А. 2010. Леонида Полежаева попросят объясниться [Электронный ресурс] // Коммерсантъ (Омск). – 2010. – 2 сентября. – № 161 (4459). – URL: http://www.kommersant.ru/doc/1496652?isSearch=True (дата обращения: 27 февраля 2012 г.).
2. Дожили! Новым мэром Екатеринбурга стал Евгений Порунов [Электронный ресурс] // ИА «URA.Ru». – 2010. – 23 ноября. – URL: http://ura.ru/content/svrd/23-11-2010/news/1052122324.html (дата обращения: 27 февраля 2012).
3. Изотов И. 2011. Пермская гордума отклонила проект бюджета-2012 [Электронный ресурс] // Российская газета. Пермь. – 2011. – 23 ноября. – URL: http://www.rg.ru/2011/11/23/reg-pfo/perm-budjet-anons.html (дата обращения: 27 февраля 2012).
4. Колезев Д. 2008. Утвержден список кандидатов в депутаты Екатеринбургской гордумы от «Единой России» [Электронный ресурс] // ИА «URA.Ru». – URL: http://ura.ru/content/svrd/25-12-2008/news/49501.html (дата обращения: 27 февраля 2012).
5. Кто есть кто в Омске: Шрейдер Виктор Филиппович [Электронный ресурс] // Коммерческие вести. – URL: http://kvnews.ru/people/sh/308/ (дата обращения: 27 февраля 2012).
6. Метликина, В. 2011. «Культурная лихорадка» сразила пермских депутатов [Электронный ресурс] // ИА «ФедералПресс». – URL: http://fedpress.ru/59/polit/budget/id_228116.html (дата обращения: 27 февраля 2012).
7. Митьковская А. 2010. Сибирский полпред вмешался в омский конфликт [Электронный ресурс] / А. Митьковская В. Лавский // Коммерсантъ (Омск). – 2010. – 17 декабря. – № 234 (4532). – URL: http://www.kommersant.ru/doc/1559139?isSearch=True (дата обращения: 27 февраля 2012).
8. Митьковская А. 2011 Политсовет «Единой России» не дождался Виктора Шрейдера [Электронный ресурс] // Коммерсантъ (Омск). – 2011. – 30 марта. – № 54 (4592). – URL: http://www.kommersant.ru/doc/1610919?isSearch=True (дата обращения: 27 февраля 2012).
9. Подвинцев О. Б. 2010. «Глиняные ноги» партии власти. Чем обусловлены проигрыши «Единой России» на местных выборах 2008–2010 гг.: кризисом в обществе или самой ее природой? / «Pro et Contra». – 2010. – Том 14. – №3 (май-июнь). – С. 97-105.
10. Старовойтов С. 2007. «Омская инициатива» как политический бренд стоит больше миллиона долларов» [Электронный ресурс] // Коммерческие вести. – 2007. – 16 мая. – № 18. – URL: http://kvnews.ru/archive/2007/jur18(791)/cast/6342/ (дата обращения: 27 февраля 2012).
11. Фамиев Н. 2010. О ситуации в Екатеринбурге [Электронный ресурс] // ИА «URA.Ru». – 2010. – 29 ноября. – URL: http://ura.ru/content/svrd/29-11-2010/articles/1036255851.html (дата обращения: 27 февраля 2012).
12. Экспертное интервью с депутатом Екатеринбургской городской Думы от 28.10.2011 г.
13. Экспертное интервью с депутатом Пермской городской Думы от 3.11.2011 г.
14. Экспертное интервью с работником аппарата администрации города Екатеринбурга от 30.10.2011 г.
15. Экспертное интервью с работником аппарата администрации города Омска от 21.09.2011 г.
16. Экспертное интервью с работником аппарата администрации города Перми от 1.11.2011 г.
17. Экспертное интервью с редактором информационного агентства (Екатеринбург) от 28.10.2011 г.
18. Экспертное интервью с руководителем политконсалтингового агентства (Екатеринбург) от 29.10.2011 г.
19. Экспертное интервью с депутатом Омского городского Совета (представитель оппозиции) от 20.09.2011 г.
20. Экспертное интервью с депутатом Омского городского Совета (представитель оппозиции) от 21.09.2011 г.
21. Экспертное интервью с депутатом Омского городского Совета (член партии «Единая Россия») от 21.09.2011 г.
22. Экспертное интервью с депутатом Пермской городской Думы (представитель оппозиции) от 4.11.2011 г.
23. Экспертное интервью с депутатом Пермской городской Думы (член партии «Единая Россия») от 3.11.2011 г.

ПРЕССА И ВЛАСТЬ: ФОКУС ГИПЕРБОЛОИДА

УДК 321.01: 070.1

П. Н. КИРИЧЁК

Известно, что любая власть управляет людьми, опираясь на четырехзвенный ресурс – право, волю, авторитет, силу. Из этого властно-оружейного набора журналистика, формирующая медиакультуру, предпочитает авторитет. С короткой поправкой – авторитет публичного слова. Конечно, рейтинг последнего не стоит завышать: слово не дело, а лишь переход к нему. Но если учесть, что на Руси во все времена вначале было Слово (от «Слова о законе и благодати» Илариона до «Слова о Родине» Б. Зайцева), то его значение не стоит и занижать.

Публичное слово – главный атрибут духовной власти, статус которого в нашем Отечестве всегда был необычайно высок. С его помощью совершался переход социальной информации через общественное мнение в социальную энергию, которая проявлялась и в действиях, и в настроениях. Чего стоит, например, дошедшая к нам с начала XX века притча о двух царях в России, реальном и духовном, – Николае Втором и Льве Толстом, когда первый, движитель политической культуры, ничего поделать не мог со вторым, аттрактором медийной культуры, разве что с помощью церковников анафеме (опять же словесно-публичной!) его предать...

Новоиспечённая власть в России обрела в конце XX века своё статусно-ролевое поле, периметр которого недвусмысленно обозначен тремя социально-технологическими маркерами – информационным, коммуникативным, управленческим. Синергия этого поля, образованного пересечением сходящихся «пучком» сфер духовно-практической деятельности, внешне напоминает стихийное движение рынка. Но рынка, уже прошедшего стадию первоначального накопления «идейного капитала», установившего первичные правила поведения в субъект-объектных отношениях по производству, обмену и распределению социальной информации и задавшего качественные параметры сходящей с публичного конвейера медиакультурной продукции.

Правда, как и товарно-материальный рынок, массмедийный тоже склонен к нестабильности, негативно влияющей на состояние медийной культуры: его рабочие модули спорадически взрываются или учредительским переделом «лакомых кусков» медиа-бизнесовой собственности (например, борьба за обладание телеканалами НТВ, ТВ-6, «Независимой газетой»), или агрессивным напором какого-нибудь издания-нувориша, бесцеремонно расталкивающего в поисках собственной ниши своих конкурентов (к примеру, газеты «Жизнь» и «Твой день»).

Жизнь современного медиарынка при всём его плюрализме не отменяет социально-родового его инстинкта – повседневной массовой востребованности политической информации. Если с помощью прессы Россия, по словам А. С. Ципко, «наелась компромата» [3], то до эффекта демьяновой ухи от политики в массовом сознании еще весьма далеко. Неслучайно политическая информация входит в число самых ходовых товаров на медиарынке, заслоняя в газетно-журнальном и радио-телевизионном ассортименте многие темы и проблемы, которые раньше отечественная журналистика вниманием не обходила.

В переменчивом поле духовной практики, свойственном переходному обществу, каким является пореформенная Россия, чётко нарисовались, по наблюдению И. И. Засурского, две тенденции – политизация медиасферы и медиатизация политики: «Это такой процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации» [4, с. 79]. Лучше, пожалуй, не скажешь: на самом деле, властный вектор политики и информационный вектор прессы сходятся, как в фокусе гиперболоида, и сливаются в единый «пробивной» луч социальной коммуникации, нацеленный в естественную мишень – социальную организацию в заданном управленческом режиме, который характеризуется высоким, средним, низким уровнем медийной культуры.

Представляясь властью духовной, пресса не может не изучать и не интерпретировать природу и фактуру власти политической. И делает это она через публицистику, которая определяется как сущностный наполнитель журналистики. В поле журналистики политика средствами публицистики познаётся, оценивается, преобразуется в основных моментах её проявления на поверхности общественной жизни. И вполне закономерно, что журналистика экстраполирует в свой публицистический

арсенал основные политологические приёмы и методы познания окружающей действительности. При этом, беря многое из политологии, журналистика в своём конкретном продукте – публицистике – обычно не теряет собственного лица, если не пренебрегает медиакультурными постулатами.

Во все времена миром правит людской интерес – материальный и духовный. Прежде чем реализоваться, он вынужден заявляться – либо скрыто, либо публично, определяясь как посыл к действию. В первом случае интерес апробируется в разговоре на кухне, во втором – он оформляется в массовой коммуникации, маркируясь медиакультурными измерителями. Здесь, в сфере информационно-коммуникативной публичности, человек ищет в первую очередь отражение своих жизненно важных потребностей, отличающихся большим разнообразием: экономических, социальных, правовых, культурных (в локальном смысле), моральных и др. Но, сведённые воедино, интересы людей, как правило, имеют общий субстрат – политический как «обобщенное выражение потребностей, идеальных стремлений и деятельного начала в политическом сознании социальных групп и индивидов» [5, с. 166].

На самом деле, интерес политический в диалектической сумме всех других его «сродственников» представляет генерализующее значение интегрированных человеческих потребностей. И здесь нет ни грана политикоцентризма, аналогичного недавно доминировавшему экономикоцентризму, согласно которому, в критической трактовке А. С. Панарина, «основные человеческие мотивации сосредоточены в сфере материальных интересов» [6, с. 18]. Для человека неполитического (в деятельном смысле), самоотвергающего статусную роль актора политики и часто переключающего телеканалы с надоевших политических тусовок а-ля Познер на другие программы, тем не менее, не вызывает сомнения реальный примат этой сферы жизни над остальными. Весь приобретаемый человеком социальный опыт, подпитываемый общественно значимой массовой информацией, непрестанно столбит в его подкорке две очевидные психологические установки, переходящие в индивидуальные, групповые, классовые, общественные ожидания и стремления.

Во-первых, «хорошая» политика при легитимной власти может принести гражданам много добра: реально осуществить цивилизованные (гуманистически-ценностные) формы гражданского права (бесплатным образованием, умеренно-платным жильем, равным доступом к информации, честным проведением избирательных кампаний), культуры (развитием кадрово-учрежденческой инфраструктуры, государственным патронажем высокоидейных художественных произведений), морали (настроем системы социализации на принцип «человек человеку – друг»), а экономику превратить в страну Эльдорадо, делающую жизнь для всех, а не только избранных, граждан достойной.

Во-вторых, «плохая» политика при легитимной власти может наделать много зла: реально превратить формальное право в фактическое бесправие (подделкой голосов избирателей на всеобщих выборах), культурное – в бескультурное (засильем «чернухи, мокрухи, порнухи» в литературе, театре, кино, на телеэкране), нравственное – в аморальное (переделом системы образования и воспитания на антигуманный манер), а экономику развернуть на вектор «пушки вместо масла» или доходы от неё отправлять не в народный карман, для улучшения жизни большинства населения, а в олигархический кошель, для процветания владельцев заводов, газет, пароходов (150-метровых личных яхт) и зарубежных футбольных клубов, когда свои элитные, вроде московского «Торпедо», опускаются в низший дивизион.

Судить о том, «хорошая» или «плохая» политика его окружает в данный момент, человек может по двойственному индикатору: а) отражению реальности – личному социальному самочувствию и б) отражению отражённого – образу политики и политиков в прессе. При этом два профильных интереса – политический и информационный – образуют устойчивый социокоммуникативный симбиоз, который характеризуется различными медиакультурными свойствами. Как подметил В. А. Сидоров, «журналистика как особая сфера и форма деятельности человека естественно проявляет себя во всех областях социальной жизни. В этом она подобна политике. Такое сходство отнюдь не случайно, оно подчеркивает общность генезиса политики и журналистики. И примат политики очевиден, как и её первородство» [7, с. 145].

Известно, что основу политики составляет предельный «концентрат» людских интересов (желаний и стремлений), делегированных для практического удовлетворения особым группам людей, специально (и профессионально) занимающихся деятельностью по поводу власти. Медиакультурная пресса, которая по долгу службы отбирает из окружающей действитель-

ности самое важное и самое интересное, фактически обрекается, во-первых, на отражение генерализующей повседневную жизнь силовой линии — политики и, во-вторых, на вторжение в эту область социальных отношений.

Итак, с одной стороны — отражение политического процесса, или информирование (эффект прямого зеркала), когда журналистика рисует его в качестве объекта таким, какой он есть, в адекватной микромодели причинно-следственных связей, без вынесения оценок политике и политикам и стремления к её «переделке» на лучший (худший) лад. Это информационно-коммуникативный подход прессы к политике, где существует меньше риска продуцировать в обществе низкую медиакультуру. Хотя, как считает С. Г. Корконосенко, журналистика «служит как бы увеличительным стеклом при выражении социальных взглядов, эмоций и суждений, даже если оценочность тщательно маскируется под объективность, соответственно, идеологизируются и отношения, которые складываются вокруг и по поводу СМИ» [8, с. 82].

С другой стороны — вторжение в политический процесс, или преобразование (эффект сферического зеркала), когда журналистика рисует его таким, каким он должен (или не должен) быть, в неадекватной микромодели причинно-следственных связей, с вынесением оценок политике и политикам и стремлением к её «переделке» на лучший (худший) лад. Это коммуникативно-управленческий подход прессы к политике, где существует больше риска продуцировать в обществе низкую медиакультуру. Хотя, как полагает Е. П. Прохоров, «властные полномочия» журналистики носят не обязательный для исполнения, а убеждающе-консультативный характер; замечания и предложения журналистов — это всего лишь выражение суждения общественности..., а не решения законодательной, исполнительной или судебной власти» [9, с. 79].

Для самой же политики пресса теоретически является и фактическим местом обетования, и публичным способом выражения, и аксиологическим «чистилищем» поставленных целей и используемых властными структурами, партиями, движениями средств, а также инструментальным полигоном для обкатки различных моделей социально-экономической и культурно-нравственной инженерии. Другое дело — как она с этой многосложной ролью практически справляется. По мнению Я. Н. Засурского, «экономические трудности сделали журналистов уязвимыми для давления различных структур — государственных, частных и даже криминальных. Журналистика России сегодня напоминает гадкого утенка, который барахтается, пытается плыть против течения и еще находит в себе силы сказать правду о том, что происходит в России и мире» [10, с. 57].

Насчёт правды — вопрос спорный: по многим признакам современная журналистика всё дальше уходит от своего миссионерского предназначения — публичной аккумуляции добра, истины, справедливости, тем самым разжижая нравственную консистенцию формируемой в обществе медийной культуры. Пресса всё больше зацикливается на исполнении родовых функций — «информирования» граждан и «посредничества» между властью и народом. Как специалист, отработавший в газетах пятнадцать лет и преподающий журналистику в вузах уже двадцать лет, считаю, что арсенал отечественной прессы, содержащий множество ресурсов: образовательный, нравственный, эстетический и др. — скуднеет на глазах. Сегодняшняя журналистика нещадно эксплуатирует два ресурса — политический и экономический. Соответственно, она увлекается исполнением в основном двух ролей — партнёра власти и «охотника» за прибылью. При этом педалирующая на политико-экономический концепт журналистика неизбежно снижает для себя порог ответственности за будущее.

И это не удивительно: одно дело отвечать за исполнение социальной миссии и совсем другое — за отправление родовых функций. Здесь разные масштабы информационно-коммуникативной деятельности — и разные уровни социально-нравственного императива. Тому пример — подходы прессы к освещению громко заявленной властью административной реформы. Ради чего она в принципе затевалась, причём по старой российской традиции в верхних эшелонах власти, — получить вразумительный ответ на этот главный вопрос гражданам страны вряд ли удалось...

Из вывода о сущностно-природной контактности журналистики, производящей публицистику, и политики, порождающей власть, в рамках акторского освоения (различными способами) окружающей действительности с учётом медиакультурных норм и правил проистекают две формы бытия журналистско-политического синтеза, связанные, по выражению А. С. Панарина, «с коллизией номинализма и реализма» [11, с. 22], — идеальная и предметная. Наивысшее выражение они находят в политической журналистике, которая, по мнению В. А. Сидорова, «артикулирует интерес эпохи» [12, с. 175].

1. В идеальной (номиналистской) форме синтеза (на основе высокой и отчасти средней медийной культуры) – журналистская публицистика выступает тенью политики (власти). Журналистская публицистика как бы «венчается» с политикой (властью), связывается бессрочным браком без права на развод. Но связь журналистской публицистики и политики (власти) по модальной основе не являет собой отношения жены-служанки и мужа-господина. Перефразируя известные слова К. Маркса, можно сказать, что в той же мере, в какой журналистика с публицистикой является результатом политики с властью, она также и создает эту политику с властью. Журналистика с публицистикой – это вербально-визуальный модус политики с властью в рационально-эмоциональном измерении, или отражение их содержательно-формальных проявлений как своеобразное «наглядное пособие» по анатомии и физиологии политических процессов. Без производимой журналистикой публицистики люди страдали бы политической слепотой и совсем бы не ведали, что делается в столь важных для жизни человека коридорах власти.

Далее связь журналистики (публицистики) с политикой (властью) переходит из онтологической плоскости в аксиологическую. С одной стороны, политика (власть) с помощью журналистики производит на свет публицистику как «альтер эго», отражающее содержание и форму своей прародительницы. С другой стороны, журналистика с помощью публицистики корректирует политику (власть) в качестве эффективного способа её самонастройки. Политика есть содержание публицистики, а публицистика есть суждение о политике. Без политики нет публицистики вообще, без публицистики нет хорошей (цивилизованной) политики.

В то же время и политика (власть) непреложно предполагает в качестве неотъемлемого элемента собственного переменчивого бытия не только информационно-отражательное, но и оценочно-корректирующее свойство публицистики (журналистики). И в этом смысле публицистика по отношению к политике является «второй» (по-иному – черновой, предварительной, оперативной) политологией. По словам В. Т. Третьякова, «политическая журналистика есть квинтэссенция журналистики вообще. Политическая журналистика – это оперативная и тактическая, каждодневно отправляемая прикладная политология» [13, с. 586]. Регулярно смотрясь в зеркало публицистики (журналистики), политика (власть) вынуждена накладывать благородящую косметику на возможные малопопулярные цели и неблаговидные средства их достижения.

Дальше – больше: с позиций формационного подхода к социальной действительности политика (власть) выступает своеобразным базисом по отношению к публицистике (журналистике), а та, в свою очередь, является адекватной надстройкой. В этой информационно-коммуникативно-управленческой системе прямые связи, несомненно, выражаются сильнее, нежели обратные, но и они, в том числе, обладают внушительной способностью влиять на свой первоисточник. Публицистика, являясь массово-информационной формой бытия политики, логично содержит в себе инобытийное свойство – обратное (аксиологическое) влияние на порождающую её политическую среду, которая отражается, интерпретируется, преобразуется журналистской деятельностью с учётом высокопробных образцов медийной культуры.

Влияние прессы на политику бывает двух видов – преобразовательное и коммуникативное. Первое связано с «переделкой» политики и политиков в лучшую сторону путём давления на них силой общественного мнения – главного оружия «четвёртой власти» (термин О. Бальзака). Второе связано с политизацией (в хорошем смысле) населения страны или региона путём тиражирования соответствующих знаний и культуры, что отмечает В. Д. Попов: «Главной целью политической журналистики является теоретическое обеспечение процессов формирования политической культуры социума» [14, с. 15].

Вопрос навскидку вызывает здесь термин «теоретическое» – не слишком ли много для журналистики с публицистикой? Нет, не много, если учесть, что в обоих случаях – и «переделки» политики, и политизации населения – журналистика при помощи публицистики обязывается (по модальным началам) калькулировать политику с претензией на истинность и объективность суждений и оценок. И потому публицистика не может в этом деле не опираться на строго научную политологическую основу, дающую соответствующее знание на теоретическом уровне. Хотя одна методологическая оговорка здесь не помешает: по мнению А. А. Тертычного, «журналистику интересуют не столько фундаментальные закономерности происходящего в мире (это задача науки), сколько сегодняшнее состояние явлений, событий; их взаимосвязи на данный день, их влияние на сегодняшнюю жизнь людей» [15, с. 22].

2. В предметной (реалистской) форме синтеза (на основе не только высокой и средней,

но и низкой медийной культуры) – политика (через политологию) и журналистика (через публицистику) способны образовать различные модули структурно-функционального симбиоза. В том числе – весьма далёкие от идеальных (номиналистских) конструкций, не сумевших пройти от «а» до «я» верификационные испытания в пореформенное время. В принципе, такая опасность идеально-предметного параллакса в периметре «политика – журналистика» существует всегда. И при злом царе-автократе Горохе, и при добром царе-демократе Салтане: как точно подметил А. К. Симонов, «слово – главный инструмент политики, поэтому состояние свободы слова и обеспечивающие её законы – это, как правило, результаты большой политической игры, в которой пресса, непосредственно этим словом оперирующая, всегда рискует сама превратиться в политический инструмент» [16, с. 5].

Кстати – об инструменте духовно-практического свойства. Что бы ни говорили о «неинструментальности» современной журналистики, каких бы модных экивоков на счет её информационной (а не функциональной) природы сегодня ни делали (типа: «Все эти «функции журналистики» – лженаука, шарлатанство») [17, с. 388], всё-таки она является феноменом, несущим в себе ген воспитания и организации людской массы, или по-другому: деятельностью, занимающейся переделкой сознания и поведения человека, в том числе – их политического профиля. Но переделывать политическое сознание и поведение индивидов и групп средствами публицистики можно как в хорошую (на основе высокой медиакультуры), так и в плохую (на основе низкой медиакультуры) стороны. Во многом такой социокультурный результат зависит от духовно-практической доминанты в журналистском процессе на каждый данный период, соответствующий определённой шкале политических координат.

В настоящее время как в политике, где по партийным спискам покупаются депутатские места даже в Государственную Думу, так и в журналистике, господствует гипертрофия властных полномочий и товарных отношений, которые, в отличие от западной прессы, в нашей отечественной проявляются в почти открытой форме: «Деньги – огромное искушение, – заметила журналист Ю. Калинина. – Какие сумасшедшие суммы предлагают за то, чтобы ты написала нужную заказчику статью! Если встать на этот путь, можно решить все свои проблемы. И квартиру купить, и машину...» [18, с. 43].

Между тем универсальное правило из мировой социальной практики, не раз уже проверенное и при капитализме, и при социализме, гласит: как только в духовную сферу вторгаются деньги и начинают играть там главенствующую роль, то рано или поздно всё загнивает на корню: и культура, и искусство, и спорт, и политика, и журналистика, ведь предназначение последней весьма далеко отстоит от простого зарабатывания её служителем себе на пропитание... Как говорил К. Маркс, «главнейшая свобода печати состоит в том, чтобы не быть промыслом» [19, с. 81].

Это – факт: «промысел» в журналистике ударяет, в первую очередь, по механизму коррекции политики средствами публицистики, отступающей от критериев высокой медиакультуры. Последняя в данном случае либо частично, либо полностью утрачивает свои основные сущностно-функциональные характеристики в формате политико-журналистского синтеза в его идеальной (номиналистской) форме. Эти общественно значимые утраты выражаются в следующем:

а) журналистика (через публицистику) делает своим содержанием сознательно деформированную вербально-визуальными средствами политику (по обоюдному согласию или одностороннему несогласию): по этой причине публицистика перестает быть объективным «наглядным пособием» по анатомии и физиологии политических процессов и вводит в заблуждение миллионы людей искажённым их отображением с намеренно запутанным в нём причинно-следственным механизмом политической жизни;

б) политика (через) журналистику эксплуатирует оценочно-корректирующее свойство публицистики с корыстной (камуфляжной) целью – выглядеть в общественном мнении в более выгодном свете, чем это есть на самом деле: в таком информационно-коммуникативном варианте публицистика по отношению к политике перестает быть «второй» (по-иному – черновой, предварительной, оперативной) политологией, так как засоряет предполье политической науки недобросовестными фактами, спорными аргументами, ложными выводами;

в) аксиологическая природа журналистики (через публицистику) фактически теряет, во-первых, преобразовательную силу – способность к «переделке» политики и политиков в лучшую сторону с помощью общественного мнения и, во-вторых, коммуникативную силу – способность к политизации населения страны или региона путём массово-информационного

тиражирования качественных политических знаний и высокой политической культуры;

г) в обоих случаях — и «переделки» политики, и политизации населения — журналистика в форме публицистики часто отходит от модальных — сущностно-природных — начал и калькулирует политику без претензий на истинность и объективность суждений и оценок: при этом журналистика сознательно ориентируется не на интересы большинства управляемых (массы), а на интересы меньшинства управляющих (элиты), вступая с ней в инфократический сговор;

д) политика (власть) понуждает журналистику (публицистику) преднамеренно отказываться от модальных экзерсисов в адрес политической власти, основанных на трёх постулатах — правдивости, разумности, справедливости: публицистика уходит от обязанности непрерывно навязывать власти эту формулу политической морали и, тем самым, «редактировать» (улучшать) её общественным императивом, а в худшем варианте — хотя бы заставлять власть делать вид, что она разумно-правдивая и гуманно-справедливая, и соблюдать внешние приличия, принятые во всем цивилизованном мире.

В итоге пореформенная политика (через адекватную журналистику) производит на свет, в основном, лукавую публицистику, целенаправленно искажающую её содержание и форму (либо в лучшую, либо в худшую сторону — в зависимости от информационного заказа извне или изнутри): по этой причине публицистика перестаёт быть объективно-корректирующим политику механизмом её самонастройки и деформирует в массовых представлениях индикаторы «хорошей» и «плохой» политики.

И тут есть смысл напомнить, что уже в пражурналистских явлениях, возникших из общественной необходимости в сборе, обработке и распространении социально значимой информации, проглядывает другое, более важное — позитивная или негативная оценка происходящего вокруг, в том числе в политической сфере действительности. Причем оценка не статично-нейтральная, а динамично-действенная, с непосредственным или опосредованным выходом на массово-востребованный позитивно-практический результат. Отсюда следует, что в принципе журналистика сначала порождается, а затем содержится генерализованным политикой обществом в рабочем состоянии, в первую очередь для того, чтобы постепенно уменьшать в его бытии «количество» зла и приумножать «количество» добра, в чем, собственно, и состоит социальная (конкретно: политическая) миссия журналиста — изначального производителя высококультурного медиапродукта.

1. Социальная информациология: Словарь. М. : Изд-во РАГС, 2006.
2. Кириллова Н. Б. Медиаменеджмент как интегрирующая система / Н. Б. Кириллова. – М. : Академический Проект, 2008.
3. Ципко А. Россия наелась компромата // Литературная газета. 2003. 3–19 декабря.
4. Засурский И. И. СМИ и власть. Россия девяностых / Средства массовой информации России / И. И. Засурский. – М. : Аспект Пресс, 2005.
5. Российская социологическая энциклопедия. М. : НОРМА-ИНФРА*М, 1998.
6. Панарин А. С. Философия политики / А. С. Панарин. – М.: Новая школа, 1996.
7. Сидоров В. А. Журналистика в политической системе общества / Журналистика в мире политики: исследовательские подходы и практика участия / В. А. Сидоров. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2004.
8. Корконосенко С. Г. Основы журналистики / С. Г. Корконосенко. – М. : Аспект Пресс, 2001.
9. Прохоров Е. П. Введение в теорию журналистики / Е. П. Прохоров. – М. : Аспект Пресс, 2003.
10. Засурский Я. Н. Тенденции функционирования СМИ в современной структуре российского общества // Средства массовой информации России / Я. Н. Засурский. – М. : Аспект Пресс, 2005.
11. Панарин А. С. Философия политики / А. С. Панарин. – М. : Новая школа, 1996.
12. Сидоров В. А. Политическая журналистика как профессиональная специализация / Журналистика в мире политики: Исследовательские подходы и практика участия / В. А. Си-доров. - СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 2004.
13. Третьяков В. Т. Как стать знаменитым журналистом / В. Т. Третьяков. – М. : Ладо-мир, 2004.
14. Попов В. Д. Журналистика как политическая наука / В. Д. Попов. – М. : Изд-во РАГС, 2004.
15. Тертычный А. А. Жанры периодической печати / А. А. Тертычный. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.
16. Симонов А. К. Саморегулирование как самосохранение / Саморегулирование жур-налистского сообщества: опыт и проблемы жизнедеятельности. Перспективы становления в России / А. К. Симонов. – М. : Фонд защиты гласности, 2003.
17. Пархоменко С. Б. Журналистика прошлого и настоящего – две разные профессии / Пресса в обществе (1959-2000). Оценки журналистов и социологов. Документы / С. Б. Пархоменко. – М. : Изд-во Моск. школы полит. исследований, 2000.
18. Калинина Ю. Нам повезло, нам выпало десятилетие фантастической для нашей страны свободы / Десять интервью о политической журналистике / Ю. Калинина. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000.
19. Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания / Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.

ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВАХ С КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ПРАВА

УДК 372.075

С. М. КОНДРАТЬЕВ

Результатом реформирования российского общества и государства стало появление во многом новых для отечественной государственно-правовой действительности институтов, к числу которых можно отнести и местное самоуправление [5].

Можно согласиться с мнением Е. М. Ковешникова, что становление местного самоуправления находится на самом начальном этапе современного переходного периода состояния российского общества. Еще не отработаны концепции и правовые установления местного самоуправления, не накоплен достаточный опыт его организации и функционирования, не выработаны теоретические научно обоснованные подходы к определению места и роли местного самоуправления в российском обществе и государстве [11, с. 1].

Процесс формирования местного самоуправления требует системного подхода к решению комплекса проблем, связанных с порядком формирования, организации деятельности, определения объема полномочий его структур, а также вопросов правового регулировании взаимоотношений с центральными государственными органами, государственными органами субъектов Федерации, правоохранительными органами. Решить эти и многие задачи государственно-правового строительства в России невозможно без учета как положительного, так и отрицательного опыта зарубежных стран.

Особую ценность сегодня представляет опыт западно-европейских государств, что обосновывается рядом обстоятельств. Во-первых, Россия с 1996 г. стала членом Совета Европы и подписала Европейскую хартию о местном самоуправлении. Во-вторых, правовая система России входит в романо-германскую систему права, и ее законодательство имеет значительное сходство с законодательствами европейских стран. Правовые системы романо-германской группы различаются в связи с особенностями политических систем и степенью централизации систем управления. Соответственно различаются и структуры органов местного самоуправления, а также их правовая база [8, с. 85–86].

В научной литературе при рассмотрении местного самоуправления в зарубежных странах традиционным является подход, при котором все государства, в зависимости от характера процесса формирования органов местного самоуправления, подразделяют на две группы: государства континентальной и англосаксонской системы. Однако в последнее десятилетие XX века наметились тенденции сближения и формирования новых правовых систем, таких как европейское право (право Европейских Сообществ) и право Совета Европы. Право ЕС, имея наднациональный характер, инкорпорируется в национальные правовые системы государств-участников соответствующих интеграционных объединений. Нормы этого права имеют прямое действие и обладают верховенством по отношению к нормам права, создаваемым самим национальным государством [12, с. 17].

Сближение правовых систем в рамках «единой Европы» позволяет некоторым ученым сделать вывод о формировании европейской системы местного самоуправления и местного управления [13, с. 192]. В такой системе главенствуют внутрисистемные нормативные акты, издаваемые соответствующими организациями. Так, в Европе интегрирующую роль играет «Европейская хартия о местном самоуправлении», открытая для ратификации членами Совета Европы. Хартия служит одним из основных источников муниципального права европейских государств [1, с. 26] и содержит в себе европейские стандарты развития местного самоуправления. С 1988 г. подписание Хартии является условием вступления в Совет Европы. Однако до сих пор документ либо не подписан, либо подписан с оговорками или не ратифицирован вообще такими государствами, как Франция, Бельгия, Нидерланды, Австрия, Дания [9, с. 15].

В большинстве стран мира (континентальная Европа, франкоязычная Африка, Латинская Америка, Ближний Восток) получила распространение континентальная (французская) модель. Она основывается на сочетании прямого государственного управления на местах

и местного самоуправления. Родоначальницей данной модели является Франция.

Континентальная модель напоминает иерархическую пирамиду, где происходит передача различных директив и информации и где на центральные власти активно работает целая серия агентов на местах. Указанная модель характеризуется также определенной подчиненностью нижестоящих звеньев вышестоящим.

В рамках французской системы представительные органы порой создаются лишь в административно-территориальных единицах, признанных законодателем в качестве территориальных коллективов. В отдельных подразделениях, таким образом, представительные органы могут вообще отсутствовать (например, в округах и кантонах Франции).

Основные принципы функционирования местного самоуправления во Франции были закреплены в законах от 2 марта 1982 г. и 1 декабря 1988 г. [3] Эти законы занимают центральное место в реформе государственного и муниципального управления Франции, проведенной в 80-е годы XX века.

Закон от 2 марта 1982 г. «О правах и свободах коммун, департаментов, регионов», известный как «закон децентрализации», ввел новую процедуру контроля за решениями местных органов, расширил полномочия последних за счет передачи им ряда функций государственных органов (соответствующих служб, имущества и средств), а также прав по подготовке и принятию бюджета. Предусмотрен новый порядок финансирования местных бюджетов: в ежегодном законе о госбюджете вводится новая глава «Финансирование территориальных коллективов» [7].

Начатый в 1982 г. процесс децентрализации вызвал коренное переустройство традиционной модели организации территории. В результате перераспределения полномочий между государством и территориальными коллективами существенно изменились отношения между центром и местной властью. В течение последующих десяти лет законодателю удалось создать новую организационно-правовую базу, приспособленную к изменившимся условиям [6].

Указанные законы позволили провести настоящую децентрализацию: местные органы самоуправления стали независимыми от государства, чей контроль осуществляется теперь в форме юридического контроля, также они получили расширенные полномочия. Они превратились в главных действующих лиц государственной власти, как по полноте и по разнообразию своих задач, так и по своим тесным связям с населением.

Франция является децентрализованным унитарным государством. Правом принятия законов на уровне нации обладает только парламент, правом проведения политики республики – только правительство. Децентрализация не привела к передаче на местный уровень законодательных или правительственных полномочий (например, во Франции, в отличие от земель германии, не существует ни «региональных» парламентов, ни «региональных» правительств) [4, с. 5].

По Конституции 1958 г. «местными коллективами являются коммуны, департаменты, регионы, местные коллективы с особым статусом и заморские территории». Сегодня во Франции насчитывается 22 региона, 100 департаментов и 36 600 коммун.

Местные органы власти осуществляют полномочия, переданные им законодателем. Эти полномочия изменяются в соответствии с принимаемыми законами и имеют тенденцию к расширению. К тому же основная статья по полномочиям конституции открывает для коллективов возможность действовать в тех областях, которые не были специально переданы в их компетенцию, но в которых они имеют местный интерес.

Следует согласиться с мнением А. М. Арбузкина, что система организации власти в административно-территориальных единицах во Франции относится к континентальной модели, которая характеризуется сочетанием в органах на местах функций местного самоуправления и функций государственной власти [2, с. 351].

Коммуны имеют широкие полномочия, в частности, в сфере услуг для населения, часть из которых связана с ролью мэра как представителя государства на местном уровне: гражданское состояние (регистрация рождений, браков и смертей); избирательная система (организация выборов, ведение избирательных списков); социальная помощь населению (помощь пожилым людям, содержание части домов престарелых, поддержка общественных социальных организаций; на местном уровне функционирует коммунальный центр социальной помощи, который собирает заявки, анализирует нужды населения, тесно сотрудничает с департаментом); образование (строительство, оборудование, управление детскими садами и начальными школами); строительство и благоустройство (разработка планов застройки, выдача разрешений на строительство, создание и эксплуатация рекреационных

зон, содержание местного дорожного фонда, уличного освещения, зеленых насаждений, общественных зданий коммуны, общественного транспорта); водоснабжение, оздоровление окружающей среды и уборка мусора; защита общественного порядка при существовании, в отдельных случаях, муниципальной полиции; поддержка жилого фонда, экономики и туризма; развитие учреждений культурного и спортивного назначения (музеи, библиотеки, спортивные залы, бассейны, катки...); муниципальные архивы.

Департаменты объединяют территорию, где находятся несколько коммун. В их компетенцию входит: социальная помощь (выплаты социальных пособий; помощь детству, которое включает ведение процедуры усыновления и поддержку семьям, находящимся в тяжелой финансовой ситуации; помощь пожилым людям, в частности, строительство и содержание домов престарелых и выдача персональных пособий для оплаты услуг помощи на дому; помощь инвалидам через департаментские центры помощи инвалидам, помощь для адаптации в обществе; помощь для оплаты жилья; в качестве эксперимента в некоторых департаментах – юридическая защита молодежи.

Кроме того, в их компетенцию входит: санитарный контроль: санитарная защита семей, в частности детей; обустройство и содержание территории: содержание и инвестиции в дороги департаментского значения и частично в дороги национального значения; организация школьного транспорта и междугородних коллективных перевозок в пределах департамента; обустройство, содержание и эксплуатация водных источников, озер и водных поверхностей, которые переданы в его ведение; защита, управление и эксплуатация естественных территорий, подверженных риску; содержание департаментских зданий; образование (строительство, содержание и оборудование коллежей); набор и управление техническим и вспомогательным персоналом коллежей; определение мест размещения коллежей; культура (централизованные библиотеки по выдаче книг, архивы и музеи департаментского подчинения, содержание и управление некоторыми памятниками, преданными в их ведение); управление кредитами для охраны местного исторического наследия, не находящегося под охраной; поддержка экономики, сельского хозяйства и туризма; помощь коммунам (софинансирование).

Регионы включают в себя территорию нескольких департаментов. В их компетенцию входит следующее: экономическое развитие как основная область работы (экономическая помощь, поддержка исследований и развития, разработка и согласование с коммунами, группами коммун и департаментами региональной схемы экономического развития на пятилетку); обустройство территории (основной субъект диалога с государством, ведение совместных проектов); разработка регионального плана обустройства и развития территории; транспорт (разработка регионального плана инфраструктуры и транспорта; организация регионального железнодорожного сообщения); образование (строительство, содержание и оборудование лицеев); набор и управление техническим и вспомогательным персоналом лицеев; участие в финансировании университетов, хотя эта функция и относится к компетенции государства; профессиональное образование (формирование и реализация региональной политики профессиональной подготовки и начального профессионального художественного образования); культура и спорт (региональные музеи, региональное спортивное оборудование, общая инвентаризация культурного наследия, содержание и управление некоторыми памятниками, преданными в их ведение); здравоохранение (возможность, в качестве эксперимента деятельности в области вакцинации, борьбы с туберкулезом, проказой и СПИДом..., а также участие в финансировании и производстве санитарного оборудования); помощь коммунам и департаментам (совместное финансирование).

Межкоммунные отношения объединяют все формы сотрудничества между коммунами. В 1992 и 1999 гг. межкоммунное сотрудничество было усилено принятием законов, направленных на лучшую его организацию и на его стимуляцию в ситуации раздробленности коммун. По отношению к территориальным коллективам (коммунам, департаментам, регионам) межкоммунное сотрудничество имеет ограниченную компетенцию (по принципу специализации). Коммуны решают, какие правомочия ему передать. Эти правомочия больше не входят в компетенцию коммун (принцип исключительности).

Подводя итог, необходимо отметить, что начатый в 1982 г. процесс децентрализации вызвал коренное переустройство традиционной модели организации местного самоуправления во Франции. В результате перераспределения полномочий между государством и территориальными коллективами существенно изменились отношения между

центром и местной властью. В течение последующих десяти лет законодателю удалось создать новую организационно-правовую базу, приспособленную к изменившимся условиям.

Во многом опыт Франции может быть полезен и для России. Однако следует учитывать и ошибки Французской Республики в построении системы местного самоуправления.

Сегодня Франция столкнулась с противоречием, когда населению необходимо оказание все большего количества услуг по месту жительства и возрастает требовательность к их качеству, основное звено территориальной администрации — коммуна — все менее и менее в состоянии ответить на эти ожидания. Действительно, исключительная раздробленность коммун, которая характеризует французскую модель местного самоуправления, не позволяет решать в полной мере стоящие задачи. Так же как и в России, представляется необходимым наделение местного самоуправления большей самостоятельностью в решении вопросов местного значения.

Несколько особняком стоит основанная на романо-германских правовых принципах скандинавская система местного самоуправления. Влияние французской модели на скандинавские страны несомненно и долговременно; оно осуществлялось как непосредственно, так и в преломлении через призму датского государственного строительства. В Дании формируются традиции самоуправления, сближающие ее со странами Скандинавии: развитое общинное самоуправление, зачастую опирающееся на прямую демократию и подкрепленное труднодоступностью ряда территорий, их экономической автаркией, сдерживало экспансию прямого государственного управления. Эти традиции, присутствующие еще в большей степени в Швеции и в Норвегии, не являются противоположностью централизованному, унитарному государству, как это могло бы быть в случае развитого регионализма. Скорее наоборот, ранняя или бурная централизация в сравнительно редконаселенных странах способствовала почти полной интеграции местного самоуправления в государственный механизм; в отличие от других европейских стран, в скандинавском регионе все децентрализаторские реформы проходят как идеальные «революции сверху», не встречая ни сопротивления, ни требований самостоятельности со стороны органов самоуправления.

Таким образом, развитое самоуправление дополняет государственную централизацию, не вступая с ней в конфликт. В XX в. эти традиции самоуправления были дополнены за счет раннего (20–30-е гг.) формирования социального государства, способствовавшего демократизации и децентрализации публичного управления несмотря на унитаризм. Наконец, в скандинавских странах влияние общего права на правовую систему гораздо более существенно, чем на континенте [9, с. 47–48].

Для стран скандинавской системы местного самоуправления характерна большая самостоятельность органов местного самоуправления в оперативных вопросах и одновременно крайне незначительные правовые гарантии, что позволило многим исследователям сблизить скандинавские страны с Великобританией. Однако, в отличие от британской модели, местная власть в этих странах значительно больше интегрирована в государственный механизм, что проявится и в доминирующих тенденциях: если в Соединенном Королевстве присутствие государственных органов на местном уровне усиливается, то в королевствах Датском, Шведском и Норвежском наоборот: государство уменьшает полномочия своих органов на местах в пользу самоуправления [9, с. 188].

Иберийская система местного самоуправления и управления существует в Бразилии, во многих испаноговорящих государствах Латинской Америки, хотя в самой Испании ее теперь нет.

Особенности и специфика формирования государственных и муниципальных институтов латиноамериканского общества обусловили создание в ряде стран Латинской (Испанской) Америки такой жесткой системы властных отношений, при которой традиционность состоит не столько в утверждении принципа разделения властей и системы «сдержек и противовесов», сколько в сильной исполнительной (прежде всего президентской) власти.

Более того, исторически сложился примат этой власти над всеми государственными и муниципальными публичными институтами, в том числе представительными, и сформировался своеобразный конституционно-авторитарный строй, при котором реальная власть в центре и на местах сконцентрирована в руках правящей политической бюрократии. При этом в данной системе весьма значительную (нередко определяющую) роль играет не только государственная, но и муниципальная бюрократия (алкальды), представляющая централизованную исполнительную власть.

Особенности политической системы латиноамериканских государств наложили свой

отпечаток на эволюцию взаимоотношений местных органов (муниципальной публичной власти) с государственными институтами управления. Среди различных аспектов этих взаимоотношений (с позиций практических требований сегодняшнего дня и уровня развития муниципальной теории) одно из важных мест занимают процессы децентрализации управления и деконцентрации власти [10, с. 356–357].

В ряде стран система местного самоуправления имеет существенные особенности: в Мексике несколько иная, чем в Никарагуа, в Аргентине не похожа на систему, существующую в Колумбии, в некоторых странах близка к охарактеризованной выше романо-германской, хотя в странах Латинской Америки роль представителей центра всегда значительнее в силу широких полномочий президента. Кроме того, во многих странах Латинской Америки имеются крупные земельные латифундии, и господство местных землевладельцев налагает существенный отпечаток на систему управления.

При иберийской системе население административно-территориальных единиц (в том числе общин, муниципий) избирает совет и главное должностное лицо данной административной единицы (алькальда, регидора, префекта, мэра), иногда избирается коллегия должностных лиц. В некоторых странах главное должностное лицо избирается не населением, а советом. Алькальд (префект и т. п.) одновременно является председателем совета, его исполнительным органом и утверждается правительством (президентом, министром внутренних дел) как его представитель в данной административно-территориальной единице. Он обладает правом контроля за деятельностью совета [12, с. 334–335].

Таким образом, анализ структуры, решаемых задач, многообразия и специфики деятельности органов самоуправления в государствах с континентальной системой права позволяет сделать вывод, что местное самоуправление как элемент демократии есть форма реализации публичной власти, а органы местного самоуправления являются, по существу, органами публичной власти и действуют в рамках своих полномочий.

Континентальная (французская) модель основывается на сочетании прямого государственного управления на местах и местного самоуправления.

Континентальная модель напоминает иерархическую пирамиду, где происходит передача различных директив и информации и где на центральные власти активно работает целая серия агентов на местах. Указанная модель характеризуется также определенной подчиненностью нижестоящих звеньев вышестоящим.

1. Автономов А. С. Правовые и финансовые основы местного самоуправления Российской Федерации. М., 2002.
2. Арбузкин А. М. Конституционное право зарубежных стран. М., 2004.
3. Богорад Л. М., Болотина Е. В. Особенности правового регулирования местных финансов во Франции // Международное публичное и частное право. 2009. № 1.
4. Болотина Е. В. Организационные основы французского муниципального управления: Монография / ГУАП. СПб., 2006.
5. Болотина Е. В. Зарождение муниципального управления во Франции // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 5.
6. Болотина Е. В. Становление института муниципальной службы во Франции // Социальное и пенсионное право. 2006. № 4.
7. Бюджетный процесс во Франции: центральный и местные бюджеты: Сборник обзоров. Серия: «Региональное управление и местное самоуправление». М. : РАН; Институт научной информации по общественным наукам, 1995.
8. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.
9. Евдокимов В. Б., Старцев Я. Ю. Местные органы власти зарубежных стран: правовые аспекты. – М. : Спарк, 2001.
10. Еремян В. В. Муниципальное право зарубежных стран (сравнительно-правовой анализ): учебное пособие. – М. : Академический проект, 2006.
11. Ковешников Е. М. Государство и местное самоуправление в России: теоретико-правовые основы взаимодействия. – М. : НОРМА, 2002.
12. Конституционно-право зарубежных стран : учебник / под ред. В. О. Лучина, Г. А. Василевича, А. С. Прудникова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити-Дана: Закон и право, 2009.
13. Лужков Ю. М. Путь к эффективному государству: план преобразования системы государственной власти и управления в Российской Федерации. – М. : Изд-во МГУ, 2002.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 351.88

А. В. ДЕНИСОВ

До недавнего времени существовало мнение, что дипломатическая служба не должна регулироваться особым законом. Эта позиция мотивировалась тем, что дипломатическая служба является частью государственной гражданской службы Российской Федерации и все вопросы ее организации должны решаться в рамках общего законодательства о государственной службе. Но все мы понимаем, что дипломатическая служба имеет и свою, подчас ярко выраженную специфику.

Дипломатическую государственную службу регулировали два основных закона: Федеральный закон РФ от 27 мая 2003 года № 53-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» [5, ст. 2063] и Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [6, ст. 3215] и относили её к Федеральной государственной гражданской службе.

09 июля 2010 г. Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» [7, ст. 4174] который частично вступил в законную силу 27 января 2011 г. В законе проведена попытка урегулировать спорные моменты, связанные с существующей терминологией, а также поступлением, прохождением дипломатической службы РФ, статусом сотрудников, их правами и обязанностями.

Ещё с 90-х годов ставился вопрос о необходимости принятия закона о дипломатической службе. Недостаток сферы правового регулирования резко ощущался. Некоторые моменты сглаживались за счет подзаконных актов в основном внутриведомственных приказов МИД РФ. Наконец был принят вышеуказанный закон. Снял ли он противоречия, закрепил ли статус сотрудников, урегулировал ли спорные вопросы – неисчерпаемые темы для различных дискуссий.

Наибольший интерес для исследования представляют следующие моменты.

В первую очередь – это определение понятия дипломатической службы РФ, выделение особенностей функционирования, определения её места в системе государственной службы, поступления и прохождения службы.

Во вторых – закрепление понятия «дипломатический работник» и «сотрудник дипломатической службы», дифференциация правового статуса и функций.

При изучении вышеуказанного закона из самого названия акта можно сделать вывод о том, что законодатель не выделяет дипломатическую службу в отдельный вид государственной службы, а рассматривает её в качестве подвида федеральной государственной гражданской службы, при этом делает акцент на особенности прохождения данного вида службы.

Однако, по мнению автора, исходя из того, что фактически внутри внешнеполитического ведомства функционируют два вида государственной службы: федеральная государственная гражданская служба, носящий обслуживающий, иногда фискальный характер по отношению ко второй – дипломатической государственной службе, основная цель которой – представительство РФ за рубежом. Следовательно, дипломатическую государственную службу РФ следует рассматривать как особый вид федеральной государственной службы, исполняемой гражданами, не имеющими гражданства (подданства) иностранного государства, представляющей собой профессиональную служебную деятельность на должностях дипломатической государственной службы по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, а также полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации в загранучреждениях.

При исследовании различных аспектов дипломатической государственной службы главным объектом являются сотрудники в структуре внешнеполитического ведомства как особая группа государственных служащих. На взгляд автора статьи принятый Федеральный закон № 205-ФЗ не только не снял существующие противоречия в правовых статусах дипломатического работника и сотрудника

дипломатической службы, но и попытался уравнять разнофункциональные должности.

В трудах ученых различного времени встречаются разные определения и признаки государственного служащего. Исходя из анализа определения государственного служащего, содержащегося в Федеральном законе № 58-ФЗ, к числу отличительных признаков госслужащего относит следующие:

1) государственный служащий – это гражданин Российской Федерации, владеющий государственным языком;

2) государственный служащий осуществляет профессиональную деятельность;

3) замещает должности государственной службы в государственном органе;

4) получает денежное содержание, выплачиваемое за счет средств бюджета.

Что же касается понятия государственного гражданского служащего, то Федеральный закон от 27 июля 2004 г. «О государственной гражданской службе Российской Федерации» в ст. 13 дает определение, из которого закономерно вытекают признаки, характеризующие государственного гражданского служащего:

1. Это гражданин Российской Федерации. Иностранные граждане или лица без гражданства не могут быть государственными гражданскими служащими в Российской Федерации. П. 6 ч. 1 ст. 16 Закона о государственной гражданской службе [8, ст. 3215] предусматривает, что гражданин не может быть принят на гражданскую службу, а гражданский служащий не может находиться на гражданской службе в случаях: выхода из гражданства Российской Федерации, приобретения гражданства другого государства или в случае наличия гражданства другого государства, если иное не предусмотрено международным договором.

Законодательство о гражданской службе занимает значительно более жесткую позицию по сравнению с законодательством о военной службе, которое предусматривает возможность заключения служебного контракта с иностранным гражданином.

2. Это гражданин Российской Федерации, взявший на себя обязательства по прохождению гражданской службы.

3. Гражданин приобретает статус государственного гражданского служащего в соответствии с приказом о назначении на должность и со служебным контрактом.

4. Гражданский служащий исполняет свои обязанности профессионально и на возмездной основе, за счет средств государственного бюджета.

В соответствии с действующим российским законодательством дипломатическая служба РФ не выделена в отдельный вид государственной службы, а поэтому дипломатический работник является федеральным государственным гражданским служащим, исполняющим обязанности по замещению должности государственной гражданской службы РФ в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации за денежное вознаграждение, выплачиваемое из средств федерального бюджета; при этом одним из важнейших признаков должно стать наличие дипломатического ранга, главная задача – практическое и высокопрофессиональное участие в осуществлении внешнеполитических функций российского государства. Также необходимо отметить, что на сегодняшний день перечень должностей, на которых осуществляется дипломатическая служба, содержится в разделе № 12 Реестра должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденного Указом Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 [3, ст. 118].

Однако этого не достаточно, предлагаемая автором концепция предполагает перевести часть должностей в особую категорию «сотрудников дипломатической государственной службы» при этом термин «работник» предлагается также исключить из определения в связи с его трудоправовой (термин введен А. Д.) природой.

Данные должности должны быть изъяты из реестра и указаны в отдельном перечне. Не существует никаких сомнений и возражений против того, чтобы внутри одного ведомства существовали несколько видов государственной службы. Кроме того, в ч. 3. ст. 8. Федерального закона от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» указано на то, что в федеральном государственном органе могут быть учреждены должности государственной службы различных видов [9, ст. 2063].

Предлагаемая автором концепция намерена дифференцировать лиц, находящихся на постоянном месте службы в центральном аппарате МИД, а также территориальных подразделениях на территории РФ, и лиц, осуществляющих службу в представительствах за рубежом.

Согласно принятому закону от 27.07.2010 № 205-ФЗ определены понятия дипломатической службы, дипломатического работника, сотрудника дипломатической службы. Однако в ходе детального анализа становится очевидным, что различие в понятиях сотрудника от работника отсутствует, так как автор предполагает, что законодатель рассматривает работника в качестве видового, а сотрудника –

родового объекта служащего федеральной государственной гражданской службы.

В качестве общего объекта в данной связке выступает государственный служащий. Родовым объектом, будучи частью общего объекта, является сотрудник дипломатической государственной службы (служащий федеральной государственной гражданской службы). Видовой объект, занимая промежуточное положение между родовым и непосредственным объектами, является подсистемой родового объекта, находясь с ним в соотношении «род — вид». Видовой объект представляет собой подгруппу сходных по содержанию функций и в терминологии Федерального закона № 205-ФЗ является дипломатическим работником.

В качестве отличительной особенности сотрудника от работника является наличие у сотрудника классного чина, либо и классного чина и дипломатического ранга. При этом ни закон, ни какой либо другой правовой акт не указывает на порядок соотношения классного чина и дипломатического ранга, и вообще не понятна причина и выгода возможного наличия у должностного лица и чина и ранга.

Так, согласно указу Президента РФ от 15.10.1999 № 1371 «О порядке присвоения и сохранения дипломатических рангов и об установлении месячных окладов федеральным государственным гражданским служащим в соответствии с присвоенными им дипломатическими рангами», при наличии у дипломатического работника классного чина государственной гражданской службы Российской Федерации (квалификационного разряда) и дипломатического ранга ему производится выплата только месячного оклада в соответствии с присвоенным дипломатическим рангом [4, ст. 5012]. Следует отметить, что на сегодняшний день квалификационные разряды на государственной службе не применяются.

В качестве характерных признаков в определении дипломатического работника в законе является выполнение функций дипломатического характера [10, ст. 4174]. Законодательство не дает определение дипломатическим функциям, однако на основании международных норм, в частности Венской конвенции о дипломатических сношениях и определения дипломатии, можно выделить следующую дефиницию. Под дипломатическими функциями понимается прежде всего:

1. Представительство, т.е. представительство своего государства перед третьими лицами (иностранными государствами, международными организациями и т.д.). Отстаивание и защита интересов своего государства, а также его граждан.

2. Общение и переписка, проведение переговоров. Налаживание тесных дружеских связей, установление личных контактов, которые способствуют укреплению взаимоотношений между государствами.

3. Сбор информации. Этот элемент самый важный в дипломатической функции, поскольку «внешнеполитическая слепота» приводит к нежелательным последствиям со стороны не участвующего государства. Важнейшей функцией дипломатического представительства является выяснение всеми законными средствами условий и событий, происходящих в стране пребывания, и сообщение о них своему правительству.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что дипломатические функции относятся непосредственно к сотрудникам, направленным на службу в дипломатические представительства и учреждения за рубежом. Именно они осуществляют напрямую вышеуказанные функций. Функции служащих центрального аппарата МИД РФ, а также территориальных органов — представительств на территории РФ сводятся к обеспечиванию исполнение полномочий государства во внешнеполитической деятельности.

Налицо наличие во внешнеполитическом ведомстве двух различных видов государственной службы: федеральной государственной гражданской службы и дипломатической государственной службы.

Применение термина «дипломатический работник» вызывает сомнение по нескольким основаниям:

• Термин «работник» принято употреблять в отношении лиц, осуществляющих трудовую деятельность в бюджетных либо коммерческих структурах. Организация работы государственных служащих и работников обладает целым комплексом различий. Трудовые отношения работников регулируются Трудовым кодексом РФ и отдельными федеральными законами по родам деятельности. Что касается государственных служащих, то общие положения их статуса закреплены в Федеральном законе № 58-ФЗ от 27.05.2003, № 79-ФЗ от 27 июля 2004 г. и иных федеральных законах. Терминология и понятия, закрепленные в этих актах, также демонстрируют различия в регулировании трудовых отношений этих категорий. Так, госслужащие получают «денежное содержание», в то время как работники — «заработную плату», с госслужащими заключается «служебный контракт» с работниками «трудовой договор». Следует также обратить внимание на такие категории, как отпуск, чины и раз-

ряды, продолжительность рабочего времени и т. д.

• Несмотря на внешнее сходство характера трудовой деятельности государственных служащих и работников коммерческой (бюджетной) сферы, было бы неправильно приравнивать их друг к другу. Государственные служащие обеспечивают исполнение полномочий государственных органов или лиц, занимающих государственные должности РФ. В связи с данной особенностью для государственных служащих установлены специальные ограничения: особый порядок поступления на государственную службу; запрет на выполнение любой оплачиваемой работы, кроме преподавательской, научной и творческой; обязанность подавать сведения о доходах и имуществе и т. д.

• Важнейшее отличие состоит также в том, что работники оказывают гражданам и организациям услуги, не связанные с осуществлением властных или управленческих функций. Наравне с этой они могут заниматься и другой оплачиваемой работой, так как для них (в отличие от государственных служащих) никаких ограничений не существует [1, электронный ресурс].

Поэтому целесообразнее бы было дать понятие «сотрудника дипломатической государственной службы», под которым понимаются лица, исполняющие функции дипломатического характера, занимающие должности в структуре внешнеполитического ведомства, по которым предусмотрено исполнение обязанностей по представительству РФ за рубежом либо по обеспечению деятельности лиц, которые исполняют вышеуказанные обязанности, а также присвоение дипломатических рангов.

Лица же, замещающие в центральном аппарате Министерства иностранных дел Российской Федерации, территориальных органах Министерства иностранных дел Российской Федерации должности федеральной государственной гражданской службы, по которым предусмотрено присвоение классных чинов федеральной государственной гражданской службы, являются гражданскими служащими.

Во втором случае данные лица будут замещать должности государственной гражданской службы, и им присваиваются классные чины, их статус в полной мере урегулирован соответствующим законом. В первом же случае предлагается относить данных лиц к служащим дипломатической государственной службы, присваивать дипломатические ранги и именовать сотрудниками дипломатической гражданской службы. Их служба должна регулироваться особым законом «О дипломатической государственной службе РФ».

К сотрудникам дипломатической государственной службы не должны также относится лица, осуществляющие техническое обслуживание в Министерстве иностранных дел, дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации. Данные лица представляют собой обслуживающий персонал и фактически являются работниками, деятельность которых урегулирована нормами ТК РФ. Поэтому определение дипломатических работников и дипломатических сотрудников, которое дано в Федеральном законе № 205-ФЗ от 27.07.2010 г. представляется автору некорректным.

Статус сотрудника дипломатической государственной службы России определяется как общими для государственных служащих, работающих в системе МИД РФ, чертами:

• наличием гражданства Российской Федерации;

• задокументированным соответствующим приказом о замещении должности;

• документом (документами) об окончании соответствующего учебного заведения и получении квалификации по необходимой для работы в системе МИД специальности;

• наличием служебного контракта, должностного регламента и других документов, определяющих права, обязанности, ответственность, иммунитеты и привилегии служащего в соответствии с требованиями по занимаемой им должности;

• наличием соответствующих должностных полномочий, позволяющих качественно исполнять должностные обязанности;

• гарантированными привилегиями, иммунитетами и материальным обеспечением из средств федерального бюджета.

Так и специальными (уникальными) чертами:

• Важнейшей особенностью статуса сотрудника дипломатической службы является то, что на период работы за пределами России для дипломатического служащего устанавливаются соответствующие привилегии и иммунитеты, дополнительные ограничения и изъятия из прав, связанные с особенностями законодательства и обычаями страны пребывания и требованиями международного права.

• Дипломатический сотрудник является политическим и духовно-нравственным носителем и защитником национальных интересов российского государства и своего народа.

Исходя из вышеуказанного, выделим особенности сотрудника дипломатической государственной службы:

1. Служащий дипломатической государственной службы – это физическое лицо, гражданин Российской Федерации не моложе 18 лет, владеющий государственным языком и имеющий профессиональное образование.

2. Сотрудник дипломатической службы не должен состоять в брачных отношениях с лицом без гражданства либо иностранным гражданином.

3. Это лицо, занимающее должность в структуре внешнеполитического ведомства, на которой предусмотрено исполнение обязанностей по представительству РФ за рубежом либо по обеспечению деятельности лиц, которые исполняют вышеуказанные обязанности.

4. Это лицо является носителем секретной информации. Данное обстоятельство подтверждает общую идею, что данное лицо должно быть гражданином РФ.

5. Служащему дипломатической государственной службы присваивается в установленном законом порядке дипломатический ранг.

6. Дипломатический сотрудник за свою деятельность получает денежное вознаграждение из федерального бюджета. Одновременно выплачиваются и должностной оклад в рублях, и должностной оклад в иностранной валюте, обычно в долларах США или евро, реже – в валюте страны пребывания.

7. Служебные отношения сотрудников дипломатической государственной службы регулируются в большей части нормами трудового права. В соответствии со ст. 23 Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» государственные гражданские служащие замещают должности на основе служебного контракта (а не трудового договора).

Однако поскольку в названном законе не имеется положений, определяющих особенности регулирования труда работников, направляемых на работу в дипломатические представительства и консульские учреждения РФ, а также в представительства федеральных органов исполнительной власти за границей, то в силу ст. 73 названного закона к регулированию отношений, возникающих при направлении служащих на работу в дипломатические представительства и консульские учреждения РФ, должны применяться нормы трудового законодательства, включая и нормы гл. 53 ТК РФ [2, с. 543].

В связи с этим следует изъять нормы, регулирующие особенности труда сотрудников дипломатической службы, указанные в разделе 53 ТК РФ, и указать их в специальном законе.

1. Журнал «Право и защита». Свободный стиль (№ 10'2008) статья «О статусе госслужащего и работника бюджетной сферы» [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo-mag.ru/journal/article206/ (дата обращения: 09.09.2010)
2. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) // И. А. Воробьев, Н. М. Исаева, А. В. Кирилин и др.; под общ. ред. В. И. Шкатуллы. 6-е изд., перераб. – М. : Норма, 2009. С. 543.
3. О Реестре должностей Федеральной государственной гражданской службы: Указ Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 (ред. от 12.04.2010) // Собрание законодательства РФ 02.01.2006. № 1. Ст. 118.
4. О порядке присвоения и сохранения дипломатических рангов и об установлении месячных окладов федеральным государственным гражданским служащим в соответствии с присвоенными им дипломатическими рангами (вместе с «Положением о порядке присвоения и сохранения дипломатических рангов дипломатическим работникам Министерства иностранных дел Российской Федерации, дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации, территориальных органов - представительств Министерства иностранных дел Российской Федерации на территории Российской Федерации»): Указ Президента РФ от 15.10.1999 № 1371 (ред. от 25.07.2006, с изм. от 21.09.2008) // Собрание законодательства РФ. 18.10.1999. № 42. Ст. 5012.
5. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 02.06.2003. № 22. Ст. 2063.
6. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215.
7. Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2010 № 205-ФЗ// Собрание законодательства РФ 02.08.2010. № 31. Ст. 4174.
8. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 28.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 02.08.2004. № 31. Ст. 3215.
9. О системе государственной службы Российской Федерации: Федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 28.12.2010) // Собрание законодательства РФ. 02.06.2003. № 22. Ст. 2063.
10. Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2010 № 205-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.08.2010. № 31. Ст. 4174.

ФИНАНСОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В СИСТЕМЕ ФАКТОРОВ СОЗДАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ (ЮРИДИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

УДК 347

Г.Г. ПИЛИКИН

Инновационная экономика направлена на формирование экономического механизма, обеспечивающего (наряду с выпуском традиционных товаров) массовое применение пионерных и новейших разработок и достижений науки, техники, технологий, стимулирующего товаропроизводителей производить новые и конкурентоспособные на внутреннем и внешнем рынках товары, функционирование которого влечет структурные преобразования в жизнедеятельности граждан и государства, связанные с финансово-экономическими, технико-технологическими и иными преимуществами. Стало быть, формирование высокотехнологичной и конкурентной экономики вызывает мультипликативный эффект на мировом, государственном, региональном, корпоративном и, что особенно важно, персонифицированном уровнях.

Представляется, что создание новой экономики должно иметь системный и последовательный характер, обусловленный рядом основополагающих факторов, к которым, в частности, относятся следующие:

• государственная воля, озвученная и оформленная в установленном порядке;

• механизм экономического и иного стимулирования разработок, внедрения и использования инноваций в производстве с последующим предложением и сбытом на внутреннем и внешних рынках новых товаров (работ, услуг), включая движение финансовых потоков;

• подготовка пакета федеральных законопроектов в системной взаимосвязи с действующим законодательством;

• структурные изменения всех ветвей власти (представительной, исполнительной, судебной) на всех уровнях;

• осуществление кадровой политики;

• пакет условий для реконструкции или формирования материально-технической базы заинтересованными лицами;

• подготовка судейского корпуса и юристов, специализирующихся на правоотношениях, связанных с осуществлением инновационной деятельности;

• введение четкого порядка отчетности и контроля по вопросам инновационной деятельности;

• установление жестких правовых мер в отношении «шарлатанов от науки», мошенников, аферистов, рейдеров и прочей публики, которая под «флагом инновации» устремится за большими и легкими деньгами.

Рассмотрим приведённый перечень факторов более предметно.

Государственная воля, выраженная как экономическая (и финансовая) политика, публично озвученная, оформленная в соответствующих документах – Послании Президента России Федеральному Собранию, Бюджетном послании Президента страны, иных концептуальных, программных документах, предусматривающая в сжатом виде систему мер, направлений и сроков, связанных с инновационными преобразованиями в стране. Государственная воля формируется по результатам технико-производственной, финансово-экономической, исторической, психологической, юридической и иной проработки проблемы. Следует учитывать, что государственной воле доступно инициирование постановки задачи и в предварительном порядке. Публично оформленная государственная воля является безусловным сигналом властным, коммерческим и иным структурам и лицам. Отметим, что в последние годы государство, осознавая свою роль в построении инновационной экономики, приступило к созданию и последующему переводу программных мер в плоскость ряда конкретных отношений [1].

Механизм экономического стимулирования инновационной деятельности, наряду с глобальными показателями (объемом и темпами роста ВВП, бюджетных доходов, состоянием платежного баланса, уровнем инфляции и др.) должен иметь конкретные и эффективные инструменты, реализуемые в правовых формах.

Известно, что в современной российской действительности традиционное рыночное саморегулирование, побуждающее товаро-

производителя к использованию инновации, не срабатывает [2. с. 7–14]. Существенными сдерживающими факторами являются, в частности, нивелирование принципа «зарабатывания денег», чрезмерная зависимость бизнеса (особенно, среднего и малого) от местных, региональных и федеральных властей, включая коррупциогенную составляющую, отсутствие конкуренции, диктат монопольных структур, слабая защищенность от рейдерства, криминалитета и др. Указанные обстоятельства, наряду с сугубо предпринимательскими, финансово-экономическими и другими рисками, уклонением от исполнения требований законодательства со стороны компетентных органов, позволяют предположить, что деятельность законопослушного российского товаропроизводителя (особенно среднего и малого) в подобных условиях равносильна совершению подвига и поэтому индифферентна к каким-либо инновациям. Трудной задачей является преодоление сложившейся негативной ситуации в реальном секторе экономики (прежде всего в промышленных отраслях), которая сама по себе может вызвать нежелательные экономико-финансовые и иные последствия, имея ввиду тотальную зависимость от иностранных производителей по широкой номенклатуре товаров, необходимых для потребительских нужд и обеспечения промышленного производства (запасными частями, комплектующими изделиями и т. д.).

Подготовка пакета федеральных законопроектов в системной взаимосвязи с действующим законодательством. Особое место в реализации государственной воли и экономического механизма инноваций принадлежит праву. Представляется, что в правовом регулировании инновационной деятельности должны участвовать все (или почти все) отрасли законодательства. Существенное значение имеет комплекс финансово-правовых мер, направленных на обеспечение инновационной деятельности. Законодательство, включая финансовое, должно содержать конструкции, предусматривающие регулирование отношений по всему циклу, связанному с инновациями: «идея – фундаментальные исследования – открытие, изобретение – НИОКР (прикладные работы), включая технологические разработки – техническая подготовка производства – изготовление (производство) – реализация (сбыт) – получение дохода – распределение иннокапитала – формы контроля и стимулирования постоянно возобновляемого движения иннокапитала (возвратного капитала)».

Презюмируется, что урегулирование отношений, связанных с инновационной деятельностью, уже осуществлено гражданским законодательством, имея ввиду часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации. Однако для достижения ожидаемого результата недостаточно сугубо гражданско-правовых инструментов. Вместе с тем другие отрасли права не регламентируют вообще либо регулируют во фрагментарно-точечном режиме инновационную деятельность. Отмеченное в значительной мере относится к финансовому праву, за изъятиями, предусматривающими создание и функционирование инновационного центра «Сколково».

Очевидно, что использование инноваций невозможно без наличия соответствующего производственного аппарата (имущественных комплексов, технологических линий, станков, оборудования, производственной, транспортной и иной инфраструктуры и т. д.). Необходимо, чтобы промышленный комплекс адекватно реагировал на инновационные предложения. Отсюда следует, что отечественные производители оборудования и иного производственного аппарата вправе рассчитывать на предусмотренную систему стимулов и преференций, включая предоставления бюджетных кредитов, государственных гарантий, возврат налога на добавленную стоимость из федерального бюджета в сжатые сроки, освобождение (полностью или частично) от налогов на прибыль и имущество на определенный срок (но не менее 4–5 лет); введение разумного порядка проведения аукционов, тендеров и др. Полагаем возможным и целесообразным освободить приобретателя (покупателя) технологического и иного оборудования зарубежного производства по перечню, устанавливаемому Правительством РФ, от уплаты ввозных таможенных пошлин и сборов, от налогов на прибыль и имущество при условии, если это лицо является участником «Генерального соглашения об инновационной деятельности», оформленного в установленном порядке.

Представляется, что финансово-правовое регулирование должно было быть осуществлено на уровне федеральных законов с участием актов Правительства РФ. Правотворчество со стороны министерств, ведомств и служб следует исключить, предоставив им возможность принятия индивидуальных правовых актов в случаях, установленных законами, регламентирующими инноваци-

онную деятельность. Совершенно очевидно, что решение указанной проблемы напрямую связано с увеличением нагрузки на законодателя. Однако эффект перевода регулирования рассматриваемых отношений на уровень федеральных финансовых законов очевиден. Их формирование должно быть осуществлено с учетом требований структуры финансового права (нормы финансового права и их элементы – субинституты – институты – подотрасли), усилением регулятивного воздействия (обязываний и дозволений), а также определенности и интеллигибельности (понятности) создаваемых и действующих норм права, находящихся в системной взаимосвязи.

Структурные изменения всех ветвей власти (представительной, исполнительной, судебной) на всех уровнях. Построение «инновационных властей» [3] допустимо в рамках действующих властных структур и штатной численности с обязательным определением порядка и форм взаимодействия между ними. Полагаем, что в их состав целесообразно включить Управление Администрации Президента РФ, Правительственную комиссию, комитеты по инновациям Государственной Думы и Совета Федерации, соответствующие подразделения Минфина, Минэкономразвития, Счетной палаты, Общественной палаты, региональных властей. Структурам инновационной власти, наряду с обеспечением соблюдения предписаний действующего законодательства и взаимодействия между собой, целесообразно вменить обязанности по содействию субъектам инновационной деятельности, по сбору, обработке, анализу и оценке сведений и информации, по проведению форумов и совещаний, подготовке заключений и т. п. Ввести для них запрет на аннулирование принятых ими решений по финансовым вопросам [4]; ввести запрет на блокирование в любых формах (действия, бездействия и др.) деятельности лиц, осуществляющих инновационную схему, оформленную в установленном порядке.

Внедрение конкретной инновации производится на основе индивидуального правового акта, форма и содержание которого предусмотрены законом в виде «Генерального соглашения», заключаемого между:

а) гражданином или юридическим лицом, обладающим исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности (правообладателем);

б) организацией (научной, внедренческой, проектной и т. п.), осуществляющей технологическую разработку использования соответствующей инновации в промышленности, включая техническое проектирование и подготовку рабочих чертежей и др.;

в) организацией промышленности, на производственных мощностях которой будет осуществлена трансформация инновации в «металле», в конкретном товаре (машине, оборудовании, станке, иных изделиях);

г) банком, выразившим согласие участвовать в проекте;

д) лизинговой компанией, если участие таковой в проекте необходимо;

е) страховой компанией, если участие таковой в проекта возможно и необходимо;

ж) рекламной компанией, если участие таковой в проекте целесообразно;

з) компанией-инвестором;

и) торговой компанией, если участие таковой в проекте целесообразно;

к) организациями, участвующими в кооперации.

Если результат интеллектуальной деятельности к моменту заключения «Генерального соглашения» не материализован в виде полезной модели, промышленного образца, изобретения, то заменить правообладателя может конкретное лицо (гражданин или научная организация). В случаях, предусмотренных законом, компанию-инвестора может заместить главный распорядитель (распорядитель бюджетных средств), если финансовое обеспечение проекта производится за счет средств федерального, регионального или местного бюджетов. Допустимо применение институтов государственно-частного партнерства, инвестиционного товарищества, хозяйственного партнерства [5] и др. Оформленное генеральное соглашение об инновационной деятельности по созданию определенного товара (изделия, технологии и др.) направляется в явочном порядке соответствующему органу «инновационной власти» (Минэкономразвитию) для регистрации и учета. С момента государственной регистрации указанное соглашение приобретает юридическую силу и его участники могут переходить к конкретным действиям (заключению договоров, определяющих права и обязанности участников конкретных этапов инновационной деятельности и последующему их реальному исполнению, включая научно-исследовательскую, проектную, конструкторскую, технологическую, производственную и иную деятельность, движение финансовых средств и др.).

Во взаимоотношениях между собой и третьими лицами, включая властные и иные компетентные органы, участники проекта обязаны указывать на договорах, отчетах, платежных и иных документах знак, включающий аббревиатуру «ИД №_____» и означающий «инновационная деятельность», номер регистрации «Генерального соглашения», присвоенный Минэкономразвития. Содержание номера государственной регистрации, состоящего из семи (или более) цифр, обозначает следующее: а) первые две цифры – «ХХ» – это код региона; б) следующие две цифры – «00ХХ» – код отрасли экономики (нефтегазовая, металлургическая, угольная промышленность, машиностроение, производство продуктов питания, легкая промышленность, производство медицинского оборудования, фармацевтическая и др.); в) оставшиеся цифры – «0000ХХХ» – номер по порядку, присвоенный в текущем году.

У субъекта, инициирующего инновационную деятельность по созданию определенного товара (технологии, работ) и оформление генерального соглашения, возникают обязанности по ведению дел, связанных с инновационной деятельностью (далее – ИД), в частности: хранение оригиналов документов по ИД в пределах установленного срока; ведение деловой переписки; ведение учета и отчетности (бухгалтерского, налогового, статистического); осуществление иных обязанностей. Одновременно обязанностям, связанным с ИД, должны корреспондировать соответствующие права, включая: получение налоговых каникул и других преференций; получение, при необходимости, земельного участка, если ИД направлено на создание производственных мощностей, на условиях аренды с фиксированной платой на срок, продолжительность которого не может быть менее срока, предусмотренного генеральным соглашением; на инфраструктурное и инженерное обеспечение производства (электроэнергия, газ, иные коммуникации); получение государственной гарантии и (или) бюджетного кредита; иные правомочия. Соответствующими правомочиями обладают и другие участники «Генерального соглашения».

Осуществление кадровой политики предполагает прежде всего подготовку специалистов, начиная с рабочих профессий (в советский период этим занималась система профессионально-технического образования), средне-технического и инженерно-технического персонала и др. Для обеспечения деятельности учебных заведений, включая переподготовку специалистов, наряду с бюджетными ассигнованиями вполне уместно использование средств бизнес-сообщества, если к этому будут способствовать адекватные налоговые и иные финансовые инструменты. По сути, в сжатые сроки возможно создание государственно-частного партнерства в сфере подготовки и переподготовки кадров для промышленности и иных отраслей экономики.

Пакет условий для реконструкции или формирования материально-технической базы заинтересованными лицами. Осуществление инновационной деятельности влечет замену физически и морально устаревшего производственного аппарата и приобретение оборудования, иных основных фондов у зарубежных изготовителей. Поэтому наряду с налоговым стимулированием целесообразно отменить либо минимизировать ввозные таможенные пошлины и сборы, радикально изменить действующую амортизационную политику, которая несущественно отличается от применяемой в советский период, когда находящийся на балансе промышленного предприятия, например, портрет В.И. Ленина «амортизировался» в течение 100 лет. Приобретение и поставка современного оборудования, выпускаемого известными иностранными компаниями, на территорию страны не является самоцелью. Однако его функционирование напрямую связано с наличием квалифицированного персонала, с электро-, тепло-, газо-, водо-, снабжением, транспортной и другой производственной инфраструктурой. Представляется, что в единственном числе любой организации преодоление изложенных проблем является делом весьма затруднительным. Важным условием инновационной экономики является внедрение рычагов и стимулов, ориентирующих российских товаропроизводителей на привлечение партнеров и инвесторов, на приобретение и создание новейших технологий, применение которых будет «заполнять» внутренний рынок товарами с последующим или одновременным их выходом на внешние рынки.

Подготовка судейского корпуса и юристов, специализирующихся на правоотношениях, связанных с осуществлением инновационной деятельности. Действующая судебная система нуждается в подготовке к новациям, проводимым в экономике страны. Целесообразно создание в арбитражных судах судебных составов, специализирующихся на разрешении споров, вытекающих из инновационной деятельности, правовое обеспечение которой будет осуществляться предписаниями публич-

ного и частного права (гражданского, административного, финансового и других отраслей) [6]. Предстоит работа в юридических вузах по специальной подготовке студентов и переподготовке практикующих юристов.

Введение системы отчетности и контроля по инновационной деятельности является важным элементом, обеспечивающим ее нормальное функционирование. Отсутствие отчетности и контроля само по себе ведет к злоупотреблениям, разбазариванию и хищениям государственных и частных финансов. Следует ожидать появления мошенников и аферистов в новой сфере деятельности. С тем, чтобы парализовать или значительно минимизировать их воздействие в рамках ИД, необходима подготовка соответствующих подразделений силовых структур, информирование общественности, бизнес-сообщества о возможных формах и способах, применяемых мошенниками, а также об использовании мер превентивного характера в отношениях с лицами, обещающими быстрое создание «чудо-техники», мгновенно приносящей сверхприбыли, но для изготовления (внедрения и т. п.) которого нужны «незначительные затраты» в порядке предварительной оплаты на банковские счета фирмы, которая впоследствии оказывается «однодневкой».

Практическим шагом в правовом регулировании отношений, связанных с инновациями, является принятие законодателем федеральных законов «Об инновационном центре „Сколково"» от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ (далее — закон № 244-ФЗ) и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об инновационном центре „Сколково"» от 28 сентября 2010 г. № 243-ФЗ (далее — закон № 243-ФЗ) [7]. Согласно закону № 244-ФЗ создание и функционирование инновационного центра «Сколково» предусматривает осуществление исследований и разработок с последующей коммерциализацией их результатов по 5 направлениям:

1) энергоэффективность и энергосбережение, в том числе разработка инновационных энергетических технологий;

2) ядерные технологии;

3) космические технологии, прежде всего в области телекоммуникаций и навигационных систем (в том числе создание соответствующей наземной инфраструктуры);

4) медицинские технологии в области разработки оборудования, лекарственных средств;

5) стратегические компьютерные технологии и программное обеспечение.

Из содержания закона № 244-ФЗ следует, что деятельность инновационного центра «Сколково» (далее — Центр), является исключением, поскольку на определенной территории и в отношении определенных субъектов права создан уникальный «режим наибольшего благоприятствования». Вовне от имени Центра выступает управляющая компания и ее дочерние общества, обладающие статусом юридической личности. Управляющей компании передаются земельные участки, бюджетные ассигнования, ряд полномочий органов исполнительной власти субъекта РФ и органа местного самоуправления. Управляющая компания на территории Центра самостоятельно осуществляет планирование территории и утверждает соответствующие документы, выдает разрешения на строительство, реконструкцию объектов, организует строительство и эксплуатацию автомобильных дорог, объектов инфраструктуры, жилых помещений, предоставляет разрешения на осуществление образовательной, медицинской деятельности и утверждает правила их осуществления, возмещает участникам Центра (юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям) затраты по уплате таможенных платежей и налога на добавленную стоимость в отношении товаров, вводимых на территории Центра, в установленном порядке и за счет средств федерального бюджета.

Управляющая компания осуществляет функции по техническому регулированию, обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения, градостроительной деятельности, привлечению к трудовой деятельности иностранных граждан и др. В силу закона № 243-ФЗ участник Центра освобождается от обязанности ведения бухгалтерского учета, если годовой объем выручки не превышает одного миллиарда рублей, освобождается от уплаты налога на добавленную стоимость (далее — НДС) в течение 10 лет, если совокупный годовой доход не превысит 1,0 млрд рублей; освобождается от налога на прибыль на указанных условиях, освобождается от уплаты государственной пошлины за выдачу разрешения на работу иностранному гражданину и выдачу приглашения на въезд в Россию иностранному гражданину; освобождается от налога на имущество, а также предусмотрены иные преференции. Участникам Центра установлены пониженные тарифы страховых взносов в Пенсионный фонд РФ — 14%, они освобождены от уплаты взносов в два других фонда.

Изложенное показывает, что Центру и его участникам законодатель предоставил очевидные существенные преимущества, государственную поддержку (финансирование за счет средств федерального бюджета, государственные гарантии и др.) и минимизировал, а в ряде случаев вообще устранил действующие административные процедуры. Можно предположить, что спустя определенный временной период, станет очевидным внедрение на практике результатов разработок по предусмотренным направлениям. Однако само по себе создание рассмотренного «оазиса» не решает и не решит задачи перевода всей экономики на инновационный путь. Поэтому актуальной остается проблема формирования комплексного финансово-правового механизма, стимулирующего российских товаропроизводителей к осуществлению инновационной деятельности, согласованного с другими отраслевыми механизмами. Представляется, что создание указанного механизма не может быть результатом только «кабинетных раздумий». Формированию финансово-правовых предписаний должно предшествовать понимание проблемы со стороны заинтересованных «производственников» (промышленников), рассмотрение и учет предложений экономической и юридической науки, финансовых властей, иных лиц.

Финансово-правовое урегулирование отношений по инновационной деятельности должно было быть осуществлено в значительной мере федеральными законами и, при необходимости, постановлениями Правительства РФ, без делегации полномочий по правотворчеству иным федеральным органам исполнительной власти. Целесообразно, чтобы система налоговых стимулов, льгот, преференций и каникул была сопряжена с адекватной амортизационной политикой, реальной возможностью получения государственной поддержки (бюджетного кредита, субсидии, государственной гарантии и др.), долгосрочных банковских кредитов по разумным ставкам, минимизированием административных процедур при получении разрешительных либо иных юридических актов, поддержкой властей всех уровней, обеспечением порядка и должного контроля за движением финансовых средств, особенно в части, связанной с прохождением возвратного иннокапитала, установлением персональной ответственности должностных лиц участников упомянутого «Генерального соглашения» за ненадлежащее исполнение установленного порядка осуществления инновационной деятельности, создание в сфере материального производства конкурентной среды, установление эффективных мер по противодействию коррупции, рейдерству, промышленному шпионажу и прочее. Все перечисленные выше факторы являются основополагающими и в случае их реализации обеспечат юридико-технологический аспект формирования инновационной экономики.

---

1. Распоряжением Правительства РФ от 11 ноября 2010 г. № 1950-р утвержден Перечень государственных программ Российской Федерации, в который включена 41 программа. Раздел II «Инновационное развитие и модернизация экономики» состоит из 16 программ, в том числе: 1) развитие науки и техники; 2) экономическое развитие и инновационная экономика; 3) развитие промышленности и повышение ее конкурентноспособности; 4) развитие транспортной системы и др. // СЗ РФ. 2010. № 47. Ст. 6166.
2. См.: Гордеева О. В. Инструменты налогового регулирования инновационной деятельности // Налоги (газета). 2009. № 48. С. 7-14.
3. На заседании Государственного совета решением Президента РФ в федеральных округах (соответственно, в субъектах РФ) введен институт «уполномоченных по инновациям». (Март 2011 г. г. Магнитогорск).
4. За изъятием очевидных ситуаций, влекущих расхищение или разбазаривание финансовых средств, решение по которым должно выноситься арбитражным судом с привлечением органов прокуратуры.
5. См.: Федеральный закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» // Рос. газ. 2011. 7 декабря; Федеральный закон от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах» // Рос. газ. 2011. 9 декабря.
6. Законодатель создал Суд по интеллектуальным правам в системе арбитражных судов – См.: Федеральный конституционный закон от 6 декабря 2011 г. № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Рос. газета. 2011. 9 декабря.
7. См.: Рос. газ. 30 сентября 2010. В приведенные законы внесены изменения. См.: Федеральный закон от 28 ноября 2011 № 339-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Рос. газета. 2011. 7 декабря.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343

Д. А. ГАРБАТОВИЧ

Эффективность уголовно-правовых мер в противодействии преступности в сфере экономической деятельности определяет, насколько существование и сама реализация уголовно-правовых норм способна обеспечить задачи, стоящие перед Уголовным кодексом Российской Федерации.

Способны ли уголовно-правовые нормы охранять указанные общественные отношения, а также предупреждать совершение соответствующих преступных посягательств.

С 2006 г. общее количество выявленных преступлений экономической направленности стабильно уменьшается. Так, если в 2006 г. было выявлено 489,2 тыс. преступлений, то в 2011 г. было уже выявлено 202,5 тыс. соответствующих преступлений (см. Таблица 1.).

Количество выявленных правоохранительными органами преступлений экономической направленности

Таблица № 1

Год	Количество преступлений	Материальный ущерб от указанных преступлений по окоченным уголовным делам
2003	376,8 тыс.[1]	75,2 млрд. руб.
2004	402,4 тыс.[2]	275,4 млрд. руб.
2005	437,7 тыс.[3]	1399,6 млрд. руб.
2006	489,6 тыс.[4]	127,6 млрд. руб.
2007	459,2 тыс.[5]	223,8 млрд. руб.
2008	448,8 тыс.[6]	142,5 млрд. руб.
2009	428,8 тыс.[7]	1075,7 млрд. руб.
2010	276 тыс.	176 млрд. руб.
2011	202,5 тыс.	160,71 млрд. руб.

Несмотря на положительную динамику уменьшения количественного показателя объема экономической преступности, материальный ущерб от указанных преступлений по оконченным уголовным делам по сравнению с 2008 г. в 2009 г. вырос на 450 процентов. Так, если в 2008 г. материальный ущерб от указанных преступлений составил 142,5 млрд. рублей, то в 2009 г. – уже 1075,7 млрд. рублей. Начиная с 2010 года материальный ущерб от указанных преступлений стал резко уменьшаться, в 2010 году материальный ущерб составил 176 млрд рублей, в 2011–160,7 млрд. рублей.

В 2009 году по сравнению с 2008 годом наблюдается именно рост количества выявленных преступлений в сфере экономической деятельности. Если в 2008 г. было выявлено 80743 преступлений, то в 2009 г. – уже 82911 преступлений в сфере экономической деятельности. С 2010 года количество выявленных преступлений в сфере экономической деятельности стало значительно уменьшаться; в 2010 году было выявлено 57162 преступления, в 2011 году уже 40496 преступлений (см. таблицу 2).

1 http://www.mvd.ru/files/2177.pdf
2 http://www.mvd.ru/files/3157.pdf
3 http://www.mvd.ru/files/4001.pdf
4 http://www.mvd.ru/files/sCx6RIO4KE2PAqZ.pdf
5 http://www.mvd.ru/files/u281KzbmtHplrXo.pdf
6 http://www.mvd.ru/files/PUeh34ZSL9gjacp.pdf
7 http://www.mvd.ru/files/AauTOcPxyhbg2fK.pdf

Преступления в сфере экономической деятельности

Таблица № 2

Год	Количество выявленных преступлений	Количество преступлений, совершенных в крупном или особо крупном размере, либо причинивших крупный ущерб
2008	80 743	
2009	82 911	24 111
2010	57 162	11 487
2011	40 496	6 359

В 2008 году материальный ущерб от налоговых преступлений, выявленных ОВД по расследованию налоговых преступлений, составил 71,57 млрд рублей[8], в то время как с 2006 года по в 2008 год в среднем от этих преступлений возмещенный ущерб составляет примерно 50,45 млрд рублей в год. С 2009 года материальный ущерб от налоговых преступлений, выявленный ОВД, также стал уменьшаться, в 2009 году данный ущерб составил 49,3 млрд рублей, в 2011 году 37,59 млрд рублей (см. таблицу 3).

Количество экономических преступлений, выявленных ОВД по расследованию налоговых преступлений

Таблица № 3

Год	Кол-во преступлений	Материальный ущерб	Возмещенный ущерб
2004	17,6 тыс.[9]	79,8 млрд. руб.	10,6 млрд. руб.
2005	22,8 тыс.[10]	711,5 млрд. руб.	515,4 млрд. руб.
2006	25,6 тыс.[11]	56,9 млрд. руб.	47,3 млрд. руб.
2007	26,8 тыс.[12]	96,9 млрд. руб.	54,5 млрд. руб.
2008	27,7 тыс.[13]	71,57 млрд. руб.	49,55 млрд. руб.
2009	22,1 тыс.	49,3 млрд. руб.	
2010	14,3 тыс.	44,3 млрд. руб.	
2011	8,8 тыс.	37,59 млрд. руб.	

Итак, с 2009 года наблюдается существенное уменьшение количества выявленных преступлений экономической направленности, количества преступлений в сфере экономической деятельности, а также уменьшение материального ущерба от налоговых преступлений, выявленных органами внутренних дел.

Можно ли объяснить положительную тенденцию количественных показателей преступлений в сфере экономической деятельности именно эффективностью соответствующей уголовно-правовой политики?

В связи с этим сомнительными с точки зрения их реальной эффективности представляются последние изменения Уголовного кодекса Российской Федерации относительно таких составов преступлений, как уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица и организации (ст. 198, 199 УК РФ).

Речь идет о декриминализации данных преступных деяний относительно их размеров.

В предыдущей редакции ст. 198 УК РФ уклонением от уплаты налогов и (или) сборов

8 http://www.mvd.ru/stats/10000148/10000230/6166/
9 http://www.mvd.ru/files/3157.pdf
10 http://www.mvd.ru/files/4001.pdf
11 http://www.mvd.ru/files/sCx6RIO4KE2PAqZ.pdf
12 http://www.mvd.ru/files/u281KzbmtHplrXo.pdf
13 http://www.mvd.ru/files/PUeh34ZSL9gjacp.pdf

с физического лица в крупном размере признавалась сумма налогов и (или) сборов, составляющая в пределах трех финансовых лет подряд более ста тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая триста тысяч рублей, а особо крупным размером – сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более пятисот тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов либо превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей.

В новой редакции УК РФ уклонением от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица в крупном размере признается сумма налогов или сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более шестисот тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов либо превышающая один миллион восемьсот тысяч рублей, в особо крупном размере признается сумма налогов или сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более трех миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов либо превышающая девять миллионов рублей (ст. 198 УК РФ).

В предыдущей редакции ст. 199 УК РФ уклонением от уплаты налогов и (или) сборов с организации в крупном размере признавалась сумма налогов и (или) составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более пятисот тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным размером – сумма, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более двух миллионов пятисот тысяч рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая семь миллионов рублей.

В действующей редакции статьи 199 УК РФ уклонением от уплаты налогов и (или) сборов с организации в крупном размере признается сумма налогов или сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более двух миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 10 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая шесть миллионов рублей, в особо крупном размере – сумма налогов или сборов, составляющая за период в пределах трех финансовых лет подряд более десяти миллионов рублей, при условии, что доля неуплаченных налогов и (или) сборов превышает 20 процентов подлежащих уплате сумм налогов и (или) сборов, либо превышающая тридцать миллионов рублей.

Не думаю, что подобные изменения в УК РФ связаны именно с утратой общественной опасности таких преступлений, как уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, организации в крупных и особо крупных размеров предыдущей редакции УК РФ.

Считается, что такой состав преступления, как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), является общим составом преступления по отношению к таким преступным деяниям, как уклонение от уплаты налогов и таможенных платежей (ст. 194, 198, 199 УК РФ) [2, с. 224].

Общим у таких составов преступлений, как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) и уклонение от уплаты таможенных платежей, налогов или сборов (ст. 194, 198, 199 УК РФ) является способ обогащения, когда виновный неправомерно удержает у себя определенное имущество, которое должно было поступить в собственность или владение потерпевшего и тем самым пополнить его имущественный фонд [1, с. 726].

При совершении данных преступлений имущественную выгоду преступник извлекает путем не передачи должного, а завладением чужим имуществом. Например, в результате обмана или злоупотребления доверием виновный уклоняется от уплаты различных платежей, предусмотренных соответствующим законодательством [3, с. 462].

«Налогоплательщик не вправе распоряжаться по своему усмотрению той частью своего имущества, которая в виде определенной денежной суммы подлежит взносу в казну, и обязан регулярно перечислять эту

сумму в пользу государства, так как иначе были бы нарушены права и охраняемые законом интересы других лиц, а также государства» [4, с. 55].

При причинении имущественного ущерба, при уклонении от уплаты таможенных платежей и налогов физическое лицо, юридического лицо, государство не получает того, что по закону потерпевший получил бы при надлежащем исполнении своих обязанностей соответствующими должниками. В данном случае этот имущественный ущерб называется упущенной выгодой.

Странным представляется тот факт, что причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотреблением доверия признается преступлением при причиненении ущерба в размере более 250 тыс. рублей (ч. 1 ст. 165 УК РФ). То причинение имущественного ущерба в виде упущенной выгоды посредством уклонения от налогов и (или) сборов признается преступлением при причинении физическим лицом имущественного ущерба свыше шестисот тысяч рублей, а юридическим лицом – свыше двух миллионов рублей.

Рассматриваемые изменения в первую очередь защищают интересы крупных промышленников, предпринимателей, собственников различных бизнес-структур, то есть интересы тех лиц, кто потенциально способен стать субъектом рассматриваемых составов преступлений, так как теперь современные формулировки крупных и особо крупных размеров неуплаченных налогов и (или) сборов максимально снижают вероятность привлечения их к соответствующей уголовной ответственности.

Если же имущественный вред посредством обмана или злоупотребления доверием причиняется их бизнесу, то уже реально к уголовной ответственности в соответствии со ст. 165 УК РФ привлекаются практически обыденные мошенники.

Более того, полагаю, что именно новые формулировки примечаний к ст. 198, 199 УК РФ не ориентированы на реальное снижение таких действий, как уклонение от уплаты налогов и (или) сборов. Просто исходя из новых формулировок уголовного закона, немалая часть анализируемых деяний не подвергается статистическому учету в качестве преступных посягательств в связи с недостижением необходимого крупного размера. Соответственно в статистическом учете с 2010 года формально представленный размер материального ущерба от преступлений в сфере экономической деятельности является сниженным, что вряд ли соответствует фактическому состоянию преступности в сфере экономической деятельности.

1. Бойцов А. И. Преступления против собственности. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2002.
2. Волженкин Б. В. Экономические преступления. – СПб. : Юридический центр Пресс, 1999.
3. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 3. Учебник для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. – М. : ИКД Зерцало-М, 2002.
4. Курс уголовного права. Особенная часть. Том 4. Учебник для вузов / под ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комисарова. – М. : ИКД Зерцало-М, 2002.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 343.140.02

А. М. БАРАНОВ, Я. М. МАЗУНИН

Эффективность борьбы с преступностью зависит от многих факторов. Одним из основополагающих является достижение высокого уровня теоретической разработки положений законов.

К сожалению, многие из законодательных актов, принятых в последние годы, страдают как внутренними, так и внешними противоречиями.

Как и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ), так и Федеральный закон «О полиции» (далее ФЗ «О полиции») являются законодательными актами, представляющими как итог не вполне удачного компромисса, так и несовершенными с точки зрения законодательной техники. Это подтверждается наличием как внутренних, так и внешних противоречий и положений, вызвавших многочисленные дискуссии.

Рассмотрим это на примере законодательных решений по урегулированию УПК РФ и ФЗ «О полиции» вопросов использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Анализ различных точек зрения ученых и практических работников показывает, что до настоящего времени не выработан единый подход к пониманию места некоторых форм использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений.

В УПК РФ содержится несколько положений, относящихся к использованию специальных знаний. Однако сформулировать критерии их отграничения одних форм использования специальных знаний от других, исходя только из текста закона, затруднительно. Достаточно подробно и детально регламентировано применение только одной формы использования специальных знаний – назначение и производство судебных экспертиз. Пленум Верховного суда РФ в своем Постановлении от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» также не внес ясности по этому вопросу.

К сожалению, внесенные изменения в УПК РФ после его принятия, на наш взгляд, только усугубляют положение.

Так, Федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ внес очередные изменения в УПК РФ, позволяющие при проверке сообщения о преступлении дознавателю, органу дознания, следователю, руководителю следственного органа требовать производства исследования документов, предметов, трупов и привлекать к участию в них специалистов. Однако и данная новелла законодателя поставила перед учеными и практическими работниками очередной ряд вопросов, не разрешенных уголовно-процессуальным законодательством. Разумеется, положительным в данном случае является официальное закрепление такого проверочного мероприятия как исследование, которое до этого регламентировалось лишь ведомственными нормативными актами [1]. В то же время непонятно, почему законодатель предусмотрел возможность исследования до возбуждения уголовного дела лишь предметов, документов и трупов, оставив неразрешенным вопрос о судебно-медицинском освидетельствовании граждан для определения характера и тяжести телесных повреждений, по поводу половых преступлений и разрешения других вопросов, требующих знаний в области судебной медицины и поставленных органом дознания, следователем, прокурором, судом. Остается неясным, в какой процессуальной форме должны проводиться исследования документов, предметов, трупов до возбуждения уголовного дела, какой процессуальный документ должен отражать результаты таких исследований? В то же время нельзя не согласиться с Н. А. Классен, А. Н. Классен и А. В. Кудрявцевой в том, что «первый шаг в возможности проведения исследований на основе специальных познаний до возбуждения уголовного дела сделан» [2, с. 36].

Практическая значимость данного нововведения обусловлена также тем, что одним

из важнейших условий соблюдения законности в уголовном процессе является своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела. Мы поддерживаем мнение Л. А. Савиной в том, что «на пути от выявления преступления до привлечения к ответственности и наказания виновного лица правоохранительные органы осуществляют огромный объем работы, положительный результат которых чаще всего определяется на первоначальном этапе уголовного процесса. Это, в свою очередь, во многом зависит от эффективности проверки, предшествующей вынесению постановления о возбуждении уголовного дела либо отказе в таковом» [3, с. 6].

Недостаточная теоретическая разработка вопроса о проведении проверки в ряде случае затрудняет решение некоторых проблем, связанных с возбуждением уголовного дела. Прежде всего это относится к необходимому объему проверки, а также средствам и формам осуществления проверочных действий.

При этом достаточно остро стояла проблема, заключающаяся в том, какие действия относить к средствам проверки, и, в частности, отнесении к ним предварительных специальных исследований [4].

Невозможность назначения экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела, по нашему мнению, явилось обстоятельством, способствующим возникновению и широкому распространению такой формы использования специальных знаний, как исследование предметов, документов и трупов (далее исследование), одним из основных назначений которого является попытка подменить экспертизу и каким-то образом обосновать решение о возбуждении уголовного дела.

Необходимо учитывать то, что «любое участие специалиста в стадии возбуждения уголовного дела правомерно, так как и при решении вопроса о начале производства по делу могут потребоваться специальные знания. Суждения же, основанные на них, помогут прийти к правильному решению о возбуждении уголовного дела» [5, с. 26.]. Пределы использования исследований на этой стадии расследования должны зависеть от направления их использования: как оперативно-разыскного мероприятия или как проверочного мероприятия. Кроме того, различия в суждении обусловлены тем, что на этап предварительной проверки как в уголовном процессе, так и в криминалистике зачастую некоторыми авторами возлагаются задачи расследования. Вместе с тем основное отличие предварительной проверки от расследования, по нашему мнению, заключается прежде всего в том, что во время предварительной проверки одной из основных задач выступает получение достаточных данных, указывающих на признаки преступления, а во время расследования – установление и доказывание состава преступления.

Не меньшее значение производство предварительных специальных исследований имеет для получения информации о выдвижении версий и определения направлений расследования. Данная задача может решаться как на стадии возбуждения уголовного дела (как правило, это определение оснований для возбуждения уголовного дела), так и во время расследования на различных его этапах (например, получение предварительных сведений о личности преступника, механизме образования следов и т. п.), как следователем, так и оперативным работником.

Подавляющее большинство предварительных исследований проводится в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России, которые с принятием ФЗ « О полиции» стали одним из структурных подразделений полиции. При этом в соответствии с Наставлением по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России исследования предметов (веществ) и документов (п. 37.1 Наставления) являются одним из основных видов участия сотрудников ЭКП как в оперативно-разыскной деятельности ОВД, так и при проверке сообщений о преступлениях (п. 55 Наставления). Сотрудники ЭКП применяют экспертно-криминалистические средства и методы при проверке сообщений о преступлениях на основании письменных поручений органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа.

Однако в п. 18 ч. 1 ст. 12 «Обязанности полиции» ФЗ «О полиции» [6] указано, что на полицию среди прочих обязанностей возложена обязанность «проводить в соответствии с законодательством Российской Федерации экспертизы по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, а также исследования по материалам оперативно-разыскной деятельности». В п. 17 ч. 1 ст. 13 «Права полиции» предусмотрено что для выполнения возложенных на нее обязанностей предоставляется ряд прав, среди которых и право «проводить исследования предметов и документов при наличии признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния; проводить экспертизу (исследование) изъятых

у граждан и должностных лиц документов, имеющих признаки подделки, а также вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, находящихся у них без специального разрешения, и по результатам такой экспертизы (исследования) возвращать эти документы и вещи владельцам либо приобщать их в качестве доказательств по делу, либо уничтожать в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, либо передавать по назначению в установленном порядке...».

Таким образом, ФЗ «О полиции» вступает в противоречие с УПК РФ, значительно сузив круг оснований для назначения проведения исследований только до результатов оперативно-разыскной деятельности. Однако сведения о подготавливаемом, совершенном или совершаемом преступлении могут поступить из других источников, и предварительная проверка может производиться не только сотрудниками оперативно-разыскных подразделений. Проведенное исследование свидетельствует о том, что в ЭКЦ ГУМВД Новосибирской, Кемеровской и УМВД Омской областей предварительные специальные исследования проводились по инициативе сотрудников УР (54,5%), ОБЭП (5,0%), ГИБДД (14,0%), дознавателей (3,0%), следователей (8,5%), прокуратуры (4,7) и др. Таким образом, по результатам оперативно-разыскной деятельности предварительные специальные исследования назначались менее чем в 60% случаев. Напрашивается вопрос: в какой орган, помимо экспертно-криминалистических подразделений, являющихся структурным подразделением полиции, должен обращаться дознаватель, следователь, руководитель следственного органа (ч. 1 ст. 144 УПК РФ) в случае необходимости проведения предварительного специального исследования предметов и документов? Из анализа данной статьи также непонятно, кто может назначить проведение исследований, помимо оперативных сотрудников. Не отвечает на этот вопрос и статья, регламентирующая права полиции. Напротив, анализ содержания данной статьи вновь вызывает новые вопросы. Предусмотрев возможность проведения исследований лишь документов, имеющих признаки подделки, а также вещей, изъятых из гражданского оборота или ограниченно оборотоспособных, разработчики рассматриваемого закона, на наш взгляд, необоснованно сузили круг объектов, в отношении которых может быть проведено исследование. При этом в ЭКЦ проводятся дактилоскопические, трасологические, почерковедческие, баллистические и другие исследования (холодного оружия, материалов, веществ и изделий). Требует разъяснения и положение о проведении исследования предметов и документов при наличии признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния. Или же в данном случае речь идет об исследовании в рамках проводимой экспертизы или в рамках проверочного мероприятия. Однако проверка сообщения о преступления проводится прежде всего с целью установления признаков состава преступления.

Таким образом, необходимо дополнительное внесение изменений в рассматриваемые статьи УПК и ФЗ «О полиции» в целях устранения как внутренних, так и внешних противоречий.

---

1. См. напр.: Приказ МВД РФ от 11 января 2009 г. «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России»; Приказ Минздрава СССР от 21 июля 1978 г. № 694 «Об утверждении Инструкции о производстве судебно-медицинской экспертизы, положения о бюро судебно-медицинской экспертизы и других нормативных актов по судебно-медицинской экспертизе».
2. Классен Н.А., Классен А.Н., Кудрявцева А.В. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам. М., 2011. С. 36.
3. Савина Л.А. Организация и тактика предварительной проверки сообщений об экономических преступлениях. М., 2006. С. 6.
4. В литературе встречаются и другие названия данного проверочного мероприятия: «доэкспертное», «предварительное исследование», «предварительное криминалистическое исследование», «непроцессуальное исследование» и т.д.
5. Аубакиров А.Ф., Гинзбург А.Я., Лившиц Ю.Д. Значение экспертизы в расследовании преступлений. Караганда, 1991. С. 26.
6. Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции». – М., Проспект, 2011.

 ПУБЛИКАЦИЯ ОТОЗВАНА / RETRACTED 25.05.2023

КРИЗИС УПРАВЛЕНИЯ КРИЗИСОМ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

УДК 316.34

В. А. ЛОСКУТОВ

Во множестве известных нам, зачастую абсолютно противоположных точек зрения на природу и закономерности развития мирового экономического кризиса, угадываются контуры двух основных подходов к определению его сути. Сторонники первого подхода считают, что в данном случае мы имеем дело с упадком капитализма, его закатом и «кризисной» агонией. Сторонники второго подхода, а их все-таки подавляющее большинство, утверждают, что в настоящее время мы имеем дело с эволюционным переходом капитализма в иное общественное состояние, с переходом в иное качество развития капитализма – неклассический капитализм, или посткапитализм. Есть и третий подход, но он не столь распространен, и сторонники его немногочисленны. Я отношусь к наиболее радикальным сторонникам этого подхода. Его суть в том, что он акцентирует внимание не на радикализме или умеренности качественного обновления капитализма, а на процессах существенного изменения системы развития всемирной истории как таковой. По форме осуществления этот процесс представляет собой естественное завершение капитализма и социализма, становление на этой основе посткапитализма и постсоциализма. По содержанию же он представляет собой нечто совершенно иное – кардинально меняется суть исторического процесса и качество его развития. Меняется не просто капитализм или социализм, а вся логика развития предшествующей истории, начиная, если угодно, от Адама и Евы. Идут тектонические изменения основ исторического развития! Между конкретной формой и универсальным содержанием очередного скачка истории возникает очевидное противоречие. Происходящий в настоящее время мировой экономический кризис – одно из свидетельств этого несоответствия. Его истоки и причины нужно искать в этой точке исторического пространства и времени. Разрешить данный кризис и возможные следующие за ним иные кризисы исторического развития можно только одним способом – следует «перезагрузить» исторический процесс, поменять исходную матрицу его развития.

Важнейшими параметрами данной матрицы, определяющими сущность, обоснованность и направленность развития исторического мира являются субъект, свобода, субстанция. Каждый из этих параметров матрицы в экономической жизни общества проявляется в качестве относительно самостоятельного вектора развития целостной экономической системы. Сегодня все три вектора, как стрелка барометра, указывают на кризис.

Сущность современного экономического кризиса

Первый вектор указывает на кризис субъекта экономического развития. Суть этого кризиса в следующем – капитал как единый и неделимый субъект развития капиталистической экономики под влиянием различных факторов буквально разламывается на две части: реальный и фиктивный капитал. Следствием этого является активное противоборство, вплоть до взаимоисключения, товарного и финансового рынков. Кризис современного капиталистического, впрочем, как и посткапиталистического рынка, – это кризис принятых в настоящее время форм их *капитализации*. Тех «антагонистических» форм, которые в конечном итоге и делают капитал субъектом развития современной экономики. Выход из кризиса капитализации связан с появлением новых форм обобществления и разделения общественного труда и общественного богатства. Может быть, это будет «социал», о котором в свое время писали марксисты-ортодоксы, может быть, «интеллектуальный капитал» («знание»), а может быть, и «человеческий капитал». Впрочем, вполне возможно восстановление целостности капитала и на какой-то иной основе.

Второй вектор указывает на кризис свободы экономической деятельности. Современный экономический кризис – это своеобразное восстание финансовых «роботов» против человека, восстание «освобожденных» финансовых инструментов (деривативы), с помощью которых регулировались и саморегулировались финансовые рынки, против экономической «несвободы» современного общества.

Уровень, степень свободы обращения, которую эти инструменты получили в результате становления новых, постиндустриальных форм капитализации экономики, пришли в противоречие с основополагающими законами развития капиталистического рынка. В результате фетишизации финансовой свободы возникла особая виртуальная экономика, которая существует исключительно за счет *виртуализации* реальной экономики – постоянного раздувания и схлопывания различного рода «финансовых пузырей». Победить в войне с финансовыми роботами можно только путем качественного обновления степеней свободы их деятельности. Посредством создания таких институтов регулирования и саморегулирования экономической свободы, которые бы служили надежным щитом против виртуальных атак различного рода «освобожденных» форм экономической деятельности.

Третий вектор характеризует кризис предельных основ и развивающейся сущности современной экономики. Такой сущности, которая осуществляется в виде предельного основания развития экономической системы. Что является такими основаниями в современной посткапиталистической экономике? Институты. Какие институты? Важнейшими институтами экономики, как это ни покажется кому-то странным, в условиях посткапитализма являются: собственно экономика, государство и гражданское общество. Они, безусловно, продолжают существовать и сами по себе, независимо от экономики, как бы рядом с ней. Но одновременно с этим при определенных условиях эти «квазиинституты» могут выполнять роль важнейших субъектов ее институциализации. Кризис «квазиинститутов» экономического развития – это кризис неэффективных, плохо связанных между собой институциональных форм организации экономической жизни. В результате того, что в настоящее время все эти институциональные миры под воздействием кризиса буквально «разбегаются» в разные стороны, каждый из них стремится решать свои проблемы самостоятельно, иногда в ущерб другим, институциональная экономика разваливается на части. То, что скрепляло их до сих пор, уже не в состоянии выполнить эту роль. Так, например, кризис доверия, который существенно углубил и расширил дисбаланс между основными институтами, привел к тому, что каждый из этих институтов вынужден защищаться от дружественных «наскоков» соседей с помощью различного рода экономических и финансовых «пузырей». В результате чего *институциализация* экономики из важнейшего способа ее развития превратилось в постоянно действующий источник кризиса. Преодолеть этот кризис, восстановить доверие между такими институциональными субъектами экономической деятельности, как «бизнес», «государство», «гражданское общество», – это значит найти механизмы объединения различных институциональных миров, остановить процесс их «разбегания» и восстановить экономическое «притяжение» между ними.

Разрешить кризис *капитализации, виртуализации, институциализации* можно и нужно путем обновления существующей матрицы развития экономики, посредством перезагрузки мировой экономики.

Обновленная матрица в сущности своей по-прежнему будет представлять собой особое отношение регулирования и саморегулирования экономики. Что в ней должно измениться? Следует подчеркнуть, что само это изменение – достаточно длительный процесс, в котором можно выделить целый ряд этапов. В первую очередь должен измениться предмет регулирования и саморегулирования. Им будет не просто экономика, или рынок, но *система развития экономики*. Предметом регулирования и саморегулирования станут такие важнейшие качества этой системы как *риск и кризис*. Если мы научимся управлять рисками и кризисами, мы сможем модернизировать экономику, эффективно выйти из кризиса ее капитализации, виртуализации и институциализации.

Глобализация и экономический кризис в России

Глобализация способствовала тому, что мировой экономический кризис стал важнейшим фактором развития современной истории, проникнув в самые глубины ее самодостаточного бытия, охватив самые разные сферы общественной, цивилизационной, культурной жизни современного человека, значительно ускорив многие процессы его исторического самоопределения. В свою очередь, мировой экономический кризис показал, что глобализация, в том виде, в котором она развивалась последнюю четверть века, открывая новые возможности исторического развития человека и человечества, одновременно существенно ограничивала потенциал развития новой истории: превращала широкий и мощный поток исторического обновления в бурный, но не глубокий про-

цесс распространения отдельных «образцов» обновляемой истории.

Применительно к российскому варианту развития мирового экономического кризиса глобализация сыграла существенную роль в выделении из общего контекста общественной жизни страны и каждого человека такой важнейшей составляющей их развития как «экономика». Оказывается, в России существует особая модель экономической жизни, проблемы которой могут и должны разрешаться с помощью экономических средств с опорой на действующие экономические же законы общественного развития. Глобализация мирового экономического кризиса показала не просто некоторую зависимость российской экономики от мировой (спрос – цены – кредиты), но глубокую и сущностную зависимость российской экономики от собственно... российской экономики – от экономики как таковой. Логика глобализации, как хирургический скальпель, буквально разрезала, а местами просто в клочья разорвала плотную ткань российского олигархического капитализма, обнаружив за ней особые сгустки и уплотнения экономической энергии, которые при определенных условиях могут стать полноценной экономикой. И они станут ей, а мы в результате выйдем на путь полноценного антикризисного развития, если научимся жить и действовать в соответствии с объективным экономическим законами. Глобализация и кризис ориентируют нас на то, чтобы жить по объективным законам экономики, и предлагают различные «модели – образцы» такого рода экономического поведения. Необходимо с особой тщательностью подходить к их отбору и применению. Основным критерием их оценки должны стать не только эффективность их деятельности, но и соответствие тем объективным законам экономической жизни России, которые в настоящее время реально действуют и уже доказали свою практическую и историческую продуктивность.

Глобализация определила не только предмет кризисного развития – российскую экономику, – но и основной вектор ее антикризисного развития: экономика должна стать не просто экономной, что в условиях кризиса приобретает особый смысл, но она должна быть еще и в достаточной степени «экономической». То есть экономические проблемы должны решаться с помощью экономических же средств. Глобализация мирового экономического кризиса указала России основной путь выхода из кризиса – очищение экономики от различного рода исторических и практических отложений, наслоений, которые сковывали, извращали и разрушали экономическую свободу, превращая экономические риски в тупики общественного развития. Обновленный смыслообразующий вектор модернизации российской экономики возникает не в результате глобализации, или экономического кризиса, но с их помощью, посредством использования того инновационного потенциала развития, который они в себе заключают, и который, кстати будет заметить, собственно в российской экономике и, соответственно, в плане ее модернизации представлен очень слабо. Глобализация и кризис поставили в смыслообразующий центр развития российской экономики проблему нахождения баланса экономической свободы и экономического риска. Отсюда основной вектор ее модернизации и исторического обновления – поиск и практическое установление этого баланса. Глобализация и кризис не только актуализируют проблему баланса свободы и риска в российской экономике, но и предлагают различные способы ее решения. Если использовать некоторые из них, то степень свободы российской экономики существенно снизится, зато ее риски значительно возрастут. Выбрать правильную стратегию антикризисного решения данной проблемы – значит адекватно оценить те угрозы, которые несет с собой кризис и реальный потенциал развития российской экономики, установить четкое и понятное соответствие между ними.

Глобализация мирового экономического кризиса существенным образом меняет конфигурацию экономической деятельности, логику и характер экономического поведения различных субъектов этой деятельности. Модель экономического развития России всегда была «одноплоскостной»: все субъекты экономической деятельности, начиная от государства и заканчивая последним лавочником, находились и действовали в одной плоскости экономической жизни. Это вело к великому вавилонскому столпотворению, которое в изощренных формах имитировало конкуренцию и выживание «сильнейшего», превращая в конечном итоге столкновения и рыночную борьбу различных экономических субъектов в кладбищенскую тишь и благодать экономического застоя. Глобализация и мировой экономический кризис взломали ледяные заторы одноплоскостного развития российской экономики и показали реальную глубину ее экономической жизни, способствовали выделению относительно самостоятельных орбит дви-

жения различных экономических субъектов и закреплению определенных норм и логики их поведения, моделей движения по этим орбитам. Важнейшим направлением антикризисного развития российской экономики является адекватное самоопределение различных субъектов экономической конкуренции в соответствии с тем потенциалом развития, который они реально могут освоить и реализовать, обращаясь на соответствующих орбитах экономической системы. При этом следует учитывать, что глобализация может существенным образом менять скорость, амплитуду движения, направленность действий разных экономических субъектов, находящихся на разных орбитах экономической системы. В результате чего процесс обновления экономики может быть дезориентирован и существенно ослаблен. Для того, чтобы этого не случилось, вокруг экономической системы должно быть создано особое «защитное поле», которое может представлять собой пространство действия особых экономических субъектов, решающих помимо собственных экономических задач еще и задачи антикризисного развития и защиты от кризиса всей экономической системы.

Институциональный кризис и антикризисное управление

В России всегда было так – любой кризис представлял собой гремучую смесь самых разных кризисов. В основном это были кризисы отложенного развития. Нынешний кризис не исключение.

Мировой экономический кризис и соответствующий кризис в России – две большие разницы. Ключевую, системообразующую роль в нашей экономике из тех трех кризисов, которые были выше выделены, играет *институциональный кризис*. Причины этого следующие: во-первых, он является родимым пятном постсоциализма, доминантой нашего развития в предшествующей истории – не следует забывать, что все мы вышли из государственного социализма. Во-вторых, уровень капитализации и экономической свободы у нас пока еще слабо развит, поэтому кризисы в этих сферах в основном происходят не сами по себе, но производны, в данном случае от кризиса мирового. И протекают они в провинциально уродливых формах. Институциональный же кризис – это некоторая константа развития нашей экономики последние восемьдесят лет.

В какой форме существует институциональный кризис в современной России? Он представляет собой достаточно сложное образование, наложение друг на друга трех глубочайших кризисов. В начале 90-х годов, голодные и оборванные, мы, как былинный богатырь, оказались на распутье у заветного камня. Налево – капитализм. Направо – постсоциализм. Прямо – посткапитализм. Махнули мы рукой и пошли, как это не раз бывало и раньше, на все три стороны сразу. Наше возвращение в историю после тоталитарной спячки происходит путем хаотичного и судорожного хватания, присвоения основных институциональных форм развития современной экономики: капиталистической, посткапиталистической, постсоциалистической. В результате такого рода освоения и присвоения истории «вокруг нас» мы имеем три кризиса институциональной экономики России. *Кризис российского капитализма* – принятых форм капитализации и институциализации рынков. Основной формой их институциализации, как известно, был и остается олигархический капитализм. *Кризис российского посткапитализма*, который проявился в виде кризиса потребительского общества – постсоветской формы существования псевдогражданского общества. И, наконец, *кризис российского постсоциализма* – такого важнейшего института развития экономики, как авторитарное государство. Гремучая смесь кризисов олигархического капитализма, потребительского общества и авторитарного государства превращает кризис российской экономики в серьезный тормоз развития и угрозу для модернизации страны.

Какой из этих трех кризисов системообразующий и самый тяжелый для России? Конечно, последний – *кризис постсоциализма, то есть кризис государства как важнейшего института развития институциональной экономики*. Когда мы от заветного камня пошли одновременно в три разные стороны, государственный социализм по-прежнему крепко держал нас в своих объятиях. Он как был играющим тренером для всей нашей «постсоциалистической команды», так и остался им. Бег на месте под руководством этого тренера существенно обострил, а в отдельных случаях довел до абсурда кризисные проявления нашего победоносного капиталистического и посткапиталистического развития.

Кризис авторитарного государства проявляется в трех разных формах: кризис государства как антикризисного субъекта, кризис государственной экономической политики, кризис общественного доверия государству как экономическому субъекту.

Так случилось, что в соответствии с логикой развития постсоциализма единственным субъектом антикризисного развития в нынешних условиях оказалось государство. В результате антиолигархических «зачисток» и стабилизации стабильности оно оказалось не просто на переднем краю борьбы с кризисом, что естественно для любого современного государства, но оно очутилось там в гордом одиночестве. Оно оказалось крайним. Антикризисный потенциал государства по определению существенно ограничен. А в нашем случае он ограничен вдвойне. «Зачищенная» под госкорпорации экономика мстит нам за постсоциалистические эксперименты нулевых годов. Собирая под свои знамена согласно разнарядке властной вертикали всю административную рать, современное российское государство, может быть, и справится с некоторыми проявлениями кризиса, но в будущем, будучи зараженным вирусом «мобилизационного» развития, оно с необходимостью станет источником многих последующих кризисов.

Наша борьба с кризисом сводится в настоящее время в основном к ограничению свободы экономической деятельности, к снижению уровня свободной экономической деятельности, установлению все новых и новых регламентов и регуляторов. Экономическая политика государства направлена не на поддержку и развитие новых степеней свободы различных субъектов экономической деятельности, не на стимулирование механизмов саморегулирования экономических процессов, а на удержание ситуации экономической несвободы под административным контролем. Решению этой непростой задачи существенно помогает тотальная коррупция, для которой экономическая свобода – это смерть в страшных муках. Фактически сегодня мы имеем дело с кризисом государственной экономической политики, в результате реализации которой экономика оказалась абсолютно не готова к кризису, то есть оказалась не способна самостоятельно противостоять ему и бороться с ним. Наличие значительных финансовых резервов снижает остроту кризиса, но сами по себе резервы не могут воздействовать на его причины, не могут изменить институциональный статус экономики. Кризис несвободы переживается пока относительно спокойно, что в принципе всегда было характерно для России. Этот «экономический пожар» сегодня просто заливают деньгами. Можно его залить и тем самым погасить, но следует отдавать себе отчет в том, что после кризиса придется начинать все с нуля – от экономики останутся лишь сгоревшие головешки и много пожарной пены.

В условиях кризиса любое государство рассчитывает на доверие со стороны общества. Поскольку в нашем случае кризис государства является всего лишь формой проявления глубочайшего кризиса российского общества, постольку порог доверия между ними существенно снижен. Постсоциалистическое государство приложило немало сил для того, чтобы из остатков советского народа слепить посткапиталистическое и постсоциалистическое, то есть потребительское, общество (общество первоначального кредитования). Это общество будет поддерживать любое государство, пока оно обеспечивает рост его благосостояния, пока оно управляет ростом потребления. Исчезает рост и благосостояние – государство теряет общественную поддержку. Различного рода административными и псевдополитическими суррогатами это доверие не обеспечить и не заменить. Для любого государства экономический кризис – это серьезное испытание не только на прочность, но и на эффективность деятельности. Его жизнеспособность испытывает и оценивает не кризис, но общество, которому государство либо помогает, либо не помогает преодолеть кризис. Авторитарное государство не нуждается в такого рода оценке и поддержке. Главное для него – чтобы не «раскачивали лодку», в которой оно перевозит всех нуждающихся через бурные потоки кризиса. Доверие общества не является для него антикризисным стимулом и серьезным потенциалом эффективной деятельности, что, конечно же, серьезно обедняет его деятельность и снижает ее общественную эффективность.

Российский опыт антикризисного развития свидетельствует о том, что у нас не только происходит своеобразное наложение трех различных институциональных кризисов друг на друга, что существенно ограничивает маневр государства в его деятельности по преодолению кризиса, но и о том, что по какому бы пути авторитарное государство не пошло – мобилизационному, или модернизационному – вся система государственного управления, в силу действия внутренних противоречий, будет являться постоянно действующим источником рискованного и кризисного развития. Фактически мы являемся свидетелями *кризиса государственного управления кризисом*.

В истории часто так бывает, когда искуситель и спаситель – в одном лице.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В СИСТЕМЕ РЕГУЛЯЦИИ ПОВЕДЕНИЯ

УДК 316.34

Б. Ю. БЕРЗИН

Основными регуляторами социального поведения государственных служащих, по мнению ряда исследователей, являются:

1) сложившаяся иерархическая структура взаимоотношений между индивидами внутри аппарата органа государственной власти и работников аппарата с представителями населения и организаций – так называемый организационный регулятор;

2) собственно поведенческий регулятор – как типичный способ поведения, определяемый системой потребностей, мотивов, ценностей и норм, обычаев и традиций поведения;

3) этический регулятор – система норм и ценностей, задающая моральную значимость потребностям и мотивам поведения индивида и определяющая общественно приемлемый способ действий (Н. Л. Захаров, 2002).

В каждом из указанных видов регуляторов поведения индивида присутствует ценность как «сбалансированный механизм согласования индивидуальной инициативы и социальных условий их реализации, общечеловеческой перспективы и личностной формы ее освоения, социокультурных образцов и ориентации на них сменяющих друг друга во времени поколений» [1].

Изучение природы ценностей в отечественной науке связаны с именами Л. С. Выготского, А. Г. Здравомыслова, В. А. Ядова и др.

Новые подходы к истокам формирования ценностных ориентаций заложены в работах А. Г. Асмолова, Д. А. Леонтьева, М. С. Яницкого.

Д. А. Леонтьев [2] в своих публикациях выделяет три формы существования ценностей:

1) общественные идеалы – выработанные общественным сознанием и присутствующие в нем обобщенные представления о совершенстве в различных сферах общественной жизни;

2) предметное воплощение этих идеалов в деяниях или произведениях конкретных людей;

3) мотивационные структуры личности («модели должного»), побуждающие ее к предметному воплощению в своем поведении и деятельности общественных ценностных идеалов.

Эти формы, по мнению Д. А. Леонтьева, переходят одна в другую – общественные идеалы побуждают активность личности, и та воплощает их в конкретные дела и поступки. Именно они выступают ориентирами человеческой деятельности.

Под ценностными ориентациями Д. А. Леонтьев понимает осознанные представления субъекта о собственных ценностях. Помимо ценностных ориентаций, в сознании человека могут присутствовать и другие ценностные представления, например, ценностные стереотипы и ценностные идеалы, ценностные перспективы и ретроспективы, представления о системах ценностей других людей.

В сознании чиновников как определенной группы общества присутствуют все указанные формы. Некоторые формы из-за особенностей профессиональной жизни получают максимальное развитие, другие отходят на второй план.

В целях изучения представлений чиновника о ценностях-целях и ценностях-средствах автором в 2011 г. в Институте дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих Уральской академии государственной службы был проведен опрос 75 федеральных государственных служащих (работников территориальных органов исполнительной власти). Представленность мужчин и женщин практически соответствует соотношению полов в генеральной совокупности.

Исследование проводилось с использованием методики М. Рокича, созданной в 70-е годы прошлого века в США. М. Рокич выделяет такие признаки ценностей [3]:

- Истоки ценностей находятся в обществе, культуре, личности.
- Влияние ценностей фиксируется во всех социальных явлениях.
- В общем и целом число ценностей сравнительно невелико.
- Все люди обладают одними и теми же ценностями, хоть и в неодинаковой степени.
- Ценности образуют системы.

М. Рокич различает два класса ценностей:

- терминальные – убеждения в том, что какая-то конечная цель индивидуального существования стоит того, чтобы к ней стремиться;
- инструментальные – убеждения в том, что какой-то образ действий или свойство личности

является предпочтительным в любой ситуации.

Такой подход позволяет выделить ценности-цели и ценности-средства. В предъявляемых респонденту двух списках содержалось по 18 наименований ценностей, которые необходимо было проранжировать.

Вначале опрашиваемый выбирает по порядку значимости для него терминальные ценности как принципов, которыми он руководствуется в своей жизни, затем инструментальные ценности в качестве характеристик, которые важны в повседневной деятельности.

В исследовании представлены усредненные ранги ценностей, полученные в процессе обработки данных.

Структура ценностных предпочтений – жизненных целей

Таблица № 1

Терминальные ценности	Ранги			
	Госслужащие, руководители	Госслужащие, специалисты	Студенты	Предприниматели
1	2	3	4	5
Активная деятельная жизнь (полнота и эмоциональная насыщенность жизни)	10	4	9	1
Жизненная мудрость (зрелость суждений и здравый смысл, достигаемые жизненным опытом)	4	9	10	13
Здоровье (физическое и психическое)	3	1	1	4
Интересная работа	6	2	5	11
Красота природы и искусства (переживание прекрасного в природе и в искусстве)	17	15	16	18
Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком)	16	3	2	16
Материально обеспеченная жизнь (отсутствие материальных затруднений)	11	7	6	2
Наличие хороших и верных друзей	5	8	3	10
Общественное признание (уважение окружающих, коллектива, товарищей по работе)	2	14	14	9
Познание (возможность расширения своего образования, кругозора, общей культуры, интеллектуальное развитие)	18	11	12	17
Продуктивная жизнь (максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей)	7	10	13	5
Развитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование)	13	12	11	7
Развлечения (приятное, необременительное времяпрепровождение, отсутствие обязанностей)	15	18	17	14
Свобода (самостоятельность, независимость в суждениях и поступках)	9	13	8	3
Счастливая семейная жизнь	1	6	7	12
Счастье других (благосостояние, развитие и совершенствование других людей, всего народа, человечества в целом)	14	16	18	15
Творчество (возможность творческой деятельности)	12	17	15	8
Уверенность в себе (внутренняя гармония, свобода от внутренних противоречий, сомнений)	8	5	4	6

В таблице 1 для сравнения приведены данные различных исследований с применением методики М. Рокича, где:

Группа 1 – государственные служащие республики Башкортостан – руководители среднего и низшего звена, 98 чел., в том числе 63 мужчины и 35 женщин (Н.И. Петрова, 2011) [4].

Группа 2 – федеральные государственные служащие территориальных органов исполнительной власти (специалисты), Свердловская область – 75 чел., в том числе 57 женщин и 18 мужчин.

Группа 3 – студенты естественно-научных и гуманитарных факультетов Кемеровского университета 1–5 курсов (М.С. Яницкий, 2000) [5] – 425 чел.

Группа 4 – предприниматели, Республика Башкортостан – 92 чел, в том числе 59 мужчин и 33 женщины (Н.И. Петрова, 2011).

Сопоставление результатов исследований выявило сходство ценностных ориентаций, весьма значимое между государственными служащими – специалистами с одной стороны и студентами – с другой. Близки ценностные представления между федеральными и региональными государственными служащими. Незначимо сходство ценностных ориентаций предпринимателей с другими группами респондентов.

Если попытаться на основании методики, предложенной Д. А. Леонтьевым [6], сгруппировать средние ранги ценностных представлений госслужащих, то получается следующее.

1. Конкретные жизненные ценности (здоровье, работа, друзья, счастливая семейная жизнь) существенно доминируют над абстрактными ценностями (познание, развитие, свобода, творчество).

2. Средний ранг ценностей личной жизни (здоровье, любовь, наличие друзей, развлечения, уверенность в себе и материально обеспеченная жизнь) превышает средний ранг ценностей профессиональной самореализации (интересная работа, продуктивная жизнь, творчество, активная деятельная жизнь).

3. Индивидуальные ценности (здоровье, творчество, свобода, активная деятельная жизнь, развлечения, уверенность в себе и материально обеспеченная жизнь) госслужащих являются более предпочтительными, чем ценности межличностного общения (наличие друзей, счастливая семейная жизнь, счастье других людей, общественное признание).

4. Активные ценности (свобода, активная деятельная жизнь, продуктивная жизнь, интересная работа) по выбранным рангам выше, чем пассивные (красота природы и искусства, уверенность в себе, познание, жизненная мудрость).

Исследование зафиксировало определенные различия в ценностных представлениях между мужчинами и женщинами (хотя коэффициент корреляции рангов Спирмена, показывающий тесноту связи, достаточно высок – при α=0,01 он составил 0,834. Для сравнения: в исследованиях Д. А. Леонтьева он равен 0,784).

Женщины-госслужащие больше ценят полноту и эмоциональную насыщенность жизни, интересную работу, мужчины – максимально полное использование своих возможностей, сил и способностей, а также постоянное физическое и духовное совершенствование.

Исследование, проведенное в Екатеринбурге, выявило также определенные совпадения в ценностных предпочтениях рядовых госслужащих с руководителями государственных служб Республики Башкортостан. (Коэффициент ранговой корреляции Спирмена 0,47, значим при α =0,05).

Важное место в структуре ценных предпочтений занимают инструментальные ценности. Именно средства достижения цели во много определяют нравственный облик чиновника, его готовность к социальным, а подчас и к антисоциальным действиям.

Сравнительный анализ показывает, что ранги инструментальных ценностей в выборках по Свердловской и Кемеровской областях распределены примерно одинаково (коэффициент корреляции рангов Спирмена 0,83 $p>p_{\alpha}$=0,01).

Структура ценностей – средств достижения цели

Таблица № 2

Терминальные ценности	Ранги			
	Госслуж.-спец. Свердловской обл	Студенты Кемеровской обл.	Госслуж.-рук. Башкирии	Предприни-мате-ли Башкирии
1	2	3	4	5
Аккуратность (чистоплотность), умение содержать в порядке вещи, порядок в делах	7	8	3	12
Воспитанность (хорошие манеры)	2	1	6	10
Высокие запросы (высокие требования к жизни и высокие притязания)	17	17	17	6
Жизнерадостность (чувство юмора)	5	4	15	14
Исполнительность (дисциплинированность)	11	15	2	15
Независимость (способность действовать самостоятельно, решительно)	10	3	9	13
Непримиримость к недостаткам в себе и других	18	18	16	11
Образованность (широта знаний, высокая общая культура)	3	2	14	8
Ответственность (чувство долга, умение держать своё слово)	1	5	1	7
Рационализм (умение здраво и логично мыслить, принимать обдуманные, рациональные решения)	13	16	13	5
Самоконтроль (сдержанность, самодисциплина)	6	7	4,5	4
Смелость в отстаивании своего мнения, взглядов	15	13	11	2

Структура ценностей – средств достижения цели

Таблица № 2 (продолжение)

Твердая воля (умение настоять на своем, не отступать перед трудностями)	14	10	4,5	3
Терпимость к взглядам и мнениям других (умение прощать другим их ошибки и заблуждения)	8	9	18	17
Широта взглядов (умение понять чужую точку зрения, уважать иные вкусы, обычаи, привычки)	12	11	8	18
Честность (правдивость, искренность)	4	6	18	16
Эффективность в делах (трудолюбие, продуктивность в работе)	9	14	10	1
Чуткость (заботливость)	16	12	12	9

Исследование, проведенное среди руководителей государственных органов Республики Башкортостан показало, что структура инструментальных ценностей несколько отлична от других регионов (коэффициент корреляции рангов Спирмена – 0,44, что ниже достоверного значения).

Однако налицо совпадения значимых для государственных служащих средств достижения цели. И в Башкирии, и в Свердловской области чиновники на 1-е место поставили ответственность (чувство долга, умение держать слово).

Инструментальные ценности, так же как и терминальные, могут быть разделены на 4 группы (Д. А. Леонтьев):

1. В первую группу входят этические ценности, ценности межличностного общения и профессиональной самореализации. В Свердловской и Кемеровской выборках наивысший ранг среди них получили ценности межличностного общения (воспитанность, жизнерадостность, чуткость), в Башкирской – ценности профессиональной самореализации (ответственность, эффективность в делах, твердая воля и исполнительность).

Руководители органов государственной власти республики особо выделили такие ценности, как ответственность и исполнительность.

2. Вторая группа инструментальных ценностей – индивидуалистические, конформистские и альтруистические ценности. Госслужащие из Свердловской выборки на первое место поставили конформистские ценности (исполнительность, самоконтроль, ответственность), на второе – альтруистические (терпимость, чуткость, широту взглядов). Руководители из Башкирии и жители Кемеровской области соответственно – конформистские и индивидуалистические.

3. Из ценностей самоутверждения и ценностей принятия других обе группы госслужащих выбрали ценности принятия других (терпимость, чуткость и широту взглядов). Такой же выбор у респондентов из Кемерова.

4. При выборе ценностей непосредственного эмоционального мироощущения и интеллектуальных ценностей (образованность, рационализм и самоконтроль) госслужащие предпочли последние. Опрошенные из Кемеровской области выбрали ценности непосредственного эмоционального мироощущения (жизнерадостность, честность и чуткость).

Исследование показало, какое место в жизни государственных служащих занимают ценности профессиональной самореализации и активной жизни. Тем не менее, очевиден тот факт, что конкретные жизненные ценности, ценности личной жизни, индивидуальные ценности доминируют в сознании чиновников.

1. Плотников В. И. Ценность. // Современный философский словарь. М., 2004. С. 789.
2. Леонтьев Д. А. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психол.журн., 1992. Т. 13. № 2. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопр.филос. 1996. № 4.
3. Rokeach M. The nature of human ales. NY. : Free Press, 1973.
4. Петрова Н. И. Ценностно-смысловая сфера личности руководителей государственной службы и предпринимателей. Психологический журнал. Том 32. № 1. – 2011.
5. Яницкий М. С. Ценностные ориентации личности как динамичная система. Кемерово, 2000.
6. Леонтьев Д. А. Методика изучения ценностных ориентаций. М., 1992.

ВЛИЯНИЕ ВОЛЕВОГО РЕСУРСА РУКОВОДИТЕЛЯ НА ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 159.9

М. Н. СУДАКОВ

Деятельность и личность руководителя обладают рядом специфических особенностей. Уже древние философы в исследовании управленческой деятельности отмечали, что управление – чрезвычайно изменчивая категория, и обращали внимание на качества человека, стоящего у власти, средства и способы психологического воздействия на людей, а также на различные факторы, способствующие или препятствующие развитию личности руководителя.

Современный подход к теории управления доказывает, что эффективность управленческой деятельности связана с качеством принимаемых руководителем решений и достигнутыми результатами [1]. Масштаб управленческих достижений и последующих социальных изменений в значительной степени зависят от способности руководителя преодолевать сопротивление внешней среды, а также свои внутренние ограничения, осуществлять деятельность достижения и поддерживать высокий уровень управленческой мотивации. Данная совокупность характеристик определяет способ произвольного управления поведением и обозначается нами как волевой ресурс руководителя. Можно предположить, что именно особенности развития волевого ресурса руководителя определяют принципы его взаимодействия в социуме, реализации индивидуальной стратегии социального взаимодействия, тип личности руководителя, проявляющийся на уровне микросоциальных групп и в организационно-профессиональном пространстве.

Практика исследования личности с позиции оценки всех имеющихся индивидуальных особенностей в качестве ресурсов имеет пока что небольшую историю. Однако ресурсный подход как методологическая основа научных исследований уже не раз доказал свою состоятельность. Его использование является весьма актуальным и перспективным, поскольку данный подход позволяет рассматривать человеческий потенциал не как определенный объем ресурсов, который дан ему от рождения и который он может использовать в течение всей своей жизни, а как его каждодневную, ежеминутную способность к актуализации, наращиванию, возобновлению тех или иных ресурсов под решение определенных задач [3].

На сегодняшний день при оценке руководителей именно понятия «ресурс», «потенциал» и «компетентность» выступают основой оценки работников организации. Проведенные исследования проблемы ресурсного подхода к оценке управленческого персонала в отечественной и зарубежной литературе позволили определить, что существует его устойчивая взаимосвязь с проблемой компетентностного подхода в оценке управленческого персонала.

Компетентность рассматривается как глубоко личностное образование, присущее человеку как субъекту профессиональной деятельности. Будучи носителем компетентности, субъект профессиональной деятельности сам выбирает сферу приложения своих сил, вписывая ее в общую индивидуальную стратегию собственной жизни и профессиональной деятельности.

Очевидно, что компетенциями и компетентностями ресурсы человека как субъекта профессиональной деятельности не исчерпываются, хотя и выступают важной их составляющей. Прежде всего это биофизические, психофизиологические и личностные ресурсы, а также то, что может быть обозначено как система управления ресурсами человека: его мотивационная, ценностно-смысловая и волевая сферы, выступающие основой формирования и реализации индивидуальной жизненной стратегии личности.

Исследование развития волевого ресурса руководителя и его влияния на характер социального взаимодействия показало, что гармоничный уровень развития достига-

ется тогда, когда все детерминанты данного ресурса находятся на достаточно высоком уровне, то есть руководитель способен к адекватной оценке и преодолению сопротивления внешней среды, он сознательно работает и достигает успеха в работе с собственными ограничениями, а также обладает устойчивой положительной мотивацией, стремится к деятельности достижения для получения социально значимых результатов.

Практика показывает, что руководителей, у которых волевой ресурс гармонично развит, не так уж и много. Чаще всего какая-либо характеристика нуждается в мерах дополнительного развивающего либо коррекционного характера. В случае, когда одна или несколько детерминант волевого ресурса находятся на недостаточном уровне или вовсе неразвиты, можно говорить о неравномерном развитии волевого ресурса, который позволил автору выделить несколько типов руководителей, условно обозначенных как автономный, социальный и ситуативный типы [6].

Руководитель автономного типа довольно успешно умеет разрешать внутриличностные конфликты, стремится к личностному и профессиональному развитию, при этом в отношении социального взаимодействия он испытывает определенные, а иногда и значительные трудности, недостаточно владеет способами конструктивного взаимодействия и разрешения межличностных конфликтов, стремится избегать их.

Руководитель социального типа обладает способностью преодолевать сопротивление внешней среды, имеет высокие цели и стремится к достижению результатов, но слабо способен разрешать внутриличностные конфликты, не обладает в достаточной степени навыками самоанализа. Сфера его интересов практически всегда лежит «за пределами» его самого, он не стремится к персонифицированным достижениям, при этом активно реализует интересы коллектива или идеи вышестоящего руководства.

Руководитель ситуативного типа обладает способностью разрешать внутриличностные конфликты, преодолевать сопротивление внешней среды, но практически не заинтересован в достижении результатов. Причем, в крайнем варианте незаинтересованность в достижениях присутствует во всех сферах – и профессиональной, и управленческой, и личной.

Интересной и весьма перспективной оказалась попытка автора связать рассмотрение социальных факторов, детерминирующих развитие волевого ресурса, сквозь призму реализации руководителем индивидуальной жизненной стратегии, проявляющейся как совокупность моделей и алгоритмов поведения, базирующихся на индивидуальной системе представлений человека о мире и его месте в нем, способных, по его мнению, обеспечить оптимальное достижение как осознаваемых, так и неосознаваемых жизненных целей и проявляющихся в своеобразном персональном стиле жизнедеятельности [2].

Научная проблема, исследующая проживание человеком собственной жизни как реализацию определенных стратегий, имеет свою историю, но она особо активизировалась в последние годы [5]. На наш взгляд, изучение различных проявлений организации и осуществления жизнедеятельности, как индивидуальной, так и общественной, сквозь призму стратегий обладает значительным потенциалом.

Микросоциальный (профессионально-организационный) уровень детерминант развития волевого ресурса руководителя интегрирует факторы, связанные с выполняемой руководителем деятельностью, средой её осуществления, а также типом индивидуальной стратегии.

В ходе многолетнего исследования личности руководителя как субъекта формирования управленческой команды, особенностей взаимодействия внутри управленческих команд различных уровней и сфер профессиональной деятельности Ю. В. Синягиным была сформулирована трехфакторная модель ориентаций субъекта профессиональной деятельности в пространстве собственных и организационно заданных задач [4].

В соответствии с этой моделью поведение личности в организации определяется иерархическим соотношением и степенью выраженности трех ориентаций: ориентации на поставленную организационную задачу, ориентацией на безопасность и ориентацией на то, что было обозначено Ю. В. Синягиным как «кровная идея». Как отмечает автор, «кровная идея» – это стратегическая цель, ради которой человек готов пожертвовать многим и что в конечном итоге обеспечивает ему смысловую наполненность жизни. Очевидно, продолжает Ю. В. Синягин, что мысль эта не нова сама по себе и содержится в многочисленных, как теоретических, так и эмпирических исследованиях. Особенно явно она содержится в работах Альфреда Адлера.

Именно его идеи во многом послужили основанием для построения концепции организационно-командного поведения (Ю. В. Синягин). Характер содержания, степень выраженности и осознанности, масштабность, а также степень совпадения «кровной идеи» с вектором социального развития детерминируют особенности поведения человека не только в рамках команды или организации, они задают общий вектор поведения человека, который отражается в его индивидуальной жизненной стратегии. Кровная идея – это «видение», а видение – это идеальный образ будущего состояния жизни, которого человек может достичь при самых благоприятных условиях.

Ориентация на организационную задачу – достаточно сложное образование, которое включает как стремление к профессиональному мастерству, так и стремление к выполнению общественного долга. Она включает сложный комплекс мотивов самореализации и самоосуществления именно в профессиональной деятельности, а часто и в рамках той организационно-командной структуры, с которой идентифицирует себя человек.

Наконец, ориентация на безопасность также является сложным образованием. Это и стремление к стабильности и безопасности во внутриорганизационных отношениях, и стремление обеспечить себя и свое будущее. В основе этой ориентации лежит также и целый комплекс эгоцентрических мотивов [4].

Весьма перспективной, как нам представляется, выступает попытка сопоставить предложенные Ю. В. Синягиным ориентации с представленной выше типологией руководителей, в основании которой лежит направленность волевого ресурса. Подобное соотнесение на теоретическом уровне, как нам представляется, может выступить основой более глубокой научной разработки проблемы воли как ресурса руководителя, а также проблем оптимизации командного взаимодействия, а более глобально – проблем формирования индивидуальных карьерных стратегий руководителя.

Представим итоги сопоставления ориентаций в организационно-командном взаимодействии с выделенными типами руководителей. На основе подобного сопоставления можно определить характеристики индивидуального стиля и стратегии реализации волевого ресурса.

Автономный тип руководителя

При преобладании ориентации руководителя на реализацию кровной идеи ресурс направлен на достижение целей собственного развития, получения персонального признания и личных наград. Руководство осуществляется так, что все ресурсы сотрудников коллектива должны быть направлены на достижение личного успеха руководителя. Возникают трудности в создании команды, ученики и последователи в результате вынуждены уходить от такого руководителя, так как не имеют возможности для самореализации. Тип стратегии – самопрезентация.

При преобладании ориентации руководителя на организационную задачу ресурс направлен на получение автономии в рамках организации, в которой работает руководитель. Он стремится быть максимально независимым в финансовых и кадровых вопросах в своем подразделении, взаимодействует со всеми и одновременно ни с кем плотно. Члены команды чаще всего совпадают с руководителем по типу, другие типы долго в команде не задерживаются. Обладает авторитетом как эксперт в своей области. Тип стратегии – независимость.

При преобладании ориентации руководителя на обеспечение собственной безопасности ресурс направлен на поддержание собственного авторитета. Новые идеи в коллективе приветствуются, но вряд ли реализуются, чтобы избежать возможных ситуаций конкуренции. Безопасность может достигаться и за счет отказа от своего коллектива, например, в ситуации организационных перемен, такой руководитель предпочитает бороться только за себя, может «пожертвовать» коллективом. Тип стратегии – самосохранение.

Социальный тип руководителя

При преобладании ориентации руководителя на реализацию кровной идеи волевой ресурс направлен на максимальное расширение социальных контактов для достижения собственной жизненной цели. Использует манипулятивные техники и приемы давления на других людей, от которых, по мнению руководителя этого типа, зависит достижение собственной цели. Нуждается в сильных единомышленниках, чтобы они разделяли кровную идею руководителя как свою собственную. Тип стратегии – самореализация, предпринимательство.

При преобладании ориентации руководителя на решение организационных задач ресурс направлен на использование потенциала других людей для достижения целей,

поставленных вышестоящим руководством. Такой руководитель может применять приемы жесткого воздействия, «ломать» других людей. В работе опирается на сильные стороны членов своей команды. При повышении по службе «тянет» за собой «своих» людей, так как без коллектива не обладает достаточной силой. Тип стратегии – объединение, командность.

При преобладании ориентации руководителя на обеспечение собственной безопасности волевой ресурс направлен на обрастание «нужными связями», которыми можно было бы воспользоваться в сложной ситуации. Широкие социальные контакты позволяют руководителю такого типа удерживаться «на плаву» практически независимо от организационных изменений. Часто выступает посредником в решении сложных задач третьих лиц. Волевые проявления направлены на управление другими людьми, направление их в «нужное русло». Тип стратегии – незаменимость, оказание услуг, посредничество.

Ситуативный тип руководителя

При преобладании ориентации руководителя на реализацию кровной идеи ресурс направлен на избегание ситуаций коллективного взаимодействия, чаще всего руководитель такого типа привлекается по мере необходимости в качестве эксперта по своему профилю деятельности. Стремится избегать стрессов, вызванных межличностными и межгрупповыми контактами. Поддерживает и охраняет «свое дело» от чужих посягательств, не стремится к большим результатам и достижениям. Тип стратегии – сохранение традиций, опекунство.

При преобладании ориентации руководителя на организационные задачи ресурс направлен на создание крепкого и слаженного коллектива «друзей». Руководитель такого типа предпочитает работать с сотрудниками средних способностей и не проявляющих инициативу, с грамотными исполнителями. Силы коллектива направлены на создание условий для поддержания функционирования организации, в крайних проявлениях – на создание и обслуживание бюрократии, когда коллектив перестает ориентироваться на результат, а сосредотачивает свои усилия исключительно на процессе. Тип стратегии – обеспечение стабильности.

При преобладании ориентации руководителя на собственную безопасность волевой ресурс направлен на избегание ситуаций, требующих деятельности достижения. Все усилия сосредоточены на том, чтобы показать средние результаты, «не хуже и не лучше» других, но результаты эти стабильные и получены в установленные сроки. Руководители такого типа стремятся сохранить свое положение благодаря созданию имиджа «винтика в большом механизме». Тип стратегии руководителя такого типа – приспособление.

Таким образом, можно констатировать наличие сложных и многомерных взаимозависимостей и взаимовлияния волевого ресурса руководителя, его социального типа, индивидуальной жизненной стратегии и характера ориентаций в организационно-командном взаимодействии, что, безусловно, может стать основой дальнейших научных и прикладных исследований.

1. Переверзина О. Ю. Методы оценки персонала при формировании кадрового резерва [Текст] / О. Ю. Переверзина, Н. В. Афанасьева // Управление человеческим потенциалом. – 2010. – № 2. – С. 154–159.
2. Синягин Ю. В. Личностно-профессиональные факторы успешности карьеры современных государственных служащих [Текст] / Ю. В. Синягин // Мир психологии. – 2010. – С. 226–240.
3. Синягин Ю. В. Методика оценки управленческого потенциала руководителей // Акмеология. № 1. 2007. С. 60–71.
4. Синягин Ю. В. Психологические механизмы формирования руководителем управленческой команды [Текст] / Ю. В. Синягин. – М. : Радио и связь, 2001.
5. Синягин Ю. В. Основные подходы к исследованию жизненных стратегий личности [Текст] / Ю. В. Синягин, О. Ю. Переверзина, Ю. А. Яковлева, А. В. Полякова // Акмеология. – 2010. – № 1.
6. Синягин Ю. В. Акмеологические аспекты развития воли руководителя [Текст] / Ю. В. Синягин, М. Н. Судаков // Акмеология. – 2011. – № 3. – С. 197–199.

МОНИТОРИНГ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ С ПОЗИЦИИ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 334.012

Н. А. КВАСОВА, Е. В. ШЕСТОПАЛОВ

Вопросы осуществления промышленной организацией анализа и прогноза состояния ее культурного пространства, его объективности, гармоничности, действенности, представляют исполнительский интерес для всех органов и ветвей власти. И чем крупнее организация, тем актуальнее эти вопросы с позиций соответствия культурного пространства наметившемуся стратегическому курсу.

Целью работы является исследование эффективности мониторинга культурного пространства в системе связи его с мониторингом других факторов, что позволяет создать объективную систему динамического отслеживания действенности системы менеджмента, оценки ее в сфере производства, маркетинга, финансов, экономической безопасности и других направлениях деятельности промышленной организации.

Осуществление мониторинга культурного пространства крайне необходимо для достижения делового успеха. Для принятия правильного стратегического решения необходимо учитывать результаты отслеживания динамики развития организационной культуры, всей совокупности ценностных ориентиров работников, соответствие между собой различных видов культур с позиций единства культурного пространства.

Условием эффективности мониторинга является его приоритетная ориентация на позитивное регулирование функциональной деятельности отдельных подразделений промышленной организации по линии ценностных ориентаций работников, их соответствия миссии, целям и стратегическим установкам. Результаты мониторинга должны быть направлены на их использование в процессах стратегического управления, гармонизации и модернизации его основы.

У каждой организации своя культура. Корпоративная культура аналогична личностной характеристике человека: это некий нематериальный, но всегда присутствующий образ, который придает значение, направление и составляет основу ее жизнедеятельности. Она определяет место организации в окружающем мире, олицетворяет собой те неписаные законы, нормы и правила, которые объединяют членов организации и связывают их вместе [4].

В настоящее время мониторинг культурного пространства в рамках промышленной организации практически отсутствует. Существует лишь опыт некоторых корпораций по осуществлению оценки и формирования организационной и деловой культуры. Однако эта деятельность осуществляется при отсутствии единой методологической основы и не приносит значимых результатов в сфере системного развития хозяйствующего субъекта.

Любая культура, в том числе и корпоративная, в процессе развития претерпевает определенные изменения, приспосабливаясь к предъявляемым требованиям. Этот процесс может иметь различный вектор направленности в зависимости от исторически сложившихся условий работы корпорации и задач, поставленных высшим менеджментом корпорации.

Важнейшим условием научно обоснованного мониторинга в рассматриваемой сфере является внимание к индикаторам оценки состояния культурного пространства. Такие индикаторы касаются не только оценки качества отдельных уровней организационной культуры, но и показателей реально ощутимых результатов регулируемых экономических отношений.

В рамках крупного акционерного предприятия необходима организация системы мониторинга с выделением социального органа, позволяющего позитивно влиять на процессы изменений (в соответствии с изменениями внешней среды). Это может быть, например, управление стратегического планирования и культуры (именно такое управление — по своей сути — существует в ОАО «ММК»). В данной работе предпринята попытка анализа деятельности менеджмента промышленной компании в сопоставлении с выявившимися мировыми тенденциями в этой сфере. В связи с этим возникает необходимость сравнения подходов к решению аналогичных задач

повышения эффективности управления корпорацией с учётом оценки состояния культурного пространства.

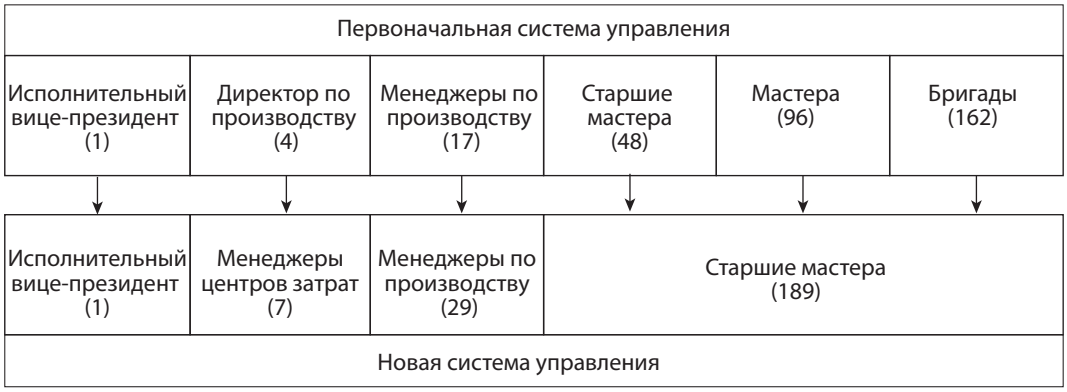
В последнее время активно рассматриваются процессы рационализации структуры принятия управленческого решения в различных сферах корпоративной среды. Примером может служить – в плане отмеченного – работа Д. Вумена и Д. Джонса «Бережливое производство» [1].

Уже по этим терминам можно судить о содержании цитируемой выше работы. Ее авторы особый акцент делают на «бережливом мышлении» (как средстве против застоя) и достижении делового успеха, который невозможен без стратегии изменений (особой культуры бережливого производства).

Изменение при этом касается не только собственно «производства». Реорганизуется прежде всего вся система управления фирмой. Речь идет о сокращении уровней управления (с шести до четырех) и численности управленцев (менеджеров) в конкретной фирме – в данном случае с 338 до 226 человек (рис. 1) [1].

Сопоставление уровней управления в фирме Porsche в процессе реорганизации

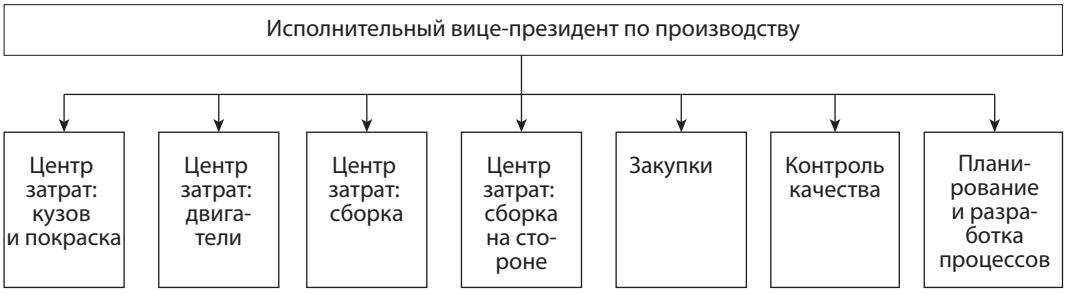
Рисунок № 1



Вместо директоров по производству, например, на фирме Porsche появились менеджеры центров затрат. Схема организационной структуры производства на фирме Porsche с подчинением центров затрат исполнительному директору по производству приведена на рис. 2 [1].

Система подчиненности центров затрат

Рисунок № 2



Изменение структуры подчиненности и сокращение неэффективных звеньев управления, безусловно, коснулось и рабочих. Речь идет о приведении численности персонала фирмы в соответствие с долгосрочными прогнозами. Возникла необходимость в течение нескольких лет уволить 2,5 тыс. человек.

Для принятия правильного стратегического решения необходимо было учитывать результаты отслеживания динамики развития организационной культуры, всей совокупности ценностных ориентиров работников, соответствие между собой различных видов культур с позиций единства культурного пространства.

Благодаря такому подходу некоторые из рабочих сами воспользовались предложением об особых условиях выхода на пенсию, а другие – «весьма щедрыми выходными пособиями». Перед началом сокращений рабочему совету гарантировалось, что ни один сотрудник не потеряет работу в результате перехода на бережливое производство, который планировалось совершить благодаря работе PVP-команд, однако содержание труда каждого человека при этом должно было постоянно меняться.

Такого рода гарантии, безусловно, свидетельствуют о высоком уровне организационной культуры на данном предприятии.

То же самое касается и будущего функционирования служб фирмы. Основной задачей бережливого предприятия выступает создание капитала, в котором функционирует поток создания ценности, при этом традиционные функциональные службы не могут продолжать играть ту же роль, что и раньше. Каждая функциональная служба должна стать своего рода центром по ликвидации паразитной деятельности. Для этого необходимы (при активном участии рабочих и мастеров) систематизация имеющихся знаний (и их передача другим подразделениям предприятия) и поиск новых знаний, способствующих бережливости.

Именно здесь прежде всего необходим высокий уровень организационной культуры. По мнению авторов, функциональные службы, образно говоря, – это холмы, которыми покрыта долина потоков создания ценности. Стекая с них, знание стимулирует движение этих потоков по линии бережливости. Нередко отдельные подразделения фирмы, «делающие деньги», находятся друг с другом в состоянии холодной войны. Для того же, чтобы фирма работала бережливо и создавала реальную ценность, необходимы совместные усилия, создающие соответствие между собой различных видов культур с позиций единства культурного пространства, чему и должны способствовать функциональные службы.

В основе культуры бережливого производства, по Д. Вумену и Д. Джонсу, лежат пять определяющих принципов. Принципы эти следующие:

• определение ценности, под которой понимается субъективное ощущение потребителя оттого, что нужная ему вещь (услуга) доставлена (оказана) в нужное время и в нужном месте;

• определение потока создания ценности (совместимости всех действий: решение проблем, управление информационными потоками (в том числе и мониторингом культурного корпоративного пространства), физические преобразования);

• организация движения потока (под потоком при этом понимается последовательное выполнение операций по ходу его течения и создания на этой основе ценности);

• вытягивание продукта (каскадная система производства, при которой наставник, находящийся выше по потоку, ничего не делает до тех пор, пока потребитель, находящийся ниже, ему об этом не сообщит);

• совершенство (полное отсутствие паразитной деятельности, благодаря чему все виды действий в потоке создания ценности действительно создают ценность).

При этом следует иметь ввиду, что процесс улучшений на фирме бесконечен. И потому здесь важна «прозрачность» – видение процесса создания ценности целиком, всеми его участниками, благодаря чему может осуществляться бережливость производства.

Шаги, определяющие путь фирмы по направлению к бережливому производству, приведены ниже.

Первый из них связан с «поиском агента перемен». Им может быть не только сильный лидер, находящийся на верхних этажах управления фирмой, но и представители среднего звена, которые могут взять на себя ответственность за перемены. При этом нужно помнить, что революционеры редко могут хорошо управлять новым порядком, который они сами же и создали. Поэтому в любом случае необходима команда по работе с новой системой, созданной в процессе перемен.

Шаги перемен нужно обязательно связать с уровнем организационной культуры фирмы (в связи с ее инерционностью). Именно поэтому споры (кризисы) считаются «великолепной вещью» с позиций философии бережливого производства. Это связано с тем, что они дают «встряску» традиционному мышлению и самодовольству, стимулируют менеджеров фирмы принимать нелегкие решения, связанные с поиском новых путей организации производства.

Особую важность здесь приобретает разработка глобальной бережливой стратегии. Она обязательно должна быть связана с ростом размеров фирмы за счет покупки небольших предприятий, производящих продукты того же типа (чтобы увеличить широту ассортимента); выведение на рынок новых продуктов.

Бережливая стратегия может определяться также сокращением числа поставщиков, поскольку большинство проблем фирм связано именно с ними. Во-первых, это ориентирует на максимальное «опускание» поставщиков в цене [3]. И, во-вторых, это нацеливает оставшихся поставщиков на улучшение своей работы в рамках создаваемой фирмой культуры бережливого производства.

К числу видов паразитной деятельности, по-видимому, можно отнести и нерациональность власти менеджеров, что во многом определяет наличие излишних затрат. Реструктуризация в этом плане часто связана с усилением власти менеджеров по производству (в сравнении с властью инженеров-конструкторов). Благодаря этому на ряде фирм значительно сократились запасы и повысилось качество выпускаемой продукции.

Следует указать и на необходимость перестановок в высшем руководстве фирмы. Дело в том, что опыт работы в конкретной компании и существенная привязанность этих людей к «своей фирме» могут стать мощным тормозом для преобразований, основанных на изменении способа мышления [1]. Говоря иначе, речь в данном случае идет об изменении организационной культуры на предприятии и значимости этого процесса в качестве обратной связи в сфере перемен по линии бережливого производства. Обобщая, укажем также на философию бережливого производства, в основе которой лежит экономическое мышление менеджеров о возможности слияния потоков создания ценности на основе устранения паразитной деятельности и теории выталкивания.

Следует особо указать и на то, что культура бизнеса в разных странах отличается друг от друга (особенно в США, Германии). Но при всем этом есть «общие случаи» создания потока вытягивания, очищения от многих видов паразитной деятельности. Именно они прежде всего и определяют успех в деле бережливости производства. Причем для достижения успеха не всегда нужны огромные финансовые вложения или технологические «прорывы», но непременно необходим хорошо организованный процесс управления, построить который может любая фирма (была бы только воля руководства и желание реализовать задуманное, несмотря на сопротивление).

С позиций мониторинга культурного пространства промышленной организации интерес представляет и работа «Корпоративная культура и PR» [2]. В условиях перехода к постиндустриальной цивилизации, когда доминирующим производственным ресурсом становится информация, знания и высокие технологии, как отмечают авторы, человеческие ресурсы приобретают стратегическое значение и статус измерителя экономического успеха современной креативной корпорации. Сущностной чертой последней выступают партнерские отношения двух сторон – управляющих и управляемых (принципалов и агентов по терминологии институциональной экономики).

В таблице 1 представлены принципиальные отличия современной (креативной) корпорации от традиционного акционерного предприятия. По мнению исследователей, им свойственны два вида культуры: организационная и корпоративная.

Сравнительная характеристика традиционного акционерного предприятия и креативной корпорации [2]

Таблица № 1

Традиционное (адаптивное) предприятие	Современная (креативная) корпорация
Хозяйственная единица для создания конечного продукта	Социоэкономическая система для развития личности ее создателей и творческой самореализации работников
Ориентирована на существующие потребности рынка (текущая хозяйственная конъюнктура)	Ориентирована на формирование новых потребностей рынка в рамках узкой специализации
Максимизация прибыли как единственная цель и измерение достижений	Прибыль является главной целью, но растет осознание социальных целей (многоцелевая удовлетворенность) и социальных результатов
Адаптация к внешней среде. Универсальный упор на выгодные эффективные экономические достижения	Постоянное преобразование на основе внутренних источников финансирования развития и прогресса
Экономическая мотивация	Упор на выгодность, эффективность и удовлетворение участников
Сведение общественных ожиданий от предприятия к производству материальных ценностей и услуг	Неэкономическая мотивация. Общество ожидает от предприятия обращения к проблемам качества жизни в широком смысле
Подход к деятельности правительства с позиций невмешательства	Понимание роли правительства в соответствии с общественными целями

Сравнительная характеристика традиционного акционерного предприятия и креативной корпорации [2]

Таблица № 1 (продолжение)

Традиционные ценности:	Современные ценности:
дисциплина	самореализация
послушание	участие
иерархия	команда
достаточность	инициатива, творчество
власть	децентрализация
достижение	самосостоятельность
надежность	гибкость
организационная культура	корпоративная культура

Первая базируется на философии контракта, заключаемого с работниками (через менеджеров) и самими менеджерами с акционерами. Последние – в случае удачи – получают главный выигрыш в виде прибыли.

Вторая базируется на философии общей судьбы (связанного роста). Она определяется тем, что интересы работников и потребителей (общественность) столь же важны, как интересы акционеров. Речь идет о сотрудничестве, системе доверия и согласованных действий, что во многом определяется высокой культурой корпоративного менеджмента, основывающейся на политике соучастия (совпадения ценностей корпорации и персонала в пределах трудового процесса).

Появление такого рода философии, возникшей в условиях роста значимости информационного ресурса по сути означает второй виток менеджерской революции. Об этом свидетельствует и тот факт, что в нашей стране все активнее пропагандируется тезис о реструктуризации власти в системе менеджмента, необходимость которой определяется демократизацией общественной жизни.

В экономически развитых странах такая реструктуризация также продолжается. Речь идет о дальнейшей трансформации принципов жизнедеятельности организации, способов производства в сторону мобилизации творчества, все большем использовании неэкономических мотивов и стимулов (как обязательном условии эффективных управленческих процессов). Это особенно наглядно видно на примере иностранных корпораций, имеющих свои подразделения в нашей стране. Именно на их примерах можно проследить, как складываются корпоративные отношения, характеризующиеся единством ценностей, норм, правил, ритуалов поведения и общения.

Управление корпоративной культурой основывается на PR-деятельности, организационные структуры которой являются своего рода посредниками во взаимодействии корпорации и социальных организаций. Благодаря этому обеспечивается развитие прочных связей между ними (и уже на этой базе формируется синергетический эффект деятельности креативной корпорации).

В этом случае важна гармонизация ожиданий стратегических изменений и корпоративной, или управленческой, культуры в рассматриваемой фирме.

Рационализация управленческой (менеджерской) деятельности, практических шагов по устранению паразитной деятельности и соответствие получаемого эффекта ожиданиям в таких системах выступают как маркеры на пути достижения заявленных целей. Следует особо отметить пролонгированный характер происходящих изменений при сохранении единства в оценке результатов представителями различных структур. Такого рода ожидания в реальных условиях не всегда реализуются вследствие широкого спектра внешних воздействий, но в системах с определенной внутренней свободой в реализации запланированного действия их осуществление вполне реально.

1. Вумен Дж. Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. Пер. с англ. / Дж. Вумен, Д. Джонс. – М. : Альпина Бизнес Букс, 2004. – 473 с.
2. Капитонов Э. А. Корпоративная культура и PR: Учебно-практическое пособие. / Э. А. Капитонов. – М. : МарТ / Ростов : ИЦ МарТ, 2003. – 416 с.
3. Леготин Ф. Я. Техническая политика предприятия. / Ф. Я. Леготин. – Екатеринбург : УрГЭУ, 2008. – 316 с.
4. Хмелевский К. А. Теоретико-методические основы процесса культурной трансформации в корпорациях / К. А. Хмелевский: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 Москва, 2006. – 22 с.

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ ДОХОДАМИ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА

УДК 330.564.4.012.23

Т. А. ЕГОРОВА

Состояние налогово-бюджетных отношений и процессов значительно осложняется тем обстоятельством, что бюджетная (фискальная) политика государства не изолирована от кредитно-денежной, социальной, экономической (промышленной), инвестиционной, инновационной и др. Все виды политики государства и муниципальных образований входят в соответствующие стратегии как инструменты их реализации.

Согласно ст. 152 Бюджетного кодекса Российской Федерации, к участникам бюджетного процесса относятся Президент Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, глава муниципального образования; законодательные (представительные) органы государственной власти и представительные органы местного самоуправления; исполнительные органы государственной власти (исполнительно-распорядительные органы муниципальных образований); Центральный банк Российской Федерации; органы государственного (муниципального) финансового контроля; органы управления государственными внебюджетными фондами; главные распорядители (распорядители) бюджетных средств; главные администраторы (администраторы) доходов бюджета; главные администраторы (администраторы) источников финансирования дефицита бюджета; получатели бюджетных средств.

Как видно из определения состава участников бюджетного процесса, а эта статья на протяжении 13 лет с момента принятия Кодекса и его первой редакции не менялась, нижняя граница субъектов (участников) бюджетных правоотношений ограничивается бюджетным предприятием (организацией) как получателем бюджетных средств, верхняя граница – Президентом Российской Федерации. По существу из бюджетного процесса «выпадают» два базовых субъекта (участника) экономического кругооборота в национальной экономике – предприятия (фирмы) и домашние хозяйства, которые в качестве налогоплательщиков и потребителей общественных благ участвуют в бюджетно-налоговом процессе и в фискальной политике государства и местного самоуправления.

Фискальная политика и бюджетно-налоговый процесс охватываются категорией «проект» и носят системный характер; их функции, следовательно, состоят в том, чтобы поддерживать устойчивость государственных схем формирования доходов бюджета, не искажая стимулы экономического поведения основных участников бюджетно-налогового процесса, который по параметрам вполне соотносим с проектом, имеет базовые свойства проекта (уникальная цель, ограниченность во времени и ограничения по ресурсам).

Из распределения ролей участников формирования и реализации проекта (табл. 1) следует, что распределение полномочий и предметов ведения участников фискальной политики моделируется преобразованием ролей участников унифицированного проекта в статусы субъектов фискальной (бюджетно-налоговой) политики.

Следует учитывать такие обстоятельства государственного регулирования (в самой общей форме регулирование охватывает все виды политики, формирование и реализацию стратегии, национальных проектов и программ, планирование и прогнозирование национальной экономики), как сочетание в деятельности участников бюджетного процесса (особенно – в действиях всех администраторов доходов бюджета и источников финансирования дефицита бюджета) целей и правомочий принципалов или агентов других видов политики государства, например кредитно-денежной, промышленной, социально-экономической и т. п.

Обособление фискальной, бюджетно-налоговой политики от кредитно-денежной, промышленной, социально-экономической и др. политики требует четкого определения правомочий участников бюджетного процесса и фискальной политики. Согласно неоинституциональной теории агентства, все участники бюджетного процесса и бюджетно-налоговой политики делятся по статусу (статус в общей форме можно представить как единство или сочетание роли и функций) на две группы – принципалы и агенты, где принципал – это дове-

ритель, который одновременно и управляет, агент, соответственно, – исполнитель, совмещающий выполнение распоряжений (элементарный уровень агентства) и руководство (высший уровень агентства). В табл. 1 знак «→» обозначает конвертацию проектной роли в статус.

Структура ценностных предпочтений – жизненных целей

Таблица № 1

Конвертация проектной роли в статус	Функция конвертируемой роли	Определение статуса в налоговых схемах государства
1	2	3
«Инициатор», «Заказчик», «Инвестор» → главные администраторы налогов и финансирования дефицита бюджета (7 гос. организаций: Минфин РФ, Федеральное казначейство, Федеральная налоговая служба и др.)	Инициатор является носителем основной идеи проекта и инициативы по его реализации. Заказчик определяет основные требования и рамки проекта, обеспечивает финансирование проекта, несет ответственность за результаты проекта перед другими участниками проекта и обществом. Инвестор осуществляет финансирование проекта, осуществляет расчеты с другими участниками по мере выполнения проекта	Принципал
«Руководитель проекта» («проект-менеджер») → администраторы налогов и финансирования дефицита бюджета (территориальные органы главных администраторов (50-55 гос. организаций)	Руководитель проекта (индивид) несет ответственность перед заказчиком за достижение всех целей проекта. В отдельных крупных и сложных проектах за выполнение обязанностей руководителя проекта отвечает специально приглашенная управляющая фирма	Агент
«Команда проекта» → организации и службы главных администраторов (администраторов) налогов и финансирования дефицита бюджета	Совокупность действующих как единое целое участников проекта, которая обеспечивает под руководством проект-менеджера достижение целей проекта. Команда формируется в зависимости от потребностей проекта, опыта и квалификации персонала, а также от условий и организации проекта	Агент
«Контрактор» (подрядчик) и «субконтрактор» (субподрядчик) → непосредственные исполнители работ, а также исполнители работ по аутсорсингу	Контрактор может выступать как подрядчик (исполнитель работ), поставщик продукции, основных средств, ресурсов или консультант. Субконтрактор (субподрядчик) выступает как косвенный участник проекта и с проектом взаимодействует не напрямую, а через контрактора, с которым у него заключены договорные обязательства	Агент
Контрактор может выступать как подрядчик (исполнитель работ), поставщик продукции, основных средств, ресурсов или консультант. Субконтрактор (субподрядчик) выступает как косвенный участник проекта и с проектом взаимодействует не напрямую, а через контрактора, с которым у него заключены договорные обязательства	Юридическое или физическое лицо, являющееся покупателем или пользователем результатов проекта. Потребитель может быть конечным или промежуточным, выступая посредником	Принципал

Цель проектного управления федеральным бюджетом на стороне принципала – опираясь на принципы институционального проектирования, разработать институты в форме правил, стандартов, инструкций для основной схемы формирования доходов государственного бюджета, отраженной в федеральном законе РФ о государственном бюджете, Бюджетном и Налоговом кодексах и поправках к ним, которые позволили бы совмещать стимулы всех участников бюджетного и налогового процессов, согласовывать их поведение, не искажая предпочтений. Как следует из табл. 2, институциональные факторы в процессе реализации стратегии проектно-ориентированного управления формированием доходов федерального бюджета ускоряют или замедляют процессы стабилизации на всех уровнях системы национальной экономики.

Институциональные факторы стратегии проектно-ориентированного управления формированием доходов федерального бюджета

Таблица № 2

Показатели	Институциональные факторы стратегии		
	Функция конвертируемой роли	Определение статуса в налоговых схемах государства	Определение статуса в налоговых схемах государства
1	2	3	4
Ресурсы: количество главных администраторов (администраторов) доходов бюджета	Нормы Налогового и Бюджетного кодексов РФ	Правоприменительная практика норм	Разработка ведомственных программ и целевых показателей

Институциональные факторы стратегии проектно-ориентированного управления формированием доходов федерального бюджета Таблица № 2 (продолжение)

Работы: *1) эластичность доходов по затратам;* *2) собираемость налогов;* *3) рентабельность активов государственного имущества*	Разработка норм, институциональное проектирование	Администрирование налоговых и неналоговых доходов	Выявление нарушителей налоговой и бюджетной дисциплины, предупреждение нарушений
Результаты: *1) абсолютный: снижение задолженности;* *2) относительный:* *a. Удельный вес доходов к ВВП; b. Эластичность налоговых поступлений по ВВП*	Эффективный институциональный механизм стабилизации	Результативность правоприменительной практики	Прозрачность процессов бюджетно-налоговой системы
Риски: *Среднее квадратическое отклонение (измеритель степени изменения возможных результатов относительно их среднего значения)*	Макро-, мезо- и микроэкономическая дестабилизация системы как негативные следствия неэффективных норм	Непропорциональный рост налогового бремени, критическое искажающее действие налогов и сборов	Массовый оппортунизм налогоплательщиков, разрушение института налогового контроля

Институциональные факторы реализации стратегии проектно-ориентированного управления формированием доходов федерального бюджета, представленные институтами регулирования, администрирования и контроля, логично представить в качестве элементов структуры другого и более общего института – института социально ответственного управления государственными финансами. В системе субъектов стабилизационной политики государства институт социально ответственного управления формируется и реализуется Министерством финансов РФ.

Правовые факторы стратегии проектно-ориентированного управления формированием доходов федерального бюджета представляют необходимые элементы дискреционного бюджетирования доходов и расходов. С позиций бюджетирования эффективность правовых факторов стабилизационной политики может быть измерена совокупностью показателей ресурсов, работ, результатов, рисков, которые представлены в табл. 3.

Правовые факторы стратегии проектно-ориентированного управления формированием доходов федерального бюджета Таблица № 3

Показатели	Правовые факторы стратегии		
	Налог на добавленную стоимость (НДС)	**Налог на прибыль**	**Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ)**
1	2	3	4
Ресурсы	Снижение ставок или применение нулевой ставки, рассрочка платежей по налогу до 3 месяцев	Снижение ставки по налогу	Снижение ставки по налогу
Работы	Прогноз доходной части трехлетнего бюджета; разработка среднесрочных бюджетных проектировок	Прогноз доходной части трехлетнего бюджета; разработка среднесрочных бюджетных проектировок	Прогноз доходной части трехлетнего бюджета; Разработка среднесрочных бюджетных проектировок
Результаты	Уровень налоговой нагрузки по НДС на экономику, % к ВВП (ВНП)	Уровень налоговой нагрузки по налогу на прибыль на экономику, % к ВВП (ВНП)	Уровень налоговой нагрузки по НДПИ на экономику, % к ВВП (ВНП)
Риски	Среднее квадратическое отклонение фактических значений показателей от средних	Среднее квадратическое отклонение фактических значений показателей от средних	Среднее квадратическое отклонение фактических значений показателей от средних

Исследования экономических и социально-экономических противоречий в реализации доходной бюджетной политики Федерации в последние (докризисные) годы явно отставали от запросов теории и практики управления. С наших позиций предлагаемые новации в Налоговый и Бюджетный кодексы России с 2007 года и особенно в 2008–2009 годах не смогли обойти эти противоречия, поэтому законодательная разработка изменений и дополнений в кодексы направлена в первую очередь на их оптимальное решение.

В развитии законодательства бюджетной и налоговой сфер следует видеть, с одной стороны, оптимальное разрешение накопившихся экономических и социально-экономических

противоречий, а с другой — развитие и совершенствование основ фискальной политики российского государства. Совершенствование правовых основ бюджетно-налоговой системы и политики представляет существенный элемент стратегии проектно-ориентированного управления доходами и расходами государственного бюджета. По социально-экономическому содержанию стратегия проектно-ориентированного управления бюджетной политикой Федерации должна решать совокупность взаимосвязанных противоречий российского общества (табл. 4).

Типология противоречий субъектов (участников) бюджетно-налоговой системы (БНС) и фискальной политики в РФ

Таблица № 4

	Федеральный центр	**Субъекты федерации**	**Муниципалитеты**	**Бюджетные учреждения**
Федеральный центр	Конфликт ветвей государственной власти федерального уровня	Конфликт ветвей государственной власти по вертикали. Конфликты интересов групп административных элит	Конфликт видов власти – социально политической и политической государства	Бюджетный оппортунизм
Субъекты Федерации	Искажение предпочтений стимулами схемы БНС	Конфликт ветвей государственной власти по горизонтали. Конфликты интересов групп административных элит субъектов Федерации	Конфликты интересов групп административных элит субъекта федерации и МСУ	Бюджетный оппортунизм
Муниципалитеты	Оппортунизм. Разнонаправленность интересов	Оппортунизм. Разнонаправленность интересов	Оппортунизм. Эффекты «безбилетника» и дихотомии «заключенного»	Бюджетный оппортунизм
Предприятия	Разнонаправленность интересов. Искажение предпочтений стимулами схемы БНС. Оппортунизм	Оппортунизм	Оппортунизм. Разнонаправленность интересов	Разно-направленность интересов
Домашние хозяйства	Оппортунизм. Эффекты «безбилетника»	Оппортунизм	Оппортунизм. Эффекты «безбилетника»	Разно-направленность интересов

Обобщенно их можно обозначить следующим образом: это противоречия между Центром и регионами, а также между муниципалитетами и государством в рамках институтов «административного торга»; между производителями и потребителями товаров и услуг как налогоплательщиками; между налогоплательщиками (предприятиями и домашними хозяйствами), государством и муниципальной властью. Основаниями типологизации противоречий субъектов бюджетно-налоговой системы, бюджетной (фискальной) политики являются один экзогенный и один эндогенный параметры функционирования и развития бюджетно-налоговой системы. К экзогенному параметру типологии относятся доходы государственного федерального бюджета, к эндогенному — расходы государственного федерального бюджета.

Опираясь на теоретические основы эконометрики, будем считать доходы частью входных объясняющих переменных (экзогенные переменные), вторая часть входа бюджетно-налоговой системы — скрытые (латентные) переменные с определенными вероятностными свойствами (рис. 1). Расходы здесь представляют выход бюджетно-налоговой системы — внутренние (эндогенные) переменные.

Общая схема прямых и обратных связей в бюджетно-налоговой системе РФ

Рисунок № 1

где S – регулируемая система; X = (x1, x2, ..., xm) – вектор входа; У = (y1, y2, ..., yn) – вектор выхода; R – регулятор системы (налоговые ставки, таможенные тарифы, институты); ∂y – величина отклонения текущего состояния выхода от нормативного (∂y = Унорм. – Утек.); ∂x – величина поправки входа системы S от регулятора R с тем, чтобы ∂y = Унорм. – Утек. → 0. Отсюда, согласно основной теореме регулирования, состояние выхода регулируемой системы S, представляющего расходы бюджетно-налоговой системы РФ, осуществляемые участниками бюджетных правоотношений, можно записать:

$$Y = \frac{S}{1-SR} X. \quad (1)$$

или, преобразуя равенство (1) в равенство (2),

$$Y = \frac{1}{1-SR} SX. \quad (2)$$

Первый сомножитель в правой части $\frac{1}{1-SR}$ выражает обратную связь в системе регулирования R, его следует назвать мультипликатором (оператором) обратной связи, аналогичным мультипликатору Дж. М. Кейнса в макроэкономической теории, второй сомножитель SX в правой части равенства (2) отображает работу регулируемой бюджетно-налоговой системы. Соответственно, умножение мультипликатора $\frac{1}{1-SR}$ на SX преобразует работу бюджетно-налоговой системы в оптимальный режим при условии, что $R \neq 0$.

Развитие методологии, следовательно, в определенных чертах как совпадает, так и отличается от развития реальных экономических объектов. Развитие реальных экономических объектов имеет свойства, которые отличаются онтологическими характеристиками от идеальных объектов, представленных в системе научного знания. В отношении экономической реальности следует указать на такие её свойства, как вероятностный, неопределенный характер существующих тенденций и законов, независимость от научного и управленческого мышления, материальный характер процессов, протекающих в экономическом объекте, системность, целостность, иерархичность. Развитие реальных объектов подчиняется материальным законам и тенденциям.

Напротив, развитие объектов, составляющих содержание методологии (общие принципы, положения, методы, проблематика, которые можно отнести к идеальным, или абстрактным, объектам), подчиняется логико-гносеологическим законам. Материальные законы и тенденции выражают норму реальных процессов в экономике, тогда как логико-гносеологические законы выражают норму идеальных (абстрактных) объектов любой научной методологии и всевозможных теорий.

Основой развития методологии оценки эффективности может, а в каких-то случаях и должен стать синергетический подход, включающий в качестве категорий (ключевых элементов) теории развития экономической системы понятия положительной и отрицательной обратной связи, а также их взаимодействия. Если отрицательная обратная связь – предмет постоянного внимания исследователей, и научная методология здесь четко сформирована, то положительная обратная связь на всех уровнях функционирования системы изучена недостаточно и представляет собой перспективное направление теоретико-методологических исследований в экономике общественного сектора и теории государственных финансов. Большого внимания заслуживает возможная математизация взаимодействия всех прямых и обратных, внутренних и внешних связей развития на основе синергетической парадигмы.

Разработка социально-ориентированной налоговой системы предполагает, что в основе организации бюджетного процесса должны лежать строго определенные принципы налогообложения; будучи предельно точными и ясными они составят фундамент налоговой системы России. На их основе необходимо определить стратегические цели налогообложения, налогового планирования и бюджетного процесса. С другой стороны, существует показатель структурно-функционального разнообразия и завершенности налоговой системы. Из всего набора функций налогов индустриально развитых стран наиболее существенной становится регулирующая функция и две ее модификации – стимулирующая и сдерживающая, которые способствуют эффективному политико-правовому и социально-экономическому регулированию роста общественного благосостояния.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ НА ОСНОВЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АНАЛИЗА ФИНАНСОВЫХ ПОТОКОВ СОВОКУПНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА

УДК 65.011.4 + 658.15

Р.И. КАНТОР, А.Н. АРТЁМОВА

Стратегической задачей развития Российской Федерации является смена экономической модели страны с сырьевой на инновационную, повышение эффективности работы органов власти и улучшение качества жизни россиян. Новые целевые установки, определенные в данной стратегии, ориентация как на качественные, так и на количественные результаты развития требуют нового взгляда на оценку эффективности функционирования и развития экономики всех уровней: федерального, регионального, уровня предприятия.

К текущему времени известны различные подходы к моделированию развития региона, включая рассмотрение региона как социально-экономической системы, как квазигосударства, квазикорпорации, рынка, участника интернационализации и глобализации и др. [1, с. 3]. Нам представляется целесообразным в качестве базовой использовать модель региона как социально-экономической системы, а в качестве сопряженной – модель региона как квазикорпорации. При этом в контексте анализа эффективности управления функционированием и развитием региональной экономики актуальным и полезным является использование современных технологий и инструментов корпоративного менеджмента, хорошо зарекомендовавших себя в рыночных условиях хозяйствования. Таким инструментом, в частности, выступает анализ финансовых потоков, позволяющий определить эффективность региональной экономики на основе оценки достаточности средств для осуществления основной деятельности совокупности предприятий региона. Использование результатов данного вида анализа региональными органами управления в качестве критерия оценки эффективности функционирования региона позволит разрабатывать более обоснованную стратегию развития на перспективу с учетом специфики деятельности и потребностей совокупности предприятий региона как основополагающего базиса региональной экономики.

Анализ состава ресурсов, затрат и результатов (рис. 1), проводимый на уровне региона и предприятия на основе системы национальных (региональных) счетов со стороны региона и нормативов бухгалтерского учета со стороны предприятия позволил выявить идентичность механизма формирования первичных финансовых результатов (выпуска товаров, продукции, услуг на уровне региона и выручки от продаж на уровне предприятия), а также схожесть механизма формирования промежуточного финансового результата (ВРП – на уровне региона и маржинального дохода – на уровне предприятия). Более того, схожесть элементов затрат региона и предприятия обусловливает схожесть механизма формирования конечного финансового результата – прибыли.

Механизм формирования финансовых результатов региона и предприятия

Рисунок № 1

Уровень субъекта хозяйствования	Ресурсы	Затраты		Результаты
Регион	Природные ресурсы. Трудовые ресурсы. Территориальные и фондовые ресурсы	Материальные затраты	⊖	Выпуск товаров, продукции
		Амортизация	⊖	= ВРП
		Косвенные налоги	⊖	= ВРП
				= Региональный доход

Механизм формирования финансовых результатов региона и предприятия

Рисунок № 1 (продолжение)

Предприятие	Оборотные фонды Трудовые ресурсы Основные фонды	Материальные затраты Затраты на оплату труда Отчисления Амортизация Прочие	⊖ ⊖	Выручка без НДС = Маржинальный доход = Прибыль

При этом анализ абсолютных величин показателей выпуска продукции и выручки от реализации по совокупности предприятий Челябинской области позволил сделать вывод, что данные величины – являются величинами одного порядка (табл. 1).

Анализ финансовых результатов региона и совокупности предприятий на примере Челябинской области

Таблица № 1

Показатель	2007 г.	2008 г.
1. Выпуск товаров и услуг, млн руб.	1214546,0	1553078,0
2. Выручка от реализации по совокупности предприятий, млн руб.	1332910,6	1574421,3
3. Коэффициент соотношения показателей (1/2)	0,911	0,986

Таким образом, отклонение показателей составляет от 8,9% в 2007 году до 1,4% в 2008 году. Отклонения вызваны, по нашему мнению, различными источниками формирования статистической информации. На основании идентичности механизма формирования финансовых результатов делаем заключение о равной значимости для оценки эффективности функционирования и развития субъекта хозяйствования механизма формирования финансовых потоков как на уровне предприятия, так и на уровне региона.

В процессе осуществления деятельности предприятий происходит постоянный кругооборот капитала, вложенного в активы предприятия. В процессе кругооборота капитал меняет свою форму. Первоначально в денежной форме, инвестируясь в активы предприятия (внеоборотные и оборотные), капитал приобретает материальную форму (средства и предметы труда). В процессе производства продукции предметы труда преобразуются в готовую продукцию, то есть приобретают товарную форму, после чего реализуются. При реализации на условиях кредита капитал временно находится в форме обязательств (дебиторской задолженности), после инкассации которой вновь приобретает денежную форму.

При этом потоки капитала, инвестированного во внеоборотные активы, и доходы от данных инвестиций формируют финансовые (денежные) потоки по инвестиционной деятельности. Как правило, это дефицитные потоки средств, связанные в условиях развития производства с расширением, обновлением основных фондов и их модернизацией.

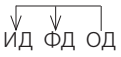
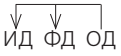
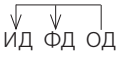
Капитал (за исключением кредитов), формирующий неденежные оборотные активы, характеризует оттоки средств по основной деятельности, а возврат средств в виде денежной выручки от продажи товаров и суммы инкассации дебиторской задолженности формирует приток средств по основной деятельности. В условиях прибыльного производства основная деятельность должна генерировать положительный чистый денежный поток, которого должно быть в идеале достаточно для расширения производства, то есть финансирования инвестиционной деятельности.

Капитал, привлекаемый для целей расширенного развития, или при условии нехватки средств по основной деятельности, в виде долго- и краткосрочных кредитов, а также дополнительной эмиссии акций формирует приток средств по финансовой деятельности, а погашение ранее взятых кредитов – формирует отток средств по финансовой деятельности.

Варианты перетока капитала из одной сферы деятельности в другую многообразны, но группируются в шесть типов формирования денежных потоков, представленных в табл. 2 [2].

Типы формирования финансовых потоков

Таблица № 2

Оценка, балл	Тип региона	Трактовка	Схема потоков
+3	А	Финансирование инвестиционной и финансовой деятельности осуществляется за счет основной деятельности	
+2	Б	Финансирование инвестиционной деятельности осуществляется за счет основной и финансовой деятельности	
+1	В	Финансирование инвестиционной деятельности осуществляется за счет основной и финансовой деятельности	
–1	Г	Финансирование инвестиционной деятельности осуществляется за счет основной и финансовой деятельности	ИД ФД ОД
–2	Д	Финансирование инвестиционной деятельности осуществляется за счет основной и финансовой деятельности	ИД ФД ОД
–3	Е	Финансирование инвестиционной деятельности осуществляется за счет основной и финансовой деятельности	ИД ФД ОД

В качестве идентификаторов, используемых в табл. 2, приняты:

ОД – основная (операционная); ИД – инвестиционная; ФД – финансовая деятельность.

Представим более детальную характеристику данных вариантов.

1. Финансирование инвестиционной и финансовой деятельности осуществляется за счет основной деятельности. Вариант является оптимальным с позиции финансовой устойчивости, поскольку позволяет избежать использования таких источников финансирования, как кратко- и долгосрочные кредиты; как правило, встречается на высокоприбыльных предприятиях, осуществляющих равномерное развитие основных фондов, без их масштабной замены. Более того, средств по основной деятельности достаточно для погашения ранее взятых кредитов и выплаты существенных объемов дивидендов. Вариант может означать отсутствие возможности развития, в особенности на рынках с ограниченным объемом потребления производимого продукта (например, рынок скоропортящихся продуктов питания, когда потребность в конкретной продукции предопределена объемом потребителей на данной территории).

2. Финансирование инвестиционной деятельности осуществляется за счет основной и финансовой деятельности. Данный вариант является наиболее распространенным. Незначительные инвестиции финансируются за счет избытка средств по основной деятельности, значительные – за счет привлечения внешних (кредитных) источников финансирования. Вариант подразумевает рентабельные условия хозяйствования, поскольку именно они предопределяют положительный чистый денежный поток по основной деятельности и возможность получения кредитов.

3. Финансирование выплат по финансовой деятельности осуществляется за счет основной и инвестиционной деятельности. В условиях необходимости погашения ранее взятых кредитов предприятие изыскивает возможность для их погашения за счет как положительного чистого денежного потока по основной деятельности, так и за счет превышения поступлений над выплатами по инвестиционной деятельности. Последнее возможно в случае несущественных объемов инвестиций и получения дохода (в том числе и от реализации) ранее приобретенных объектов инвестиций (долгосрочных ценных бумаг, дивидендов по вкладам в уставные капиталы других предприятий). Раз-

витие инвестиционной деятельности с целью получения доходов в виде дивидендов рассматривается в качестве нетипичной деятельности, которая возникает в случае отсутствия возможности вложения временно свободных денежных средств в основную деятельность (при ограничении возможностей ее роста).

4. Финансирование основной и инвестиционной деятельности осуществляется за счет финансовой деятельности. Вариант, реализуемый в условиях временного убытка по основной деятельности, который не является критерием для приостановки инвестиций в развитие данного производства. Предприятия, реализующие данный вариант, как правило, достаточно стабильно работали в предшествующие периоды, что позволило им обратиться за кредитным финансированием, и оно было получено.

5. Финансирование основной деятельности осуществляется за счет инвестиционной и финансовой деятельности. Вариант, реализуемый убыточными предприятиями либо предприятиями, ведущими нерациональную политику управления оборотным капиталом, выражающуюся в чрезмерном наращивании производственных запасов и дебиторской задолженности, что ведет при ограничении роста кредиторской задолженности к потребности в дополнительном кредитном финансировании или продаже ранее приобретенных объектов инвестиций. В долгосрочной перспективе вариант может привести к существенному ухудшению финансовой устойчивости и банкротству предприятия.

6. Финансирование основной и финансовой деятельности осуществляется за счет инвестиционной деятельности. Худший вариант, когда на фоне убыточной основной деятельности требование погашения ранее взятых кредитов вынуждает предприятие прибегать к распродаже части внеоборотных активов. При длительном следовании данному режиму формирования финансовых потоков предприятие рискует остановкой производственного процесса и ликвидацией предприятия.

Рассмотрим пример проведения анализа формирования финансовых потоков на примере регионов УрФО (табл. 3).

Так, Свердловская область в период с 2003 по 2010 г. существенно улучшила свое положение. В 2003 году процесс формирования финансовых потоков характеризовался типом «Г» и был оценен на -1 балл, то есть дефицит средств по основной деятельности в объеме 11687,6 млн руб. и по инвестиционной деятельности в объеме 17739,8 млн руб. покрывался только за счет поступлений по финансовой деятельности в объеме 34697,2 млн руб. За счет нее же происходил прирост остатков денежных средств совокупности предприятий региона, формирующий чистый денежный поток в объеме 5269,8 млн руб. Начиная с 2004 года место региона повышается до типа «Б», а его оценка до +2 баллов. В эти периоды инвестиции обеспечиваются как за счет превышения поступлений над выплатами по основной деятельности, так и по финансовой. Например, в 2010 году потребность в инвестициях в объеме 183386,3 млн руб. покрыта на 147896,2 млн руб. или 80,6% за счет основной деятельности и на 35490 млн руб. или 19,4% за счет финансовой деятельности. Еще 20644 млн руб., полученных по финансовой деятельности, формируют чистый денежный поток совокупности предприятий региона. В целом за 8 исследованных периодов тип Свердловской области – «Б», оценка +2 балла. Потребность в инвестициях за 8 лет равна 851452 млн руб. и покрыта на 283744,2 млн руб., или 33,3% за счет основной деятельности, и на 567798 млн руб., или 66,7%, за счет финансовой деятельности. Еще 60307,1 млн руб., полученных по финансовой деятельности, формируют восьмилетний чистый денежный поток совокупности предприятий региона.

Положение Челябинской области меняется чаще. Так, в 2003 году финансирование дефицита средств по основной деятельности (17155,4 млн руб.) происходило как за счет поступлений по инвестиционной, так и по финансовой деятельности в объемах 5067,9 и 12087,5 млн руб. соответственно Еще 1096,7 млн руб. средств от финансовой деятельности направлялось на формирование чистого денежного потока совокупности предприятий региона. То есть в 2003 году процесс формирования финансовых потоков Челябинской области характеризовался типом «Д» и получил оценку -2 балла. В 2004 году Челябинская область улучшила свое место до типа «Г», в 2005 году – до лучшего из возможных вариантов – типа «А», когда финансирование инвестиций (11702,7 млн руб.) и возврат ранее взятых кредитов (в сумме 48420,8 млн руб.), а также формирование чистого денежного потока в объеме 3433,1 млн руб., осуществляется за счет превышения поступлений над выплатами по основной деятельности (ЧДПо = 63556,7 млн руб.). В 2006, 2007 г. место Челябинской области стабилизируется на типе «Б», но в 2008 – кризисном – году ухудшается до типа «Г», что характерно и для всех прочих регионов УрФО.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ РОЗНИЧНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЛОГИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

УДК 658.7

Т. И. БУХТИЯРОВА, Е. В. ФЕДОРОВА

Организация товародвижения розничных предприятий определяется уровнем развития производственного потенциала общественной системы, экономической ситуацией в стране, степенью развития розничной торговли.

Указанные обстоятельства повлекли за собой изменения подходов к решению проблемы организации товародвижения розничных предприятий: принципиально меняются содержание и формы организации товародвижения розничных предприятий, технологическая цепь процесса товародвижения.

Данная проблема требует научно-теоретического и научно-практического исследования. Проведенный монографический обзор по вопросам содержания «товародвижения розничных предприятий» определил множество позиций по проблеме содержания товародвижения, системы управления процессом товародвижения, организации товародвижения и т. д.

Так, М. С. Гарнова [1, с. 12] рассматривает содержание товародвижения исключительно с позиции системного подхода, представляя его в качестве сложной системы управления процессом доведения товаров от предприятий-изготовителей до ее потребителей — населения, внерыночных потребителей. Данная трактовка позволяет рассматривать товародвижение как единую систему, что является основным принципом логистического подхода. В данном случае целью является обеспечение наиболее полного удовлетворения населения и других потребителей в товарах с минимальными народнохозяйственными затратами, связанными с доведением товаров до потребителей. С данной позицией мы согласны, поскольку, на наш взгляд, она согласована с принципом логистического подхода.

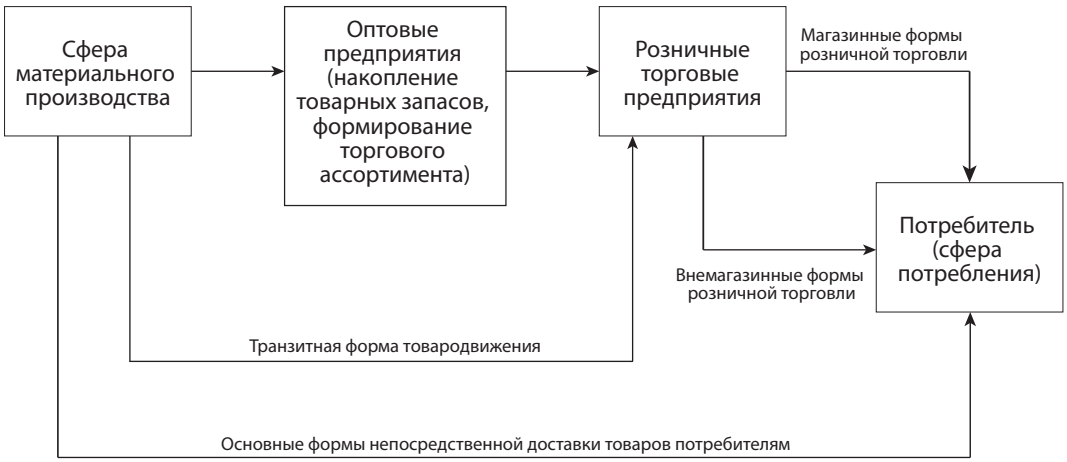
В целом, соглашаясь с позицией М. С. Гарновой, на наш взгляд наиболее полное отражение сущности товародвижения в трактовке О. Б. Кацуба. Автор рассматривает товародвижение как объективно необходимый процесс воспроизводства, тем самым связывает организацию товародвижения не только с физическим перемещением грузов от производства до потребителя, но и с переработкой информации [2, с. 35]. Система информационно-аналитического обеспечения товародвижения является объективно необходимой и объективно обусловленной современными условиями хозяйствования, что определяет важность вопросов, рассматриваемых О. Б. Кацуба.

Процесс товародвижения О. Б. Кацуба разделяет на две системы: технологическая система, представляющая материально-вещественный поток товаров, и кибернетическая система, представляющая собой потоки и процесс переработки экономической (коммерческой) информации. Вопрос практической значимости представленной позиции не вызывает возражений, поскольку применение логистического подхода в организации товародвижения розничных предприятий позволит сократить расходы и обеспечить высокий уровень логистического сервиса.

В организации товародвижения розничных предприятий с использованием логистического подхода особый интерес представляет технологическая цепь товародвижения, которую представляет О. Б. Кацуба, оперируя совокупностью технологических операций. Схема технологической цепи товародвижения рассмотрена на рисунке 1. В основу технологической цепи положено товародвижение не только розничных торговых предприятий, но и товародвижение внемагазинных форм розничной торговли, что представляет интерес как с теоретической, так и с практической точки зрения.

Схема технологической цепи товародвижения [2, с. 37]

Рисунок № 1



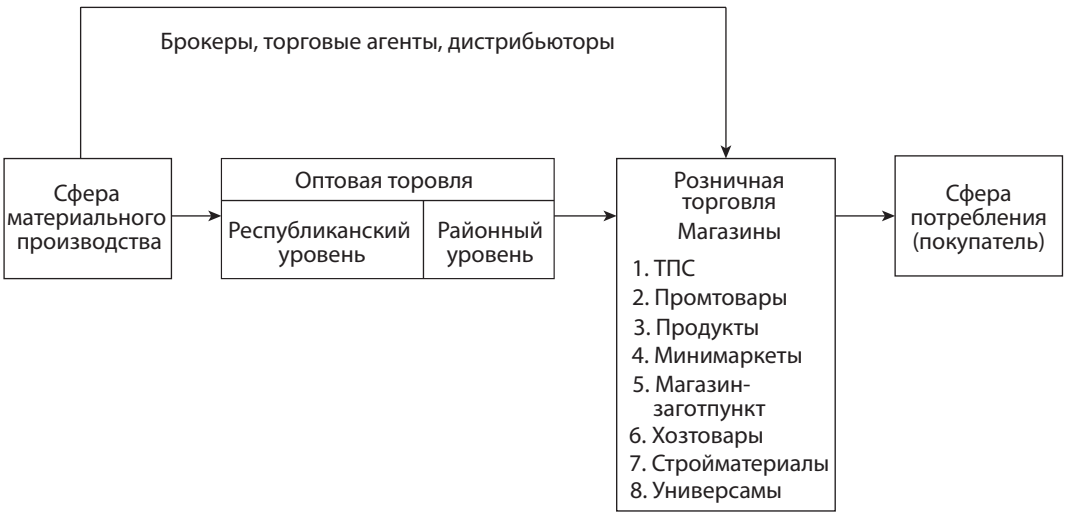
Вопросы формирования схемы технологической цепи рассматривают и другие авторы [1, с. 18] – рисунок 2.

Хотелось бы отметить факт, что в представленной технологической цепи экономически целесообразным считается товародвижение через складскую сеть и исключается транзитная форма товародвижения. Данная технологическая цепь является объективно необходимой для розничных торговых предприятий, находящихся вне зон деятельности производителей, а также реализующих товары сложного ассортимента.

Предложенная схема может быть уточнена, поскольку организация товародвижения розничных предприятий определяется большим количеством элементов, которые не отражены в представленной М. С. Гарновой схеме.

Схема технологической цепи товародвижения розничных предприятий

Рисунок № 2

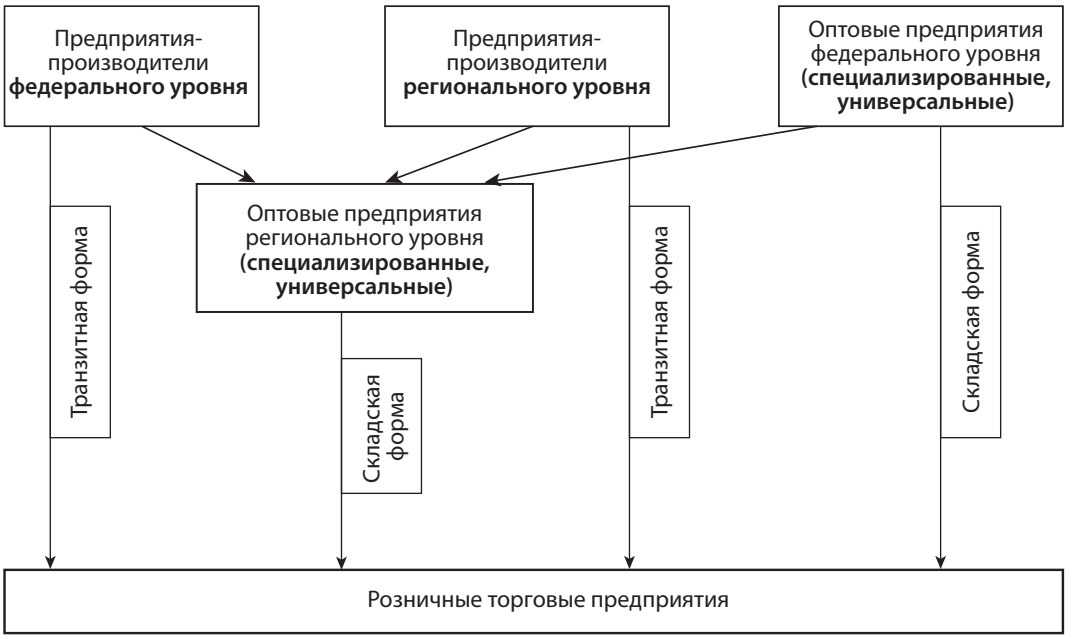


В целом, соглашаясь с перечнем технологических операций в рассмотренных технологических цепях товародвижения необходимо уточнение его составляющих применительно к организации товародвижения розничных предприятий.

На наш взгляд, рассматриваемая схема может быть уточнена следующим образом (рисунок 3).

Схема технологической цепи товародвижения розничных предприятий

Рисунок № 3



Основу процесса товародвижения розничных предприятий составляет физическое перемещение грузов от производства до потребителя, сопровождающееся целым рядом необходимых логистических функций транспортировки, хранения, обработки и отпуска товаров в различных звеньях товародвижения.

Практическая значимость предложенной схемы связана с возможностью рассматривать товародвижение розничных торговых предприятий на федеральном и на региональном уровне с использованием транзитной и складской формы товародвижения.

При снабжении розничных торговых предприятий товарами непосредственно с предприятий-производителей число поставщиков будет максимальным из всех возможных вариантов организации товародвижения. При движении товаров через склады специализированных по товарному признаку оптовых предприятий число поставщиков для каждого розничного предприятия уменьшается по сравнению с транзитной формой товародвижения (особенно для универсальных розничных предприятий или специализированных). При варианте товароснабжения через оптовые предприятия с универсальным ассортиментом товаров или с ассортиментом для определенных розничных предприятий количество источников товароснабжения будет наименьшим.

При изучении вопросов организации товародвижения розничных предприятий с использованием логистического подхода необходимо изучение фундаментальных принципов, которые выделяются авторами. Так, М.С. Гарнова [1, с. 23] к ним относит:

• экономическую самостоятельность предприятий, которая позволяет определять, какой продукт и в каком количестве производить и продавать;

• конкуренцию – продукт может быть предложен не одним предприятием; несколько производителей могут принять решение о производстве и продаже того же продукта;

• свободное ценообразование;

• принцип оплаты по труду – шанс на получение высокой заработной платы (для работающего или служащего) и прибыли (для

предпринимателя) является движущей силой рыночной экономики.

Соблюдение перечисленных принципов отражает значимость обеспечения высокой эффективности процесса товародвижения, но отсутствуют принципы оптимизации технологического процесса товародвижения, которые позволяют максимально сократить материальные затраты по доведению товаров до потребителей, что в рыночных условиях имеет первостепенное значение для розничных торговых предприятий.

Товародвижение розничных предприятий на современном этапе развития рыночных отношений отличается многообразием типов и форм организации. В связи с этим рассмотрение сущности товародвижения было бы неполным без уточнения типологии и форм организации товародвижения.

Так, наиболее содержательно Д. В. Стаханов [3, с. 21] различает девять основных классификационных признаков товародвижения, представленных в таблице 1. В данной классификации автор использует уже распространенные критерии (форма товародвижения, степень участия посредников, форма расчета, уровень сервиса), а также выявлены дополнительные критерии (характер регулирования, характер хозяйственных связей, виды рынков, масштаб распространения, форма представления).

Предложенные классификационные признаки подтверждают влияние формы и типа процесса на организацию товародвижения розничных предприятий, но каждый из них может быть самостоятельным вопросом для изучения.

Типология содержания и форм организации товародвижения в рыночной экономике [3, с. 21]

Таблица № 1

№ п/п	**Классификационный признак**	**Тип товародвижения**
1.	Форма товародвижения	транзитная складская
2.	Степень участия посредников	прямые эшелонированные смешанные
3.	Уровень сервиса	с частичным обслуживанием с комплексным обслуживанием
4.	По характеру регулирования	регулируемые государством саморегулируемые
5.	По характеру хозяйственных связей	прямые длительные хозяйственные связи краткосрочные хозяйственные связи спонтанные хозяйственные связи
6.	По видам рынков	рынок продукции производственно-технического назначения рынок товаров широкого потребления рынок услуг
7.	По формам расчетов	наличный оборот безналичный оборот бартер
8.	Масштаб распространения	локальный региональный национальный международный глобальный
9.	Форма представления	реальное виртуальное

Транзитная форма характеризуется отсутствием промежуточных звеньев в цепи товародвижения от производителя к потребителю. Складская форма товародвижения, напротив, предполагает наличие самых разнообразных коммерческих посредников, формирующих звенья логистической цепи товародвижения [3, с. 21]. Эти основополагающие позиции нами рассматриваются в качестве условий выбора формы товародвижения. Мы считаем, что организация товароснабжения розничных предприятий с использованием логистического подхода предполагает складскую форму товароснабжения, при которой наиболее

эффективно оптимизируется товарный ассортимент и повышается уровень логистического сервиса.

Общепринятым считается дифференциация форм товародвижения по степени участия посредников на прямое, эшелонированное и смешанное. Прямые формы товародвижения характеризуются физическим отсутствием посредников между поставщиками и потребителями; эшелонированные нередко включают самых разнообразных посредников, начиная с транспортных организаций и заканчивая консалтинговыми фирмами; смешанные предполагают сочетание прямых и эшелонированных форм товародвижения в процессе организации рыночных трансакций [3, с. 22].

В настоящее время компании стремятся оптимизировать процесс товародвижения за счет аутсорсинга отдельных логистических операций, таких как транспортировка, хранение, грузопереработка и др. В связи с этим эшелонированная форма товародвижения становится все в большей степени основным направлением развития взаимоотношений между рыночными субъектами. В основе аутсорсинга лежит идея специализации и разделения труда, это в свою очередь снимает часть логистических операций, как с производителя, так и с розничного предприятия, с одной стороны, с другой – повышает качество логистического обслуживания и сокращает торгово-технологический процесс по доведению товаров от производителя до розничного предприятия.

Аутсорсинг отдельных логистических операций позволяет высвободить финансовые и управленческие потоки и сосредоточить их на основных функциях производственных или розничных предприятий, которые обеспечивают им основные конкурентные преимущества. Проблема организации управления аутсорсингом логистических операций может и должна быть предметом самостоятельного изучения в решении комплексной проблемы организации товародвижения розничных предприятий с использованием логистического подхода.

В настоящее время в экономически развитых странах организация товародвижения имеет большую или меньшую степень сервисной поддержки, выделены две формы товародвижения с частичным обслуживанием и с комплексным обслуживанием клиентов [3, с. 22]. Данная типология организации товародвижения особо актуальна для логистических центров, которые классифицируются в зависимости уровня сервиса.

Повышение эффективности конкурентоспособности товарного рынка определяет необходимость взаимодействия государства и бизнеса в организации товародвижения. На рынке даже совершенной конкуренции нельзя обойтись без регулирующей роли государства в организации товародвижения. Крайней формой выражения регулирующей роли государства в организации товародвижения является фондирование и лимитирование ресурсов со стороны государства. По мере зрелости рыночных отношений происходит трансформация непосредственного государственного регулирования в механизмы саморегулирования товародвижения. Отсюда вполне допустимым считается выделение двух типов товародвижения: регулируемое государством и саморегулирование [3, с. 22].

В работе А. Ю. Никитаевой [4, с. 24] наиболее полно определяется важная роль государства в организации товародвижения, где отмечается, что «эффективное управление взаимодействием государства и бизнеса лежит в основе совершенствования государственного управления за счет обеспечения действия контура обратной связи и своевременного выявления реакции бизнес-сектора на управленческие воздействия государства, а также инкорпорирования потенциала бизнеса в стратегии экономического развития».

С позиции рассматриваемых вопросов дальнейшие исследования могут быть в части «теоретико-методологического аспекта целенаправленного управления межсекторными партнерскими отношениями», что, по мнению А. Ю. Никитаевой, реализует возможность применения «системно-нормативного подхода к управлению и повысить качество регулирующих воздействий государственных органов, обеспечивая возникновение положительного синергетического эффекта и повышение эффективности реализации стратегий, с одной стороны, и улучшение качества целеполагания и планирования (за счет получения более полной информации, институционализации новых управленческих подходов и методик, снижения неопределенности внешней среды, наращивания экспертного потенциала) – с другой» [4, с. 26].

Разнообразие форм товародвижения, если принять в расчет только срок действия хозяйственных связей можно свести в три группы: во-первых, это прямые длительные хозяйственные связи; во-вторых, это краткосрочные хозяйственные связи и, в-третьих, это разовые или спонтанные поставки товаров и услуг [3, с. 22].

Если рассматривать в качестве объекта рыночных трансакций продукцию производственно-технического назначения, товары широкого потребления и услуги, можно с полным основанием говорить об организации товародвижения соответственно на рынке продукции производственно-технического назначения, на рынке товаров широкого потребления и на рынке услуг (Д. В. Стаханов – [3, с. 23]).

Товародвижение, опосредованное наличными деньгами, можно определить как наличный оборот; опосредованное безналичной формой расчетов – как безналичный оборот и использующий различные формы взаимозачета – преимущественно бартер [3, с. 23]. В период экономического кризиса практическую значимость приобрели формы расчетов, возникающие в процессе товародвижения розничных предприятий. На наш взгляд, на этом этапе экономически целесообразными, а в некоторых экономических системах единственными, являются различные формы взаимозачета.

При организации товароснабжения розничных предприятий, когда в расчет принимаются в основном географические границы рынков, Д. В. Стаханов [3, с. 23] предлагает различать локальное товародвижение, ограниченное рамками муниципального образования; региональное товародвижение, охватывающее совокупность географически взаимосвязанных территорий; национальное товародвижение, которое преимущественно ограничивается рамками национальных образований; международное товародвижение, которое формируется на базе межгосударственного товарного обмена; глобальное товародвижение, которое охватывает практически все страны и континенты.

Автор уточняет [3, с. 23], что по мере развития информационных технологий товародвижения существенно меняется форма представления процесса товародвижения. Традиционная форма предполагает реальное физическое перемещение товаров и услуг, а на электронном рынке преимущественной формой товародвижения становится виртуальное товародвижение. Виртуальное товародвижение способствует значительному сокращению товарных запасов, сокращению времени прохождения как материальных, так и информационных и финансовых потоков, а это в свою очередь предполагает снижение логистических расходов на всей цепи товародвижения.

Организация товародвижения розничных предприятий с использованием логистического подхода в рамках эволюционной теории характеризуется основными чертами. Данные характерные черты наиболее подробно отражают современную организацию товародвижения, а именно:

- превалирование внешних трансакций под внутренними, что объясняется углублением процесса разделения труда и эффектами масштаба производства;
- максимальное использование преимуществ прогрессивных форм организации товародвижения, построенных на базе современных информационных технологий;
- постепенный переход от конкурентного соперничества по принципу «борьба всех против всего» к разнообразным формам сотрудничества контрагентов хозяйственных связей на основе взаимной экономической выгоды;
- развитие интеграции и кооперации в товарных потоках с использованием вертикальных договорных систем и финансово-промышленных групп;
- трансформация экономических приоритетов с максимизации прибыли на максимизацию полезного эффекта участников рыночных трансакций;
- оптимальное сочетание специализации и диверсификации с целью удовлетворении постоянно растущих запросов клиентов;
- постоянный поиск оптимального соотношения полезного эффекта товародвижения с расходами на его организацию;
- развитие рыночной инфраструктуры, способствующей материально-вещественному обеспечению логистической организации товародвижения;
- сокращение цикла движения товара от производителя к потребителю;
- активное развитие логистического сервиса, способствующего постепенному превращению товара по замыслу в товар с подкреплением. [3, с. 419]

Исследование процесса организации товародвижения розничных предприятий в контексте выявления новых классификационных признаков позволяет выделить классификационный признак, степень консументативности [5, с. 29]. При этом в научный оборот вводится категория «консументативные технологии товародвижения».

Рассматриваемая классификация технологий товародвижения на основе исследования проблемы организации товародвижения в розничной торговле приведена в таблице 2.

Классификация технологий товародвижения в розничной торговле [5, с. 29]

Таблица № 2

№ п/п	Классификационный признак	Классификационная группировка
1.	По среде протекания	Интерактивные Реальные
2.	По форме организации	Магазинные Внемагазинные
3.	По конфигурации	Сетевые Несетевые
4.	По географии источника происхождения	Отечественные Зарубежные
5.	По уровню распространения	На местном уровне На региональном уровне На межрегиональном уровне На международном уровне
6.	По степени интегрированности	Интегрированные Автономные
7.	По степени консументативности	Консументативные Неконсументативные

Консументативные технологии товародвижения [5, с. 38] рассматриваются как совокупность инструментарно-ресурсного обеспечения товародвижения, осуществляемого с участием потребителей-партнеров посредством межличностных и межфункциональных связей, направленных на достижение цели максимально возможного удовлетворения потребностей всех участников цепи физического распределения.

Особый интерес представляет выделенная Т. Н. Ильиным форма реализации консументативных технологий товародвижения – многоуровневая розничная торговля, которая представляет собой внемагазинную форму прямой дистрибуции (прямых продаж) конечным потребителям, осуществляемую на принципах многоуровневого сетевого маркетинга и основанную на консументативных технологиях товародвижения. На наш взгляд, позиции автора могут быть уточнены, поскольку при организации товародвижения не уделялось должного внимания внемагазинной форме прямой дистрибуции, которая может расширить известную практику прямых продаж, дополняя ее новыми механизмами и рычагами.

Таким образом, организация товародвижения розничных предприятий с использованием логистического подхода представляет собой многоуровневую проблему, элементы которой имеют научно-теоретическую и научно-практическую значимость.

1. Гарнова М. С. Организация товародвижения продовольственных товаров в потребительской кооперации Республики Коми [Текст] : дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / М. С. Гарнова. – М., 2002. – 211 с.
2. Кацуба О. Б. Совершенствование управления процессом товародвижения в организациях потребительской кооперации с использованием информационных технологий: на примере кооперативных организаций Саратовской области [Текст] : дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / О. Б. Кацуба. – Ростов-на-Дону, 2004. – 236 с.
3. Стаханов Д. В. Теоретико-методологические основы логистизации региональных систем товародвижения [Текст] : дис. доктора экон. наук: 08.00.05 / Д. В. Стаханов. – Ростов-на-Дону, 2002. – 486 с.
4. Никитаева А. Ю. Управление взаимодействием государства и бизнеса в экономической системе региона: методология, теория, механизмы [Текст] : автореф. дис. доктора экон. наук: 05.13.10 / А. Ю. Никитаева. – Ростов-на-Дону, 2008. – 50 с.
5. Ильин Т. Н. Логистическое обеспечение товародвижения в многоуровневой розничной торговле: на примере парфюмерно-косметического рынка Ростовской области [Текст] : дис. канд. экон. наук: 08.00.05 / Т. Н. Ильин. – Ростов-на-Дону, 2008. – 226 с.

МОРАЛИЗМ ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА

УДК 17.022

А. В. ПАВЛОВ

«Акустические Морали Овердрафта».
(Группа «Полумягкие». – Россия, 2010)

1

Предпочтительной видится трактовка модерна и постмодерна, которой придерживается У. Эко [6]. И то, и другое — «духовное состояние», «подход к работе».

Скрытый в модерне потенциал развертывается, доходит до предела самоочевидной ясности и покрывает эпоху искусственной скорлупой, не содержащей уже никакой духовности. Игра как жизнь, чьи правила полностью определяются ее субъектами, искусственность, возникающая на всех границах Модерна, — на временных и пространственных границах, и особенно в его предельных проявлениях, протест против искусственного, почти роботизированного характера жизни, — представляет собою то, что сегодня принято называть постмодерном. Более того, постмодерн оказывается не просто историческим периодом, это одна из характеристик любой эпохи на всех ее этапах. Это эпоха в тех точках повседневности, где на первое место в системе ценностей выходит личная жизнь и ближайшее окружение.

Постмодернистское состояние в таком случае видится не тем, что «после модерна», но и не модернистским проектом, как о нем пишет Грей [2, с. 284]. Оно скорее вырождение модерна, разрушение его проекта, зарождающееся в нем самом, однако принадлежащее его эпохе, и уже как таковое, оно — духовное состояние человека.

Однако названия «модерн» и «постмодерн» принято применять, в первую очередь, к европейской истории, к тем столетиям, какие отличаются целенаправленной динамичностью, и где цель общественного развития определяется выбором между гуманизмом и национализмом. Поэтому хотя признаки постмодерна легко наблюдать в любой культуре, в этом очерке я ограничусь только европейскими.

Методологической позицией очерка является представление о том, что общество не супериндивидный организм, а продукт межчеловеческих отношений. Эта позиция делает возможным перенос акцента с социальной субъективности на экзистенциальную, а значит, она позволяет личностную подстановку и рефлексию моральных отношений с позиции человеческой индивидуальности. Такая подстановка раскрывает эпоху модерна изнутри нее самой, содержательно гуманистически, а не формально-теоретически, не метанарративно.

Проблематика очерка связана прежде всего с положением нынешней российской культуры в общеевропейском контексте. Принято определять состояние западных культур как постмодернистское. В целом это верно, однако Россия и страны Запада в своем развитии уже много столетий не совпадают по фазам. У нас, думается, постмодерн доминировал в застойные десятилетия СССР, в его торжественных метанарративах, теневых процессах, скрытых массовых протестах и нелегитимности. С распадом же СССР Россия перешла из постмодерна в состояние межцивилизационного перехода, осложненного неясностью перспектив.

2

Межцивилизационное состояние — это не «постмодерн», а то, что уже после него. В нем общественная жизнь практически прекращается и заменяется коловращением толп и маленьких социальных групп, когда ее проще всего описывать средствами фигуративной социологии Н. Элиаса, аномии Э. Дюркгейма, номадологией и ризомой Ж. Делеза и Ф. Гваттари, дисконтинуитетом М. Фуко и т. д. Его демократичность напоминает смесь охлократии с диктатурой. А в перспективе маячит геополитическая перекройка европейского и общечеловеческого пространства, конструирование искусственных и изначально нелегитимных норм, глобальный гражданский хаос и появление новых центров самоорганизации этого хаоса, конфликтов между ними и возвращение на круги своя. Межцивилизационное состояние неизбежно, однако его последствия можно смягчить, сохранив идею модерна, превратив ее в утопию и цель общественной жизни. Революционное же содержание этого состояния может быть превращено в своего рода перманентную революцию, не ведущую к разрушению базовых ценностей: индивидуализма и гуманизма, прагматизма, рационализма, либерализма и т. д., и, конечно же, его специфического морализма.

Эволюция культуры в межцивилизационную эпоху идет возвратно-поступательным путем: сначала полный демонтаж предшествующей цивилизации, а затем конструирование из обломков нового цивилизационного облика, формирование его на интеллектуальной основе, на базе разума, воли и морали постмодерна. Она движется в направлении поиска в постмодернистском формализме духовной глубины, создания смыслового фундамента новой, будущей эпохи. И до тех пор, пока этот цикл демонтажа-конструирования не пройдет по всему пространству нашего культурного мира, мы не сможем считать межцивилизационную эпоху благополучно завершенной.

Механизм межцивилизационного перехода держится на смене поколений. Первое поколение — «отцы», из них половина вкалывает, другая половина «делает состояния». Второе поколение — «дети», «золотая молодежь» или, как сейчас называют, «мажоры» устраивают экзистенциальные революции, иногда и политические, сегодня они называются «цветными», и полностью ликвидируют ценности прошлой цивилизации. Оно осуществляет выбор направления дальнейшей эволюции: индивидуализм или национализм с его квазигуманистическим покровительством власти тому, что она считает «человеческими интересами». К третьему поколению («внуки») окончательно складывается миф о «золотом веке прошлого». У нас это СССР, у французов — la belle France, у англичан — викторианская Англия, у американцев — Великая американская мечта и т. д. Миф трансформируется в утопию, утопия идеализируется и превращается в цель развития. И с «внуков» начинается выход из межцивилизационного разрыва, ведущий нас сегодня или в сторону модернистских идеалов, или в направлении националистического тоталитаризма досоветского и советского самодержавия.

Утопия, сложившаяся на базе мифологизированного прошлого, не обязательно ведет к реставрации. Более того, реставрация невозможна в силу изменившегося содержания культуры, накопленного опыта, созданных новых ценностей, коммуникаций и институтов и т. д. Но завершается межцивилизационная эпоха формированием новой цивилизации на основе выбора «детей», осуществленным «внуками», на которую это поколение переносит кое-какие имена и названия из прошлого, как на Императорскую Россию переносилось название «Третий Рим» и «Византия», содержательно ни в малейшей мере на Россию не похожие, а на сегодняшнюю Англию переносится название «конституционная монархия».

Первые два поколения вычисляются демографически: 25–30 лет на каждое. А с третьего выход только начинается, и сколько времени он потребует, зависит от множества дополнительных факторов. Если считать, что в эту эпоху мы вошли с началом Перестройки в 1985 г., то в 2030–50 гг. только наметится выход из нее, а сколько он продлится, сколько поколений потребуется «внукам» на то, чтобы благополучно ее завершить, сегодня это вопрос не научный из-за чрезмерно большого числа факторов будущего, которые просто невозможно учесть. Конечно, это очень схематично; на самом деле, поколения рождаются непрерывно и сосуществуют, с одного на другое переносится «акцент», смысловой центр, своего рода запятая в легендарном решении «казнить нельзя помиловать». В социальной практике такой перенос тоже представляет собою особый тип динамики со своими характеристиками.

Однако, так или иначе, а в нашей стране наконец вступило во взрослую жизнь второе постсоветское поколение. С его активизацией в 2010–2011 гг. началась экзистенциальная революция — глубокая делегитимация старых ценностей СССР и превращение их в искусственные правила. Это не та борьба, которая была в 1990-е, где демократы и коммунисты советских времен перетягивали друг на друга одеяло. Это борьба между молодыми, не знающими СССР людьми, для которых сегодняшняя обстановка в стране — их время, а борьба — просто такая разновидность игры и праздника, как для «правых», так и для «левых».

Началось упрощение и трансформация мировоззрения, которое каждого заставит определиться со своими жизненными планами и установками независимо от сегодняшних «неправильных правил» общественной жизни, и в любом случае окончательно ликвидирует либо кардинально переосмыслит и унаследованные ценности, и сами правила нынешнего дня. От того, насколько такой экзистенциальный переворот будет эффективен и чем завершится, теперь зависит дальнейшая судьба России, вплоть до сохранения ею единства, государственности, независимости и статуса, при всех перекосах, но все-таки европейской страны.

3

Экзистенциальная трансформация вывела на первое место переоценку всей системы ценностей европейского модернизма в его советской интерпретации, где главным был не индивидуалистический, как в Западной Европе, Англии или США прошлого века, не частный и автономный, а коллективистский

субъективизм. В СССР он выражался в стремлении поставить каждого члена трудового коллектива в полную экономическую и моральную зависимость от производственной эффективности всех сотрудников и от функциональной траектории бригады, отдела или кафедры в структуре организации. Таковы были реальность СССР и несбыточная мечта крупных западных корпораций.

Советский трудовой коллектив выступал как целое, а его целостность обеспечивалась моральной и политической однотипностью работников. Целостность советского коллектива совсем не то же самое, что формальная связность индивидов, например, в рабочей бригаде классического буржуазного общества. Она больше соответствует духовному единству рода, клана или крепостной общины. Она сходна с семьей, в то время как уже во второй половине XX в. семейный характер буржуазного коллектива, за исключением уличных банд, может его членам присниться только в дурном сне, несмотря ни на какие корпоративы и психологические тренинги. В классическом буржуазном коллективе Запада исторически на первом месте стоял индивид, ясно отличающий работу от семьи.

При советской власти люди живут в коллективе, в то время как в западном обществе они работают на корпорацию, отчетливо это осознавая, будь то крупный университет или маленькая фирма по торговле фармсредствами. У советского человека связь с сотрудниками духовно содержательная, причем со всеми вместе, у западного — преимущественно формальная, и не со всеми, а только с некоторыми. Отсюда в СССР приоритетным считалась долговременная работа в одном коллективе, на нынешнем же Западе ценится мобильность и регулярный переход из одной корпорации в другую, дающие новый опыт и увеличивающие креативный потенциал работника, но при этом лишающий коллектив качества «трудовой семьи».

В общественной жизни все неоднозначно. Западное общество легко трансформируется в тоталитаризм, советское — в самодержавие, а различия между этими формами общественного устройства просматривается только в их названии. Тоталитарное сращивание социума и власти при полной и всепроникающей подконтрольности общества мало чем отличается от самодержавного единения государя с народом при полном самовластии государя и подконтрольности народа. В обоих случаях ключевой характеристикой становится панoптизм, а он, как неоднократно было показано многими, от И. Бентама до М. Фуко в известной его работе «Надзирать и наказывать», органичен именно для западного общества. И, следовательно, наше, российское, не слишком-то от него отличается. Единственное, что позволяет избежать западного тоталитаризма и русского самодержавия — это добрая воля и гуманистическая нравственность граждан.

И еще можно предполагать, что частная собственность и государственно-монополистическая, ошибочно принимавшаяся в Советском Союзе за общественную и общенародную, рыночная конкуренция и государственное планирование, демократия и тоталитаризм хотя и противоположны друг другу, но их противоположность такого же рода, как между расцветом модерна и его поздним, завершающим постмодернистским этапом.

Эволюция модернистского общества осуществляется между демократией и тоталитаризмом, в частности, между классическим капитализмом и реальным социализмом. У этих двух систем попросту разные задачи. Капитализм с его частной собственностью, конкуренцией и индивидуалистической демократией обеспечивает быстрое и пропорциональное развитие производительных сил и накопление материального богатства. Социализм же, если он не искусственно внедренная в жизнь теория, а естественно сложившаяся практика социального государства, осуществляет перераспределение накопленного богатства между всеми гражданами и создает условия для интеллектуального развития.

Капитализм трансформируется в социализм тогда, когда в частной инициативе вместе с автономией частного субъекта пропадает смысл. Материальных ценностей достаточно для всех; общественные структуры, в том числе, и ответственные за их перераспределение развернуты, связь между властью и обществом двусторонняя и паритетная, граждане в целом удовлетворены жизнью. Социализм трансформируется в капитализм тогда, когда проедаются капиталистические накопления, когда материального воспроизводства, даже расширенного, уже не хватает, когда начинается дефицит и экономико-политическая конкуренция, а за ними меняется тип социального расслоения. В социалистическом обществе зарождается буржуазное, поначалу в виде «теневого социума» с его теневой экономикой, политикой и моралью, образуются квазиклассы, происходит буржуазная революция, и общество модерна возвращается к своим истокам.

Конечно, это упрощенная картина, действительная жизнь огромного общества куда как сложна. Но с того момента, когда оно созре-

вает и переходит на стадию модерна, где-то в его генетике уже угадывается периодическое чередование демократического и тоталитарного строя, индивидуализма и социализма.

Думается, традиционное разделение политических сил на правые и левые неадекватно реальности общественной жизни. Значительно существенней их деление на народ и государство, на индивидуалистическую и социалистическую политику, на доминирующую частную, государственную и общественную собственность. А механизм их соотношения скрывается не столько в экономическом, сколько в моральном качестве собственности.

Между частной и государственной собственностями принципиального морального различия нет, и та, и другая принадлежит части общества, а не всем. Предельно развитая в СССР государственная собственность попросту сформировала политическую и хозяйственную бюрократию как господствующий класс, противостоящий остальному народу и обладающий приоритетом в «равной» доступности услуг и распределении благ. Это — разновидность частной собственности. Общественная же собственность — то, что принадлежит не группе лиц, а каждому гражданину, — отличается от частной морально, а не политико-экономически.

Общественная собственность представляла собою главную загадку СССР, которую никак не удавалось решить средствами политико-экономических теорий. Каким образом заявленная в конституции Советского Союза государственная собственность могла быть общественной и общенародной, если, согласно самому же советскому марксизму, государство представляет собою институт, отчужденный от общества, противостоящий ему и обслуживающий интересы не всех, а только господствующих классов [5, 7]?

Социалистический строй опирается на загадочную общественную собственность, но эта задача, не решаемая политико-экономически, вполне решается в сфере этики. Такая собственность реальна лишь в качестве целенаправленного морального отношения. Если ясно различать мораль и право, то для гражданина безразлично, кому юридически принадлежит собственность, если он фактически может ею пользоваться. Поэтому очень важно, на удовлетворение чьих интересов она нацелена. Будь она юридически «моя», будь она государственная, но если она предназначена исключительно для удовлетворения интересов части общества, то она — частная. Если же она, независимо от своей юридической принадлежности, нацелена владельцем на удовлетворение интересов любого гражданина, она — общественная. Юридически любая собственность в этическом плане оказывается по существу общественной, если используется владельцем для других людей, но она же станет частной, когда применяется исключительно в личных интересах собственника.

В таком же случае общественная собственность является реальностью как разновидность моральных отношений между собственниками, обусловливающая стратегические установки их распоряжения собственностью: для себя или для других. Она создает социализм как систему взаимопомощи в недрах капитализма и выходит на поверхность в социальных государствах, которые из-за этого можно с известной натяжкой считать социалистическими. Но стоит общественной собственности стать тотальной, как она сразу демонстрирует свой утопический характер, оказывается государственно-монополистической и превращает социализм в тоталитарный государственно-монополистический капитализм.

В реальных отношениях собственности колебания между частной и общественной характеристиками представляет собою моральное движение, ответственное за легитимацию-делегитимацию правовой и политико-экономической системы. Благодаря ему в общественной жизни всегда сосуществуют индивидуалистическая и социалистическая морали, а капитализм с социализмом периодически сменяют друг друга, по мере выполнения каждым из них своей основной задачи.

Наша экзистенциальная трансформация уже несколько лет заставляет пересматривать всю советскую интерпретацию общеевропейских ценностей: коллективистский прагматизм в великодержавных целях, рационализм одинаковых норм мышления, либерализм государственного патронажа любых субъектов и т. н. «социальной защиты», волюнтаризм руководителей государства и коллективов, креационизм и особенно моралистический.

Проще говоря, сегодня приоритетными стали мораль и творческий подход в любой деятельности, они, а не высокие технологии, не наноиндустрия и т. п., — единственный способ решения проблемы модернизации, лозунга, за двадцать постсоветских лет успевшего надоесть. Они да такие формы политической и хозяйственной организации, какие позволяют им существовать. Моральный и креативный характер прагматизма, либерализма, волюнтаризма и рационализма либо станет преобладающим содержанием нашей субъективности, либо мы всегда будем под

чутким руководством партии и правительства восстанавливать разрушенное перестройкой и реформами народное хозяйство 30-х гг. прошлого века.

Таким образом, морализм пронизывает все структуры общественной жизни на всех стадиях культурно-исторического развития. Он лишь принимает разные обличия в диапазоне от межчеловеческого взаимного доверия, взаимопонимания, искренности и взаимопомощи открытых друг другу людей до постмодернистского цинизма, делегитимирующего взаимопомошь и провоцирующего эгоистический утилитаризм не людей, но практически абстрактных индивидов, а затем опять от утилитаризма до взаимопомощи.

Но что представляет собою морализм модерна?

4

Если отвлечься от религиозных и идеологических мистификаций, морализм указывает на гражданскую и нравственную позицию личности. Сошлюсь прежде всего на советские источники. Посредством понятия морали в человеческом опыте «вычленяются обычаи, законы, поступки, характеры, выражающие высшие ценности и долженствование, через которые человек проявляет себя как разумное, самосознательное и свободное создание (существо)» [1, с. 275]. Как полагает О. Г. Дробницкий в своей статье в «Большой советской энциклопедии», это «один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе» [4, с. 559].

Эти классические для советской этики формулировки выражают модернистский дух культуры той поры и ее философии. Думаю, по-своему прав и А. А. Гусейнов, утверждающий в учебнике следующее: «Можно было бы с целью выделения предметной области этики сослаться на присущий каждому человеку опыт внутренних переживаний, выражаемый в понятии совести, или на оценочное отношение к миру, фиксируемое в понятиях добра и зла. Однако достаточно подойти к вопросу с критериями самой элементарной строгости, чтобы обнаружить: мы не можем сказать, что скрыто за этими терминами, не можем каким-либо иным способом (помимо самих этих терминов) зафиксировать обозначаемую ими реальность. Они на самом деле оказываются неизвестными величинами» [3]. Замечу только, что неспособность классических критериев элементарной строгости справиться с этической предметностью не означает, что нельзя разработать другие критерии, составляющие архитектонику неклассической теории.

Мораль – это внеполитическая и внеправовая форма регулирования отношений людей в обществе, установления и воспроизводства общественного порядка и разрушения его устаревших форм. Западные исследования морали с XVIII века показали противоречивую тенденцию к автономизации субъекта. Однако субъект – это и человеческий индивид, находящий свою природу в личной свободе, и общество, в эту эпоху оформляющее себя как нацию, подчиняющую индивида и находящую собственную природу в стремлении к полной независимости как от него, так и от других наций.

Конфликт между человеком и нацией проявится только в XX веке. Но уже с самого начала европейского модерна он рефлексируется философией, расставляющей черные и белые фигуры на шахматной доске предстоящих буржуазных революций. С одной стороны, Т. Гоббс с индивидуалистическим принципом войны каждого против каждого, положенным им в основу формирования социума-Левиафана, а с другой стороны, Б. Мандевиль, при всей своей иронии, исходящий в «Басне о пчелах» из непреложной роевой социальности улья, направляющего каждую пчелу.

Придерживаясь взглядов, характерных для классицистской философии, вплоть до наших дней ставящих на первое место в иерархии субъектов общество как целостный организм, а индивидов рассматривающих в виде его «членов», единого и корректного определения морали дать нельзя, этот термин нельзя даже употребить в единственном числе без того, чтобы не впасть в этический формализм. Есть разные морали, и они различаются параллельно с различием общественных культур.

(Продолжение следует)

1. Апресян Р. Г. Мораль // Этика. Энциклопедический словарь. – М. : Гардарики, 2001.
2. Грей Д. Поминки по Просвещению. – М. : Праксис, 2003.
3. Гусейнов А. А. Этика. URL: http://vpn.int.ru/.
4. Дробницкий О. Г. Мораль // БСЭ. №. 1974. Т. 16.
5. Ленин В. И. Государство и революция. // Полн. собран. соч. Т. 18. – М. : Изд-во полит. литер., 1968.
6. Эко У. Заметки на полях «Имени розы»: Симпозиум, 2005.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х т. Т. 3. – М. : Политиздат, 1986.

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО В ПРОЕКЦИИ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА

УДК 008: 13

Ю. В. ЛАРИН

В теоретическом отношении проблематика, связанная с выявлением природы человека и ее модификаций, пока еще не получила сколько-нибудь однозначного и общепринятого представления, хотя при осмыслении происхождения, эволюции и перспектив современного человечества апелляция к данному концепту осуществляется достаточно активно.

Так, Э. Г. Абрамян полагает, что в современных условиях глобального кризиса у человечества реально есть два пути: пессимистический — создание программы достойного ухода с планетарной арены, и оптимистический — создание стратегических программ выживания. Что касается «выживания», то оно, считает Э. Г. Абрамян, возможно при массовом осознании человечеством существования еще не описанной, но очень мощной, атрибутивно присущей всему живому некой «икс-энергии», с помощью которой человечество, создав «грядущую технологию», «будет снимать противоречия между относительной ограниченностью ресурсов биосферы и ростом энергетических потребностей общества», «сумеет управлять гравитацией и справляться со сверхсветовыми скоростями» и т. д., и т. п. Вместе с тем, насколько это можно понять, реализация предложенной «стратегической программы выживания» потребует от человечества преодоления «всего-навсего» двух препятствий: во-первых, культуры как «биосоциального способа деятельности живого», поскольку, опосредуя отношение между человеком и окружающей средой, она тем самым стоит преградой на пути внедрения в жизнь людей «эволюционно перспективной идеи автотрофности», а во-вторых, — нынешней сущности, или природы человека как вида, отягощенной «определенным пределом осознаваемой мерности» и стоящей поэтому преградой на пути реализации «его телепатических возможностей», связанных с «мышлением (обменом мыслями, а не словами), которое не требует знания словесного языка» [1, с. 53–57].

В значительной мере слабо отрефлексированным остается само понятие «природа человека», отождествляемое — и довольно часто — с такими понятиями, как «человеческая природа» и «сущность человека». Ряд исследователей весьма скептически относится к самой возможности какой-либо «онтологизации» природы человека. Другая же их часть — напротив — так или иначе полагает ее как «имеющую место быть»: либо в качестве изначально неопределенной и загадочной; либо в качестве вполне определенного набора, конечного по своему числу, постоянных и неизменных начал; либо в качестве множественной, изменчивой, открытой и подвижной совокупности таковых; либо в качестве «причудливого» сочетания и того, и другого, и третьего. «Видимо, — пишут, например, В. Д. Губин и Е. Н. Некрасова, — человека окончательно и однозначно определить нельзя, слишком он многогранен, разносторонен в своих мыслях, делах и свершениях и ни под одно определение не подходит, ни одним определением не охватывается.

Определить его можно только отрицательно, через такие качества, которые несут в себе отрицание: несводимость, непредопределенность, незаменимость, неповторимость, невыразимость. Эти пять «не» свидетельствуют не об ограниченности или ущербности человеческой природы, а об ее универсальном характере, исключительном месте, которое занимает человек среди других предметов или явлений окружающего мира» [5, с. 159].

Вместе с тем можно констатировать, что в пределах проблематики, связанной с прояснением природы человека, достаточно развернуто проработаны разнообразные варианты ее двухкомпонентных моделей, наиболее распространенные из которых — «биосоциальная» и «биокультурная».

Первая модель, традиционно тяготеющая в своем обосновании к поставленной ранним Марксом проблематике, связанной с раскрытием «человеческой сущности природы, или природной сущности человека», разрабатывается целым рядом мыслителей. Так, И. Т. Фролов писал: «Определение человека в марксизме углубляется до вычленения его социальной сущности, до понимания человека как совокупности всех общественных

отношений, что, однако, не противопоставляется его существованию как природно-биологического индивида, представителя вида Homo sapiens. Вместе с тем — и здесь уже можно говорить о диалектике взаимосвязи сущности и явления — социальные факторы существенно детерминируют и факторы природно-биологические, являющиеся необходимыми условиями существования человека, которое, конечно же, определяется отнюдь не только ими. Для нас важно, однако, вычленить их особо, чтобы показать, что научная философия человека, возникшая и развивающаяся в тесной связи и взаимодействии со всей системой наук о человеке, определяет его сущность не в противопоставлении природно-биологическим факторам его существования, а в связи и взаимодействии с ними» [15, с. 61–62]. В наиболее последовательном и систематически проработанном виде «биосоциальная» модель природы человека представлена В. В. Орловым и В. Ф. Сержантовым.

Разработка «биокультурной» модели природы человека изначально и ближайшим образом связана с реализацией «программной надежды» немецкой философской антропологии первой половины XX века целостного постижения «человека как субъект-объект культуры и как субъект-объект природы, не разделяя его в искусственных абстракциях», «ибо, — как писал Х. Плеснер, — обнаруживается один основной аспект жизненного опыта, получаемый человеком в его существовании относительно самого себя и мира: он одновременно природный и свободный, выросший и сотворенный, самобытный и искусственный» [11, с. 102]. При этом, согласно А. Гелену, культура как «совокупность предусмотрительно измененных «стихийных» обстоятельств вместе с относящейся сюда деятельностью» «относится к «сущности» человека», «к физическим условиям существования человека». [11, с. 161, 166–167]. В последнее время биокультурная модель природы человека обнаруживает все более возрастающее число своих приверженцев. В достаточно развернутом виде она представлена в размышлениях французского философа, писателя, политика, основателя и теоретика движения «Новые правые» А. де Бенуа и в работе финского ученого и общественного деятеля П. Кууси «Этот человеческий мир».

Нетрудно заметить, что «биосоциальная» модель природы человека имеет своим онтологическим основанием триаду «человек — природа — общество», в то время как «биокультурная» — триаду «человек — природа — культура».

В настоящее время весьма перспективным может быть признана разработка более многомерных и объемных моделей природы человека, ориентирующая на то, чтобы достигнутые в этой области результаты рассматривались не как альтернативные и антиномичные, а как взаимодополняющие друг друга [9].

Отметим в этой связи, что в литературе методологического характера различные и даже порой прямо противоположные концептуальные модели того или иного объекта рассматриваются все чаще и чаще уже не в терминах, вытесняющих или революционно сменяющих друг друга парадигм, а как их взаимообогащающая конкуренция в его исследовании как единого и многоаспектного в своем предметном содержании. «Познание, понимаемое таким образом, — писал в свое время П. Фейерабенд — не есть ряд непротиворечивых теорий, приближающихся к некоторой идеальной концепции. Оно не является постепенным приближением к истине, а скорее представляет собой увеличивающийся океан взаимно несовместимых (быть может, даже несоизмеримых) альтернатив, в котором каждая отдельная теория, сказка или миф являются частями одной совокупности, побуждающими друг друга к более тщательной разработке; благодаря этому процессу конкуренции все они вносят свой вклад в развитие нашего сознания» [14, с. 161].

Наиболее радикальная в этом отношении позиция представлена Ю. Г. Волковым и В. С. Поликарповым, рассматривающими человека как продукт длительной биологической эволюции, воспроизводящей в информационном аспекте эволюции нашей Вселенной после Большого взрыва продукт эволюции биосферы вместе с социокультурной эволюцией, с которыми связана и его психическая эволюция. В рамках данной модели природа человека — это «космобиопсихосоциокультурная природа» [3].

Само по себе исследование «космического измерения» генезиса, эволюции и перспектив человечества, развертываемое, прежде всего, в русле идей К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена и других отечественных и зарубежных мыслителей — проблема действительно актуальная. В интересующем же нас аспекте она, по-видимому, нуждается в дальнейшей серьезной проработке, связанной прежде

всего с концептуальным представлением единства и/или многообразия природы человека, с тем, чтобы не оказаться здесь вольно или невольно в сетях своеобразного «космошовинизма». «На Земле, — пишет, например, В. Г. Ажажа, — имеет место лишь хаотическое скопление доставленных в различное время из различных космических центров цивилизаций и их остаточных реликтов, не обнаруживающих какой-либо преемственности. Одни из них отличаются высокой степенью развития, а другие крайне примитивны. Соответственно, они сильно разнятся по уровню жизни и культуры, цвету кожи, телосложению, языку, религии и специфическим чертам — в частности, по характеру неизбежно сопровождающей их проституции и преступности. Каждая цивилизация после своей высадки по одному и тому же сценарию проходит стадии расцвета, деградации и умирания. Более развитые из них чаще гибнут быстрее, менее развитые иногда угасают мучительно долго. Космические центры строго следят за всеми проявлениями их деятельности без каких-либо попыток вмешательства» [2, с. 140].

Более умеренно и, по-видимому, в методологическом отношении более выверено исходить из того, что человек, будучи многообразным в своих проявлениях сущим, взятый в своей «природе», в коренных основах своего бытия в мире, может быть представлен в качестве биосоциокультурного существа. «Человек, — писал М. С. Каган, — не принадлежит целиком ни природе, ни обществу, ни культуре и не является их простой суммой. Человек — системное целое, т. е. такое, в котором взаимодействие, взаимовлияния, взаимоопосредствования природы, общества, культуры рождают новое качество» [7, с. 18]. Отсюда в содержании «природы» человека можно выделить как минимум три относительно самостоятельные и взаимосвязанные начала: природное (биологическое), — раскрывающееся в самоопределении человеком своего бытия в мире в качестве индивида; социальное, — раскрывающееся в самоопределении человеком своего бытия в мире в качестве личности; культурное — раскрывающееся в самоопределении человеком своего бытия в мире в качестве индивидуальности. Каждое из них в свою очередь соотносимо с соответствующим ему основным видом бытия как такового: природой, обществом и культурой. Человек, будучи по самой своей «природе» системным целым, «созвучен» как микрокосм макрокосму системной целостности всех без исключения основных видов бытия, каждый из которых определяет специфический способ укоренения и детерминации бытия человека в мире.

«Биосоциокультурная» модель природы человека, как это нетрудно заметить, заключает в себе возможность более, нежели «биосоциальная» или «биокультурная», расширенного и многомерного в методологическом отношении онтологического основания, а именно: «человек — природа — общество — культура».

Что касается модификации «природы» человека, то, по-видимому, с одной стороны, было бы чересчур категоричным отрицать самою возможность таковой, а с другой стороны, было бы крайним упрощением представлять ее как результат простого ряда последовательно следующих друг за другом, исторически сменяющих и исключающих при этом друг друга основных детерминант его бытия в мире.

Человек изначально по своей «природе» есть биосоциокультурное существо, его «природа» — это и взаимодействие всех составляющих ее начал, и ее развитие как некоего целого за счет изменения этих самых начал, их соотношения друг с другом. Бытие человека в мире, следовательно, изначально детерминировано и природными, и социальными, и культурными факторами. «Человек, — писал Б. П. Вышеславцев, — не может ускользнуть от природной детерминации, но он может стоять еще под властью другой детерминации, другой закономерности, составляющей другую степень бытия. Человек содержит в себе много ступеней бытия: он есть механическая природа (физико-химическое бытие), биологическая природа; но, может быть, он есть не только «природа», а еще нечто большее и высшее: цивилизация и культура?» [6, с. 180]. Как «ступени бытия», природное — социальное — культурное не просто взаимодополнительные или рядоположенные друг относительно друга начала в «природе» человека, но в своей «слоистой» совокупности образуют вполне определенную — всегда конкретно-историческую — интегративную целостность. Поэтому каждая исторически данная эпоха бытия человека в мире адекватно может быть понята как обусловленная действием одновременно всех трех детерминант — и природной, и социальной, и культурной — а ее специфическое содержание — как специфический способ их соотношения, взаимосвязи друг с другом.

Среди возможных моделей, позволяющих не только приблизиться к описанию

исторической модификации «природы» человека, но и наметить определенные в этом отношении возможные перспективы бытия человека в мире, наиболее емкий эвристический потенциал присущ модели, несущую конструкцию которой составляет представление о биосоциокультурной природе человека, разворачивающейся в соответствие с категориальной триадой «единичное – особенное – общее».

С этих позиций исторически первая эпоха бытия человека в мире – эпоха преимущественно природной детерминации. Ее истоки фиксируются с момента появления человека на земле как ставшего, «готового» существа. В структуре «природы» человека уровень общего в данную историческую эпоху принадлежит природному началу. Социальная и культурная детерминанты бытия человека в мире здесь, конечно же, действуют уже с самого начала, но как подчиненные детерминанте природной, или, выражаясь более точно, как особенное и единичное по отношению к общему. Данная эпоха чаще всего обозначается терминам «первобытность», «архаика» и их производными.

Исторически вторая эпоха бытия человека в мире – эпоха преимущественно социальной детерминации. Соответственно, в структуре «природы» человека уровень общего в эту эпоху принадлежит социальному началу, а уровни особенного и единичного – культурному и природному. Данная эпоха и есть, собственно говоря, то, что обозначается термином «цивилизация». Ее истоки достаточно явственно фиксируются примерно с 8–10-го тысячелетия до нашей эры. Что же касается завершающих границ данной эпохи, то их более или менее точное определение пока еще проблематично, хотя, по всей видимости, в настоящее время можно полагать, что она исчерпала свой позитивный творческий потенциал или, в крайнем случае, близка к этому, свидетельством чего как раз и является порождаемая ею все возрастающая в своей чудовищности череда проблем – локальные и мировые войны, социальные революции и потрясения, господство тоталитарных режимов, терроризм, угроза ядерного апокалипсиса и всеоб-щей экологической катастрофы, финансовые и структурные кризисы, вымирание от голода и болезней миллионов людей, пароксизмы варварства и крайних форм вандализма и т. д., и т. п., ставящих под вопрос не только развитие, но и само бытие человека в мире как таковое.

История человечества, однако и вопреки наивно просветительскому представлению, не есть только лишь «история цивилизаций». Кризис цивилизации, даже на ее высшей – буржуазной – стадии не есть кризис человеческого бытия как такового. Кризис нашего времени – это кризис всего лишь социально детерминированной формы бытия человека в мире. Вполне логично предположить, что подобно тому, как эта последняя в свое время сменила природно детерминированную форму, на смену ей, в свою очередь, приходит исторически третья эпоха бытия человека в мире, – эпоха преимущественно культурной детерминации, всеобщность которой опять-таки будет означать не устранение природной и социальной детерминант как таковых, но существенное ограничение меры их действия уровнями особенного и единичного. В этой связи, очевидно, следует ожидать и нарастающего усиления процессов и явлений, свидетельствующих о соответствующей модификации «природы» человека, ее основных начал и их соотношения друг с другом.

Будущее, хотя и не может быть каким угодно, однако и не предопределено. «...Будущее, – пишет С. П. Курдюмов, – не единственное. Было бы очень хорошо, если бы это обстоятельство в полной мере осознавалось нашими политологами и экономистами, всецело полагающимися на рыночные механизмы. Несомненно, рынок играет роль силы, выводящей на будущее. Для социальных систем он аналогичен естественному отбору или борьбе за существование. Но это не единственный формирующий будущее механизм. Сказать, что можно включить рынок и больше ни о чем не думать – это значит настроить людей на то, что все само собой получится. А это не так. В самом деле, если будущее не единственное, то можно в результате самоорганизации попасть вовсе не туда, куда бы нам очень хотелось» [8, с. 16].

Анализируя основные «гипотезы конца социального», Ж. Бодрийяр вполне последовательно с позиций своей методологии приходит к выводу, что оно, не будучи «ни ловушкой», «ни остатком», «имело смысл исключительно в пределах симулякров второго порядка» и что «сегодня оно поглощается симулякрами третьего порядка и потому умирает» [3, с. 94–95]. Однако социальное, взятое как таковое, само по себе, по-видимому, все же не имеет в себе имманентного предела. Предоставленное самому себе, оно, редуцируя всякое мало-мальское проявление импульса инди-

видуальности к витально-биологическому уровню, способно порождать лишь «дурную бесконечность» все новых и новых способов и форм воспроизводства самого себя и своего господствующего статуса в системе детерминант бытия человека, но уже не в действительном, а в квазимире, в мире превращенных форм, наглядным свидетельством чего как раз и является вся так называемая «массовая культура». «Массовая культура, – по оценке директора Российского института культурологии К. Э. Разлогова, – управляется импульсами, главным из которых является коммерческий импульс – максимизация прибыли. Чтобы сделать это, вы должны максимизировать аудиторию, т. е. суметь найти общий знаменатель для населения всего земного шара» [12, с. 29–30].

Очевидно, в современных условиях крайне важно, чтобы всепоглощающая экспансия социального была соответствующим образом нейтрализована посредством ограничения ее мерой более высокого порядка – мерой культуры, поскольку последняя – это не только и не столько «надприродный», сколько и «надсоциальный» или «сверхсоциальный» феномен, представляющий собой совершенно иной уровень организации человеческой жизни, чем общество как социальный организм [13, с. 209–210]. Вне и помимо культуры человек невозможен не только как социальное, но и как биологическое, живое существо, поэтому «альтернатива» преимущественно культурно-детерминированной формы бытия человека в мире – вовсе не «личностная самоидентификация» в условиях якобы очередного «межцивилизационного перехода» [ср.: 10, с. 7–14] и даже не «автотрофность», а – увы – едва заметная и маловразумительная рябь на безбрежной и равнодушной поверхности нейтрино.

В этой связи весьма обнадеживающим является фиксация того обстоятельства, что в современном обществе «все слабее становится властвовавший последние лет двести интерес к социальным структурам и их преобразованию. Эти структуры теперь нередко воспринимаются как неизбежное зло, а потому от них требуют минимизации, чтобы они как можно меньше воздействовали на личность, стремящуюся быть самодостаточной, ищущую свободы и самореализации» [8, с. 7].

Грядущей эпохе истории человечества, если, конечно, ей суждено состояться, как раз и предстоит стать эпохой культуры в её всеобщей и собственной форме, эпохой конституирующего самоопределения человеком своего бытия в мире в качестве индивидуальности, т. е. самобытного, уникального и неповторимого существа.

В конце концов, речь идет уже не о том, что культура – это ответ на тот или иной вызов современности. Сегодня сама культура становится тем вызовом, ответ на который современное человечество имеет шанс дать лишь своей собственной состоявшейся постсовременностью.

Все преграды на этом пути – в самом человеке; силы, способные их преодолеть, – тоже в нем.

1. Абрамян Э. Г. Культурология и проблемы выживания // Философские науки. – 2000. – № 4.
2. Ажажа В. Г. О космическом генезисе человечества // Философские науки. – 2000. – № 4.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального. – Издательство Уральского университета, 2000.
4. Волков Ю. Г., Поликарпов В. С. Интегральная природа человека. – Ростов н/Д. : Изд-во Рост. ун-та, 1994.
5. Губин В., Некрасова Е. Философская антропология. – М. : ПЕР СЭ; СПб. : Университетская книга, 2000.
6. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. – М. : Республика, 1994.
7. Каган М. С. Человеческий фактор развития общества и общественный фактор развития человека // Вопросы философии. – 1987. – № 10.
8. «Круглый стол» журналов «Вопросы философии» и «Науковедение», посвященный обсуждению книги В. С. Степина «Теоретическое знание» // Вопросы философии. – 2001. – № 1.
9. Многомерный образ человека: на пути к созданию единой науки о человеке. Под ред. Б. Г. Юдина. – М. : Прогресс-Традиция, 2007.
10. Павлов А. В. Проблематичность рациональности / Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия. – Нижневартовск, 2008.
11. Проблема человека в западной философии. – М. : Прогресс, 1988.
12. Разлогов К. Э. Глобальная массовая культура и культурное разнообразие // Обсерватория культуры. 2004. – №. 1.
13. Резник Ю. М. Культура как предмет изучения // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. 3. Вып. 2 (8).
14. Фейерабенд П. Избранные труды по философии науки. – М. : Прогресс, 1986.
15. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: работы разных лет. – М. : Политиздат, 1989.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ОТ РАСШИРЕНИЯ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И УНИФИКАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

УДК 321.01

В. В. ШИШКОВ

Обретение независимости от Золотой Орды, рост военной мощи позволили Московскому государству приступить к расширению своей территории. К 1547 году Москва выступала в качестве одного из ведущих политических центров Восточной Европы.

Способом и смыслом существования Русского царства, а затем Российской империи, была территориальная экспансия, осуществляемая путем присоединения территорий в результате военных успехов и колонизации. В ходе территориального расширения Россия установила свое политическое господство в центральной части Евразии, интегрируя присоединенные территории и народы в имперский социум в качестве имперских периферий с различным политико-административным статусом.

Первый этап формирования Российской империи начался уже во времена присоединения Руси Ордой. В XV в. московские князья осуществляют «собирание русских земель». Второй этап – это борьба за наследие Золотой Орды в Восточной Европе, начавшаяся во второй половине XV в. Третий этап формирования Российской империи – это окончательный переход в Азию с завоеванием Сибири в течение XVII в. Четвертый этап формирования Российской империи привел к подчинению украинских казаков власти московского царя. Пятый этап формирования Российской империи – это правление Петра I, который в 1721 году провозгласил себя Российским императором и присоединил Прибалтику [6, с. 98–100]. По поводу определения данных этапов можно согласиться не во всем, но в целом временные рамки соответствуют произошедшим событиям.

Во второй половине XVI в. военная экспансия Русского царства, называемого за рубежом «Московией» [16, с. 35], осуществлялась по нескольким направлениям. На Западе попытки расширения территории за счет присоединения Ливонии привели к военному столкновению с Речью Посполитой и Швецией. Во-вторых, экспансия в восточном направлении, которая была успешной – были покорены Казанское и Астраханское ханства, повержено Сибирское ханство, что открывало возможность к дальнейшей колонизации. В-третьих, наметилось стремление России к продвижению на южном направлении. Тем самым сформировались основные стратегические направления имперской территориальной экспансии.

Русское царство образовало империю сравнительно быстро (примерно с 1450 г. по 1550 г.), причем протоимперия (Московское княжество) не обладала качественными экономическими и социальными преимуществами по сравнению с соседями, ставшими периферией. Достижение империи было возможно через мобилизацию податного и служилого населения, напряжение ресурсов и подавление сопротивления общества.

В XVII в. после Смуты восстанавливалась организация патриархальной империи, воплощающаяся в возрастающем авторитете царской власти. Восстанавливалась военная мощь России [9, с. 52–54]. Имперская система возобновила территориальную экспансию и колонизацию на привычных направлениях. В результате длительной войны с Речью Посполитой (1654–1664 гг.) Россия вернула себе земли, потерянные во время смуты и подчинила Левобережную Малороссию. На востоке первопроходцы достигли побережья Охотского моря, произошли военные столкновения с Империей Цин, в результате которых был заключен Нерчинский договор (1689 г.). На южном направлении Россия столкнулась с Османской империей. В этих условиях нарастало осознание необходимости преобразований, повысивших эффективность имперской системы.

При Петре I величие империи продолжало оставаться главной целью, а общество – лишь средством для ее осуществления. В этой системе координат государство – самая зна-

чимая, доминантная ценность, властитель воплощает в своей персоне Власть и идею общественного блага. Подданный, стоящий на более низких ступенях социальной лестницы, особой ценности для власти не представляет [2, с. 88–89]. Заплатив за петровскую модернизацию немалую цену в человеческих жизнях, Россия, 90% населения которой составляли крестьяне, осталась в целом традиционным обществом с осовремененными чиновничьим аппаратом и армией.

Только во второй половине XVIII в., при Екатерине II, имперскому правительству удалось сгладить противоречия хотя бы с дворянством, дарованием ему «вольности и свободы» (1762, 1785 гг.). Восстановление спокойствия и взаимного согласия между самодержавной монархией и дворянством упрочило абсолютную власть монарха и привело к международным успехам [1, с. 321]. Начинает проводиться успешная экспансионистская имперская политика.

В конце XVIII – начале XIX вв. Российская империя с населением в 36 млн человек выступила в качестве единственной силы на европейском континенте, способной успешно противостоять Наполеоновской Франции. В 1815 году Венский конгресс закрепил влияние Российской империи в Европе. Империя находилась на подъеме, расширение ее территории представляло непрерывный процесс.

Начиная с середины XIX в. продвижение территориальной экспансии России стало сталкиваться с нарастающим сопротивлением ведущих европейских держав, формирующих собственные колониальные империи. Сдерживание России сохраняло ее континентальный и периферийный характер по отношению к модернизированной европейской цивилизации. Крымская война (1853–1856 гг.) показала отсталость Российской империи. Русско-турецкая война (1876–1877 гг.) и ее политические результаты демонстрировали падение влияния России среди европейских держав. Русско-японская война (1904–1905 гг.) указала на пределы экспансии. Имперская система теперь могла себя сохранить лишь через самоосвоение, внедрение передовых социальных практик, переход к модернизации. В полной мере сделать это не удалось.

Территориальная экспансия выступает формой существования империй, в отношении Российской империи этот тезис более чем справедлив. Российская империя знала две формы экспансии, территориального расширения – колонизацию и завоевание, осуществляемое с использованием военной силы. Две формы экспансии тесно переплетались между собой в зависимости от региона, предваряя одна другую.

В XVIII – XIX вв. расширение пределов империи и сферы ее политического влияния осуществляется все больше с использованием военной силы. Милитаризация общественной жизни ложилась тяжелым бременем на аграрную малопроизводительную экономику России.

Военная мощь, способная обеспечить продвижение территориальной экспансии, сохранение в составе империи уже подвластных территорий и народов, выступала в качестве одного из основополагающего фактора, гарантирующего стабильность политической системы. Это обстоятельство естественным образом обусловило привилегированный статус военных в социальной структуре России.

Как видно из истории Российской империи, военные усилия по расширению ее территории на протяжении ряда веков имели постоянный характер. Особенно это заметно для западного и южного направлений российской имперской стратегии. Военная мощь превращала Россию в евразийскую державу. Х. Дж. Макиндер писал, что «Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменило собой исходившие из одного центра набеги степняков. В этом мире она занимает центральное стратегическое положение...» [8, с. 27].

Особенно заметно преобладание военных инструментов приращение территории империи после Петра I. В силу этого империя приобретала все более милитаризированный характер и использовала свою военную мощь для подчинения все новых народов. Военные достижения выступали убедительным подтверждением имперской эффективности и служили веским аргументом в пользу складывающегося содружества народов. Недостаток внутренних импульсов к интеграции, обусловленный низким уровнем товарно-денежных отношений и неразвитостью капитала, компенсировался милитаризацией социума за счет плотного приобщения к обслуживанию военных нужд империи и перенесения на гражданскую жизнь норм и правил военной организации.

Как и большинство империй, Россия, используя свою военную мощь, приобретала лишь то, на что другие государства не претендовали, или то, что они не могли захватить [17, с. 29]. Противостояние с западными

колониальными империями остановило продвижение империи на Западе и Юге, что она компенсировала новыми приобретениями на восточном направлении своей экспансии. Тем не менее, как отмечает Г. Киссинджер, «...на определенном этапе экспансионизм более не умножал мощь России, но способствовал ее упадку... В 1849 году Россия в самом широком плане считалась сильнейшей страной Европы... В промежутке между 1848 и 1914 годами Россия была вовлечена в полдюжину войн (колониальные не в счет). Таким не могла похвастаться ни одна великая держава. В каждом из этих конфликтов, за исключением интервенции в Венгрию в 1849 году, финансово-политические потери России намного превышали ожидаемые выгоды. Хотя каждый из этих конфликтов собирал свою дань, Россия продолжала отождествлять свой статус великой державы с территориальной экспансией» [7, с. 154].

Участие в конце XIX – начале XX вв. в политическом соперничестве с ведущими европейскими державами, сформировавшими свои колониальные империи вокруг имперского ядра – национального государства, завершающими свою социальную модернизацию, являющимися индустриальными державами (сначала Великобританией, а затем Германией) понуждало Россию поддерживать свою вооруженную силу на должном уровне.

Аграрной экономике России становилось все тяжелее содержание самой большой по численности армии мирного времени и флота, должных соответствовать стандартам вооруженных сил индустриальных держав. Реализация военных программ потребовала 8,4 млрд рублей золотом (за 1898–1913 гг.). На флот и армию царская Россия потратила за это время более 22% всех своих расходов. Чтобы выжать из бюджета 8,4 млрд руб. золотом на Военное и Морское министерства, царское правительство закручивало налоговый пресс, вводя новые косвенные налоги и увеличивая старые. Оно сокращало до предела расходы на просвещение, науку и социальные нужды [15, с. 132].

Реализация экспансии путем завоеваний требовала постоянного напряжения сил империи. В условиях соперничества с европейскими колониальными империями, опиравшимися на индустриальную экономику, поддержание на должном уровне военного могущества стало непосильной ношей для империи.

Социально-экономическая колонизация была вторым путем территориального приращения Российской империи.

Идеальная модель колонизации представляет процесс освоения новых территорий, когда вслед за их географическим исследованием и описанием возникают сначала редкие поселения, прокладываются дороги, образуются основные торговые пути, формируется система управления и, наконец, эти территории включаются как равноправное звено, элемент в территориальную структуру региона или страны [3, с. 683]. По мере формирования институтов центральной власти, развития ее инструментов колонизация и завоевания все более переплетались, становясь упорядоченным и направляемым из Центра процессом экспансии, ведущим к образованию континентальной имперской системы. Например, Сибирь виделась уже не просто земельным запасом или стратегическим тылом, благодаря которому Россия, бесконечно продолжаясь на восток, становится несокрушимой для любого врага с запада [13, с. 294, 298]. В проектах С. Ю. Витте, П. А. Столыпина и других политических и хозяйственных деятелей империи Сибирь, и шире вся территория за Уралом, определяется как пространство, необходимое для национального, геополитического и экономического переустройства империи, обретения ею новой опоры в многочисленных русских переселенцах на эти колонизируемые пространства.

При колонизации осуществлялась интеграция периферийных регионов в состав Российской империи, формирование внешних и внутренних границ, создание локальных центров имперского влияния. Со второй половины XIX века движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) и в правительстве, и в обществе начинает восприниматься как целенаправленное политическое конструирование империи.

Колонизация осуществлялась различными способами, с разными целями и задачами. В одних случаях главной задачей было земледельческое освоение территории, в других (прежде всего Кавказ) – решение внутренних военных задач, в третьих главным мотивом была логика геополитического соперничества, а в Западном крае целью было частичное изменение этнического баланса населения для достижения русификаторского эффекта [10, с. 140].

Российская империя активно и постоянно вела экспансию и в форме завоевания, и в форме колонизации. В результате имперского экспансионизма складывалась конгломератная империя, обладающая

специфическими чертами, во-первых, географическими – ни одна другая империя не складывалась в более суровых и экономически неблагоприятных условиях. Во-вторых, цивилизационными – империя придала политическую форму православной цивилизации, продолжательницы политических, культурных, религиозных традиций Византии, Киевской Руси, Золотой Орды, что и обеспечило ее доминирование на территории Евразии. В-третьих, геополитическими – Российская империя распространилась на значительную часть евразийского континента, Хартленда, соприкасаясь, взаимодействуя с политическими организациями других цивилизаций и нередко успешно противостоя им.

Территориальная экспансия и колонизация Российской империи привела к тому, что с 1646 по 1914 г. ее территория увеличилась с 14,1 до 21,8 млн км², или в 1,55 раза, а население – с 7 до 178 млн человек, в 25,4 раза. Россия стала второй, после Британской, по размерам территории империей. Анализ, проведенный Мироновым Б. Н., показывает, что основным источником роста населения во второй половине XVII – начале XX в. были присоединения, завоевания и естественный прирост нерусского населения. Россия превратилась в многонациональную империю, в которой «титульная» нация оказалась в меньшинстве, к 1917 г.– 44,6% населения страны [11, с. 20, 25].

Рассмотрим организацию отношений между центром и периферией Российской империи. Формально Россия была унитарным государством, но на протяжении своего существования и по мере продвижения территориальной экспансии включала в себя все новые территории, для которых было необходимо находить своеобразные формы имперской интеграции через предоставление различных форм автономии. Приобретенные территории становились имперскими периферияими в политическом, экономическом, и культурном аспектах, их взаимоотношения с центром имели определенную специфику.

Территории, включенные в состав империи путем завоевания, интегрировались в империю, становясь ее периферияими, следующими путями.

1. Губернии с особым статусом сохраняли автономию с учетом этнического состава или особенностями статуса до присоединения к империи. В результате Ништадтского мира 1721 года балтийские провинции Швеции Эстляндия и Лифляндия были присоединены к России. При этом сохранялись привилегии населения этих территорий и самостоятельность в решении многих вопросов их жизни, то же можно сказать о Бессарабии [5, с. 30].

2. Личная уния, согласно которой российский император выступал в качестве суверена для данных политических образований и сохранял тем самым их государственность, предоставляя им самостоятельность в некоторых вопросах конституционного устройства, языка, образования и др. На такой основе присоединены Казанское царство (1552–1708 гг.), Царство Польское (1815–1831 гг.) и Великое княжество Финляндское.

3. Протекторат предусматривал, что империя приобретала верховный суверенитет над политическим образованием, во внешних делах и военных вопросах, при сохранении его автономии во внутренних делах и собственной династии правителей (Бухарское ханство, затем эмират (с 1868 г.), Хивинское ханство (с 1873 г.), империю представляли Российское политическое агентство в Бухарском эмирате, аппарат начальника Амударьинского отдела по связям России с Хивинским ханством [14, с. 12]).

4. Наместничество, особый военно-административный режим с наделением наместника, подчиненного напрямую императору всей полнотой власти. Кавказ, покоренный и присоединенный к империи в середине XIX в., управлялся таким образом. Сходный режим управления имел Туркестанский край, объединяющий покоренные земли Средней Азии [12, с. 97–98].

Территории, вошедшие в состав империи по договору, наделялись различными формами автономии.

1. С признанием значительной политической и финансовой самостоятельности, сохранением выборного главы, самобытного административно-территориального деления, самоуправления и суда (было единожды в отношении Малороссии 1667–1764 гг.).

2. Предоставлением союзной территории самостоятельности в вопросах местного самоуправления и наделением населения правами военного сословия и соответствующими привилегиями в обмен на выполнение военных, а позднее, и полицейских функций (области казачьих войск) [4, с. 8–9].

3. С признанием и утверждением действующего правителя и его династии, как правило, с назначением представителя имперской власти и последующим включением в империю на общих основаниях (Казахское ханство, Картли-Кахетинское царство, закавказские княжества, Урянхайский край (Тува).

4. Различными формами признания политической зависимости от империи, носящими феодальный характер, с последующим присоединением (русские удельные княжества, Большая Ногайская Орда, Сибирское ханство, Калмыцкое ханство).

Территории, приобретенные путем колонизации, можно разделить на две категории.

1. Земли, практически не занятые местным населением после хозяйственной колонизации, включаемые в административную систему империи.

2. Земли, населенные кочевыми, оседлыми и бродячими «инородцами» с их покорением и предоставлением культурной автономии (главным образом, народы Сибири).

Таким образом, в политическом отношении Российская империя складывалась в качестве конгломерата периферий, обладающих разной степенью автономии. По мере утверждения имперской власти на включенных в состав империи территориях упразднялись особенности их статуса. По мере совершенствования и модернизации имперских институтов центрального управления упразднялась политическая автономия конгломератов, составляющих периферию. В начале XX в. политическая автономия сохранялась только за Финляндией. Бухара и Хива контролировались агентами Российской империи, также ее представители были направлены в присоединенную Туву. Местные особенности самоуправления сохранялись в Прибалтике. Империя, предоставляя автономию полученным в результате экспансии территориям, не приобретала характера союзного государства, объединяющего территории обладающие политической самостоятельностью. Наоборот, империя стремилась сохранить свой унитарный характер политико-территориального устройства.

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства [Текст] / П. Андерсон. – М. : Территория будущего, 2010. – 511 с.
2. Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России [Текст] / С. Н. Гавров. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
3. Империя пространства: хрестоматия по геополитике и геокультуре России [Текст] / сост. Д. Н. Замятин, А. Н. Замятин. – М. : РОССПЭН, 2003. – 720 с.
4. Зелинский В. Е. Вхождение Области войска донского и казачества в государственно-правовое пространство России [Текст] / В. Е. Зелинский: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2009. – 27 с.
5. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С. 80–81.
6. Каппелер А. Формирование Российской империи в XV-начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды [Текст] / А. Каппелер // Российская империя в сравнительной перспективе: сборник статей / под ред. А. И. Миллера. – М. : Новое издательство, 2004. – 384 с.
7. Киссинджер Г. Дипломатия. – М. : «Ладомир», 1997. – 848 с.
8. Классика геополитики, XX век: Сб. [Текст] / Сост. К. Королев. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2003. – 731 с.
9. Лобин А. Н. К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. [Текст] / А. Н. Лобин // Петербургские славянские и балканские исследования. Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2009. – № 1–2 (5/6). – С. 45–78.
10. Миллер А. Русификации: классифицировать и понять. // Ab Imperio. – 2002. – № 2. – С. 133–148.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. – 2 изд., исп. – СПб. : «Дмитрий Буланин», 2000. – 548+568 с.
12. Ремнев А. В. Имперское управление азиатскими регионами России в XIX – начале XX вв. : некоторые итоги и перспективы изучения // Пути познания истории России: новые подходы и интерпретации. – М. : Изд-во Московского общественного научного фонда, 2001. – С. 97–125.
13. Ремнев, А. В. Россия и Сибирь в меняющемся пространстве империи, XIX – начало XX века [Текст] / А. В. Ремнев // Российская империя в сравнительной перспективе: сборник статей / под ред. А. И. Миллера. – М. : Новое издательство, 2004. – С. 286–320.
14. Тухтаметов Ф. Т. Правовое положение Туркестана в Российской империи: Вторая половина XIX века: Историко-правовое исследование [Текст] / Ф. Т. Тухтаметов: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. – М., 2003. – 34 с.
15. Шацилло К. Ф. Последние военные программы Российской империи // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8. – С. 224–233.
16. Шмидт С. В некотором царстве, некотором государстве...: Как правильно называть Российскую державу в XVI веке [Текст] С. Шмидт // Родина. – 2004. – № 12. – С. 35–40.
17. Mellor R. E. H. The Soviet Union and its Geographical Problems. – London : Macmillan, 1982. – 207 p.

ВЕКОРДИЗМ, ДЕФИЦИТ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕГО ЗНАНИЯ В ПРАКТИКАХ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.752.4

Т. В. ФИЛИППОВСКАЯ

Любая попытка введения нового понятия для объяснения актуальных интеракций и поведенческих стратегий индивидов и общностей не может не вызывать интерес. В связи с этим, векордизм, представленный М. В. Чекмарёвым и А. С. Чупровым [7], неизбежно привлечет внимание исследователей. Это связано с тем, что востребованность оценки способов ухода от реальности, социокультурной и психологической самозащиты в социуме никогда не теряла своей значимости. Итак, по мнению разработчиков понятия, векордизмом следует считать «способ защиты от агрессивного мира путём использования ресурса безумия» [7, с. 6–7]. В свою очередь, агрессивность мира воспринимается человеком через «разнородный поток сигналов, транслирующих, порой, противоположные культурные коды, говорящие об опасности, нестойкости и дискомфортности существования». Отсюда интериоризация мира идет через осмысление свойственных этому миру «психопатологических элементов», а экстериоризация связывается с «крушением надежд на внятный смысл жизни для всех и каждого», детерминируется стремлением к самозащите «от всего мира сразу» и выражается в агрессии и бегстве.

Агрессия, по мнению М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова, проявляется в демонстрации пренебрежения по отношению и к миру природному («лесные пожары» по вине человека, публичное «насилие над животными», символическая агрессия – насилие над собственным телом через пирсингование и татуировки), и к миру социокультурному («неприятие норм общества, транслируемых от родителей к детям»).

Аутоагрессия выделяется авторами отдельной проблемой агрессии «как в физическом, так и психологическом проявлении» и позиционируется «патологией» «на общем фоне гедонистической установки» [7, с. 7]. Однако, мы не видим ответа на вопрос о том, как коррелируют социально-психологический контекст и социокультурные реалии. То есть, не внесена методологическая ясность об этом в связи с различными уровнями интеракций (индивид, общность, общество), диспозициональными акцентами и отличиями в методологических подходах философии, социальной психологии, социологии как общей, так и девиантного поведения, и т. д., хотя авторы используют достаточно широкий междисциплинарный контекст для подтверждения своих выводов.

Указанное нами противоречие проявляется и при обращении М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова к мотивам бегства, которое в сравнении с аутоагрессией «встречается не менее часто. Бежать можно к чему-то и от чего-то, поэтому побег от проблемы предстаёт в форме зависимости или изоляции» [7, с. 8]. Нехимические зависимости авторами дополняются шопингом, трудоголизмом и «аффлюенцэй» – зависимостью от кредитных услуг и обобщаются через всё, что связано с «товарами, услугами и развлечениями» [7, с. 8]. В сущности, как далее указывают М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров, происходит своеобразная замена «свободы на очередное рабство».

Причины авторами также представлены:

1. «новая эпоха и новое мироощущение вводит иную классификацию людей, в которой место знания заменяет навык, а компетентность начинает означать «умение делать» без обязательной «способности понять»;

2. «никто не хочет сказать, как принимать самостоятельные решения, совершая осознанный выбор, предполагающий значительную меру (и бремя) ответственности. Человек пытается доверить свою свободу (и, соответственно, ответственность) кому-то или чему-то» [7, с. 8].

К сожалению, эти позиции авторами не подтверждаются ни через социологические, ни через какие бы то ни было другие исследования. Хотя подобный экскурс, предполагающий научность подхода, явно востребован. Думается, что в связи с этим и в последующих авторских выводах позиционируется явное противоречие с предшествующими рассуждениями. Так, М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров, развивая мысль не о всепланетарном апокалипсисе, артикулируемом в актуальных исследованиях, а о «социальной смерти», выражают удивление в связи с тем, что в представленном ими фрейме присутствует возрастающий интерес молодежи к духовности: «Девальвация ценностей почти не касается утраты интереса к духовности. Вопросы смысла бытия, смерти, свободы, межличностных взаимоотношений и одиночества не теряют актуальности для молодёжи. Но их поиск идёт в другой культуре. Её даже трудно назвать более низкой» [7,

с. 9]. Скорее, ее следует назвать просто иной – молодежной субкультурой. «Низка» она или «высока», – может быть определено только в процессе выбора критериев для сравнения. Одновременно, не анализируется, почему в рамках именно этой молодежной культуры, как можно увидеть в тексте статьи, параллельно идут взаимоисключающие процессы: векордизм и рост востребованности традиционных культурных ценностей.

Не сосредоточивая внимания на процессности представляемых социальных феноменов, М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров так и оставляют читателя перед большим веером комментируемых, но ничем не верифицируемых утверждений. Представляется, что и в этих ссылках явно не хватает классически известных источников. Например, ссылки на подход к исследованию проблемы бегства от свободы Э. Фромма [4, с. 10]. Как известно, ученый указывал: «Современный человек все еще охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам – или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат». Не исключено, что и фроммовский концепт о социальном характере также оказал бы значительную помощь авторам в более четкой институционализации вводимого понятия «векордизм». Так, у Э. Фромма указывалось на то, что именно социальный характер является ключевым для понимания общественных процессов и специфической формой. «человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в определенном обществе» [4, с. 271].

Аналогично, по можно было бы обратиться и к концептам Э. Фромма по поводу проблем этики, норм и ценностей, так как «неврозы рассматриваются как симптом моральной несостоятельности (хотя «приспособление» никоим образом не может рассматриваться как симптом морального благополучия)» [5, с. 10].

Много дополнительной информации для усиления научности рассуждений М. В. Чекмарёва и А. С. Чупрова можно было бы получить в эссе Р. Арона [1], в работах Ф. Фукуямы [6] и других известных исследователей.

В связи с отсутствием в статье о векордизме того, что мы называем методологией, интересные авторские мысли оказываются как бы в смешении причин и следствий. Так, безусловный интерес представляло бы сопоставление авторских рассуждений с «дефицитом социализирующего знания», который сказывается на неспособности личности сконструировать базовые компетенции, «необходимые для полноценного социального функционирования в обществе» [2]. Этот дефицит назван Е. В. Руденским виктимизацией в образовании и становится «когнитивной дефицитарностью личности» и приводит именно к тем последствиям, на которые указывают М. В. Чекмарёв и А. С. Чупров.

Как бы там ни было, но вопрос, заданный Э. Фроммом много лет назад, остается по-прежнему актуальным: «Как же человечество может спастись от самоуничтожения в этом конфликте между преждевременной интеллектуально-технической зрелостью и эмоциональной отсталостью?» [4, с. 11]. Другой вопрос: каков механизм инициирования этого конфликта в практиках повседневности и, что самое важное – преодоления этого конфликта. В этом ракурсе М. В. Чектарёв и А. С. Чупров предполагают, что «постепенно жизнь в новом мире становится привычной... Компенсация переходит в адаптацию» [7, С. 12]. Но указание на источник преодоления «ресурса безумия» весьма пессимистично: оно связано только со временем взросления «детей начала второго десятилетия XXI века». То есть, тех, «кто всецело вырос внутри среды с высокой информационной динамикой». Учитывая этот, ориентированный только на абстрактное время, прогноз, чрезвычайно важно осознать: если именно они с нашей помощью не освоят технологию минимизации негативных экстерналий от отторжения знаний [3], мир, действительно, «скатится» в полный векордизм.

1. Арон Р. Эссе о свободах / Р. Арон / Пер. с фр. Н. А. Руткевич. – М. : Праксис. – 2005. – 208 с.
2. Руденский Е. В. Рефлексивная концептуализация тенденций модернизации российского образования на основе интеграции парадигм социологии знания и клинической социологии / Е. В. Руденский. – URL: http://www.portalus.ru/modules/psychology/rus.
3. Филипповская Т. В. Отторжение знаний и регрессивная мобильность интеллигенции: актуальные практики // Социум и власть. – 2012. – № 2. С. 19–23.
4. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм / Пер. с нем. Г. Ф. Швейника. – М. : АСТИ; АСТ Москва. – 2011. – 288 с.
5. Фромм Э. Человек для самого себя / Э. Фромм / Пер. с англ. Э. Спировой. – М. : АСТИ; АСТ Москва. – 2009. – 328 с.
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма. – М. : АСТИ: АСТ Москва. – 2008. – 730 с.
7. Чекмарёв М. В., Чупров А. С. Векордизм, или мироощущение как способ защиты // Социум и власть. – 2011. – № 4 (32). С. 5–12.

АННОТАЦИИ К СТАТЬЯМ

СОЦИУМ

Зырянова Н. С. Особенности рекламного текста как средства коммуникации в обществе массового потребления. Статья посвящена анализу рекламы как средства коммуникации в массовом обществе. Автор подробно рассматривает постмодернистские теории, связанные с представлениями о массовизации в современном обществе, о функциях рекламы как средства интеграции и дифференциации индивидов и групп, а также особенности структуры рекламного текста в зависимости от этих функций.

Ключевые понятия: толпа, масса, массовое общество, коммуникация, реклама, структура рекламы.

Бузин В. Н. Медиапространство в структуре социального пространства. В статье рассматриваются актуальные вопросы социологии пространства. Медиапространство определяется как часть социального пространства. Рассмотрение проблематики медиапространства ведется в рамках деятельностного подхода.

Ключевые понятия: социальное пространство, медиапространство, деятельность.

Аманова Л. М., Прилукова Е. Г. Роль масс медиа в политической социализации. Статья посвящена осмыслению роли массмедиа в политической социализации, которые становятся ее агентом. Индивид включается в задаваемую средствами массовой информации реальность.

Ключевые понятия: массмедиа, образ, политическая реальность, знание, человек, общество, политическая социализация.

Золина Г. Д. Массмедиа и имидж региона. В статье рассматриваются проблемы формирования социальной общности в периметре региона в процессе его идентификации и имиджирования с помощью разностороннего арсенала политических, экономических, культурных, психологических, информационных, коммуникативных средств. При этом особая роль отводится социальному партнёрству властных и массмедийных структур, которые в условиях мировой глобализации и отечественной модернизации проявляют способность индуцировать креативно-позитивную энергетику реформ и на уровне общественного сознания «превращать» население в народ, а территорию — в регион.

Ключевые понятия: социальная общность региона, политическая идентичность, политический имидж, аттрактор идентификации и имиджирования, диффузия политики и информации.

Реймер В. В., Манаков Н. С. Бедность в России: масштабы и структурные особенности. В статье рассматривается проблема бедности в России. Анализируются дифференциация населения по уровню доходов, модель социальной политики в условиях рыночной экономики. Предпринята попытка оценить масштабы бедности в стране.

Ключевые понятия: бедность, доход, дифференциация доходов, социальная политика.

Фельдман М. А. Социальные аспекты образовательной реформы в современной России (2009–2010 гг.). В статье рассмотрены процессы реформирования оплаты труда в учреждениях образования и культуры. Анализ публикаций и аналитических размышлений позволил выявить основные проблемы

ANNOTATIONS TO THE ARTICLES

SOCIUM

Zyryanova, N. S. Features of the advertising text as a means of communication in the mass consumption society. The article analyzes advertising as a means of communication in the mass society. The author examines post-modernist theories related to the ideas of massification in modern society, ideas of the functions of advertising as a means of integration and differentiation of individuals and groups, as well as features of the structure of the advertising text related to these functions.

Key concepts: crowd, mass, mass society, communication, advertising, advertising structure.

Buzin, V. N. Media space in the structure of social space. The article deals with topical issues of sociology of space. The media space is defined as a part of social space. Consideration of issues of the media space is done within the activity approach.

Key concepts: social space, media space, activity.

Amanova, L. M., Prilukova, E. G. Role of mass media in political socialization. The article is devoted to the understanding of the role of mass media as an agent of political socialization. An individual is included into the reality set by mass media.

Key concepts: mass media, image, political reality, knowledge, person, society, political socialization.

Zolina, G. D. Mass media and the image of a region. The article considers issues of formation of a social community within the perimeter of a region within the process of its identification and image making using versatile arsenal of political, economic, cultural, psychological, informational and communicative tools. A special role is given to social partnership of power and mass media structures, which, in the circumstances of globalization and national modernization, express the ability to induce the creative and positive energy of reforms, and, at the level of social consciousness, to "convert" population into a people, and a territory – into a region.

Key concepts: social community of a region, political identity, political image, identification and image-making attractor, diffusion of politics and information.

Reimer, V. V., Manakov, N. S. Poverty in Russia: the extent and structural features. The article considers the problem of poverty in Russia. The population differentiation by income levels as well as the model of social policy in the environment of market economy are analyzed. An attempt to assess the extent of poverty in the country is undertaken.

Key concepts: poverty, income, income differentiation, social policy.

Feldman, M. A. Social aspects of the education reform in contemporary Russia (2009–2010). The article examines the processes of payment schemes reforms in institutions of education and culture. The analysis of publications and analytical reflections made it possible to identify the main issues of the transition to a new payment scheme, to

перехода на НСОТ, поставить вопрос о разработке критериев эффективности работы учителей, сделать вывод о малой информационной освещенности проблем, связанных с подушевым финансированием. В заключении обозначены первые итоги введения НСОТ в Свердловской области.

Ключевые понятия: оплата труда, новая система оплаты труда (НСОТ), нормативное подушевое финансирование, социальное направление реформирования образования.

raise the question of the elaboration of the teachers' work efficiency criteria, to conclude that the issues related to per capita funding have poor information coverage. In the conclusion, the first results of the introduction of the new payment scheme in the Sverdlovsk region are exposed.

Key concepts: payment scheme, new payment scheme, normative per capita funding, social direction of the education reform.

Скоробогацкий В. В. Взаимосвязь институционального и эволюционного подходов в социальном познании. В статье рассматривается вопрос о формировании социально-эволюционной парадигмы в социальном познании. Автор рассматривает взаимосвязь институционального и эволюционного подходов как одно из ключевых условий становления новой парадигмы в социальной науке.

Ключевые понятия: методология социального познания, идеология, «культура партийности», неоинституционализм, социально-эволюционная парадигма.

Skorobogatskiy, V. V. Correlation of the institutional and evolutional approaches in social cognition. The article discusses the issue of formation of a socio-evolutional paradigm in social cognition. The author examines the correlation of the institutional and evolutional approaches as one of the key conditions for the formation of a new paradigm in the social science.

Key concepts: methodology of social cognition, ideology, «culture of partisanship», neoinstitutionalism, socio-evolutional paradigm.

ВЛАСТЬ

POWER

Шмурыгина О. В. О содержательном потенциале концепта потестарности. В статье предпринята попытка экстраполяции на общество эпохи постмодернизма концепта, актуализированного А. И. Сосландом, восходящего к «диалектике раба и господина» Г. Гегеля, опирающегося на образ всепроникающего «поля власти» М. Фуко.

Ключевые понятия: власть, властные отношения, потестарность в эпоху постмодернизма.

Shmurygina, O. V. On the content potential of the concept of potestarity. The article attempts to extrapolate the concept actualized by A. I. Sosland, dating back to the G. Hegel's master-slave dialectic based on the image of the M. Foucault's pervasive «field of power», to the post-modern society.

Key concepts: power, power relations, potestarity in the age of post-modernism.

Борисенков А. А. Политический режим — способ политического влияния. В статье исследуются сущность и виды политического режима, его роль в осуществлении политического влияния. Рассматриваются противоречия в толковании политических режимов. В частности, показано, что политический режим и демократический режим — это два разных социальных режима. Раскрываются особенности и виды демократических политических режимов.

Ключевые понятия: политика, социальное управление, политическое влияние, политический режим, демократический режим, демократический политический режим.

Borisenkov, A. A. Political regime – a way of political influence. The article the nature and types of a political regime, its role in the implementation of political influence. Contradictions in interpretation of political regimes are considered. In particular, it is shown that a political regime and a democratic regime are two different social regimes. Features and types of democratic political regimes are revealed.

Key concepts: politics, social control, political influence, political regime, democratic regime, democratic political regime.

Бердникова Н. С., Подвинцев О. Б. Трансформация моделей управления в крупных российских городах на рубеже 2000–2010-х гг.: Пермь, Екатеринбург, Омск. В ходе исследования был проведен анализ взаимодействия городских легислатур с главами местного самоуправления в крупных городах России: Перми, Омске, Екатеринбурге. На основе интервью с представителями местного самоуправления и экспертами проанализированы политические сценарии, особенности моделей взаимодействия в политической практике крупных городов.

Ключевые понятия: муниципальный уровень управления, модель взаимодействия, оппозиция, технологии формирования лояльного представительного органа, группы депутатов.

Berdnikova, N. S., Podvintsev, O. B. Transformation of governance models in major Russian cities in 2000–2010's: Perm, Yekaterinburg, Omsk. The study analyzed the interaction of cities' legislatures with heads of local government in major Russian cities: Perm, Omsk and Yekaterinburg. Political scenarios and features of interaction models in political practice of large cities were analyzed on the basis of interviews with representatives of local government and experts.

Key concepts: municipal level of governance, interaction model, «the opposition», technique of a loyal representative body formation, groups of deputies.

Киричёк П. Н. Пресса и власть: фокус гиперболоида. В статье рассматриваются теоретические и при-

Kirichek, P. N. Press and power: the hyperboloid focus. The article deals with theoretical and applied issues of

кладные проблемы взаимодействия журналистики и политики в условиях перехода российского общества из индустриального в постиндустриальный модус развития. При этом особая роль отводится медиакультуре как качественному духовно-практическому продукту этого взаимодействия, порождаемому исполнением прессой не только родовых функций «информирования» и «посредничества», но и в целом социальной миссии журналистики.

Ключевые понятия: политика, журналистика, власть, пресса, медиакультура, диффузия прессы и власти.

interaction of journalism and politics in the circumstances of transition of the Russian society from the industrial mode of development to the post-industrial one. At the same time, a special role is given to the media culture as a qualitative moral and practical product of this interaction generated by the press performing not only its generic functions of «informing» and «mediation», but also the social mission of journalism in general.

Key concepts: politics, journalism, power, the press, media culture, diffusion of press and power.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

STATE AND LAW

Кондратьев С.М. Органы местного самоуправления в государствах с континентальной системой права. В работе рассматриваются вопросы организации местного самоуправления в странах континентальной Европы, франкоязычной Африки, Латинской Америки.

Ключевые понятия: местное самоуправление, управление на местах.

Kondratiev, S.M. Local government bodies in states with continental systems of law. The paper deals with the structures of local government in the continental Europe, Francophone Africa, and Latin America.

Key concepts: local government, local administration.

Денисов А.В. Особенности правового регулирования государственной дипломатической службы в Российской Федерации. Автор проводит попытку определить место дипломатической государственной службы в системе российского права. Проводя системный анализ правовых норм, регулирующих дипломатическую службу, автор предлагает рассматривать данный вид службы вне рамок государственной гражданской службы. В исследовании акцент делается на некорректность терминологии и противоречия в существующем законодательстве.

Ключевые понятия: правовое регулирование, дипломатическая государственная служба, дипломатические ранги, дипломатический сотрудник.

Denisov, A.V. Peculiarities of legal regulation of the state diplomatic service of the Russian Federation. The author makes an attempt to determine the place of the state diplomatic service in the system of the Russian law. Carrying out a systematic analysis of the legal rules regulating the diplomatic service, the author proposes to consider this type of service outside the state civil service. The study focuses on the incorrect terminology and inconsistencies in the existing legislation.

Key concepts: legal regulation, diplomatic state service, diplomatic ranks, diplomatic official.

Пиликин Г.Г. Финансовое законодательство в системе факторов создания инновационной экономики (юридико-технологический аспект). В статье рассматриваются вопросы финансово-правового и иного регулирования инновационной деятельности в целях массового применения последней в экономике России.

Ключевые понятия: финансовое законодательство, инновации, стимулы, преференции, инновационные власти, участники «Генерального соглашения».

Pilikin, G.G. Financial legislation in the system of the innovative economy creation factors (legal and technological aspects). The article deals with the financial and legal, as well as other types of regulation of innovative activities aimed at mass use of the latter in the economy of Russia.

Key concepts: financial legislation, innovation, innovations, preferences, innovative authorities, participants of the «General Agreement».

Гарбатович Д.А. Эффективность уголовно-правовой политики в отношении налоговых преступлений. В статье обосновывается положение о том, что ослабление уголовно-правовой политики в отношении налоговых преступлений в первую очередь защищает интересы потенциальных субъектов данных преступлений: крупных промышленников, предпринимателей, бизнесменов.

Ключевые понятия: уголовно-правовая политика, налоговые преступления, уклонение от уплаты налогов, эффективность уголовно-правовых мер, субъект преступления.

Garbatovich, D.A. Effectiveness of penal policy towards tax crimes. The article substantiates the statement that the weakening of the penal policy towards tax crimes, first of all, protects interests of potential perpetrators of such crimes - industrialists, entrepreneurs and businessmen.

Key concepts: penal policy, tax crimes, tax evasion, effectiveness of penal measures, crime perpetrator.

Баранов А.М., Мазунин Я.М. Проблемы законодательного регулирования производства предварительных специальных исследований.

Baranov, A.M., Mazunin, Ya.M. Issues of legislative regulation of the process of preliminary special investigations. The article provides a brief analysis of

В статье проведен краткий анализ действующего законодательства, предусматривающего использование такой формы использования специальных знаний, как предварительные специальные исследования, выявлены противоречия, подлежащие устранению путем совершенствования законодательства.

Ключевые понятия: расследование, уголовный процесс, законодательное регулирование, формы использования специальных знаний, предварительные специальные исследования.

the current legislation providing for the use of such form of the use of special knowledge as preliminary special investigations. Contradictions subject to elimination through the improvement of the legislation are revealed.

Key concepts: investigation, criminal procedure, legislative regulation, forms of the use of special knowledge, preliminary special investigations.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Лоскутов В. А. Кризис управления кризисом: социологический анализ. В статье анализируются сущность, причины мирового экономического кризиса, особенности его проявления в России. Автором выявлены и доказаны: системообразующая роль институционального кризиса, представляющего собой наложение друг на друга трех глубочайших кризисов: российского капитализма, российского посткапитализма, российского постсоциализма; состояние кризиса государственного управления кризисом.

Ключевые понятия: кризис государственного управления кризисом, кризисы капитализации, виртуализации, институциализации, кризис российского капитализма, кризис российского посткапитализма, кризис российского постсоциализма.

Реймер В.В., Манаков Н.С. Бедность в России: масштабы и структурные особенности. В статье рассматривается проблема бедности в России. Анализируются дифференциация населения по уровню доходов, модель социальной политики в условиях рыночной экономики. Предпринята попытка оценить масштабы бедности в стране.

Ключевые понятия: бедность, доход, дифференциация доходов, социальная политика.

Берзин Б.Ю. Ценностные ориентации государственных служащих в системе регуляции поведения. Представлены результаты эмпирического исследования особенностей ценностных ориентаций федеральных государственных служащих территориальных органов исполнительной власти. Проведен сравнительный анализ их ценностных представлений с данными исследований проведенных в других регионах России с представителями иных социально-профессиональных групп. Установлено, что в ценностном сознании личности государственного служащего регуляторами поведения выступают конкретные жизненные ценности. Ценности личной жизни превалируют над ценностями профессиональной самореализации. Конформистские ценности во многом определяют сознание и поведение государственного служащего. Структура их ценностных представлений совпадает в значительной мере с миром ценностей студентов и отлична от структуры ценностных ориентаций предпринимателей. Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации и представления, профессиональная самореализация, регуляторы поведения, личная жизнь, государственный служащий.

Ключевые понятия: поведение государственных служащих, регуляция поведения, ценностные ориентации.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Loskutov, V. A. Crisis management crisis: a sociological analysis. The article analyzes the nature and causes of the global economic crisis, features of its manifestation in Russia. The author identified and proved the system-making role of the institutional crisis, which is an "overlay" of the three severest crises: those of Russian capitalism, Russian post-capitalism and Russian post-socialism, as well as the crisis of the state crisis management.

Key concepts: crisis of the state crisis management, crises of capitalization, virtualization, institutionalization, crisis of Russian capitalism, crisis of Russian post-capitalism, crisis of Russian post-socialism.

Reimer, V.V., Manakov, N.S. Poverty in Russia: the extent and structural features. The article considers the problem of poverty in Russia. The population differentiation by income levels as well as the model of social policy in the environment of market economy are analyzed. An attempt to assess the extent of poverty in the country is undertaken.

Key concepts: poverty, income, income differentiation, social policy.

Berzin, B.Yu. Value orientations of civil servants in the behavior regulation system. The results of an empiric study of the features of value orientations of federal civil servants of the executive power territorial bodies are presented. A comparative analysis of their value views and the results of investigations conducted with representatives of other socio-professional groups in other regions of Russia is done. It is established that specific principles of life are the behavior regulators in the value consciousness of an individual civil servant. The private life values prevail over the values of professional self-fulfillment. The conformist values largely determine the consciousness and behavior of civil servants. The structure of their value representations coincides largely with the world of values of students and differs from the value orientations structure of entrepreneurs. Key words: values, value orientations and views, professional self-fulfillment, regulators of behavior, private life, civil servant.

Key concepts: behavior of civil servants, behavior regulation, value orientations.

Судаков М.Н. Влияние волевого ресурса руководителя на характер социального взаимодействия. Рассматривается взаимозависимость волевого ресурса руководителя, его социального типа, индивидуальной жизненной стратегии и характера ориентаций в организационно-командном взаимодействии.

Ключевые понятия: руководитель, волевой ресурс, тип личности, индивидуальная стратегия, социальное взаимодействие.

Sudakov, M.N. Influence of the strong will resource of an organization leader on the nature of social interaction. Interdependence of the strong will resource of an organization leader, his/her social type, individual life strategy and the nature of orientations in organizational and team interaction is considered.

Key concepts: leader, strong will resource, personality type, individual strategy, social interaction.

Квасова Н.А, Шестопалов Е.В. Мониторинг культурного пространства хозяйственного образования с позиции рационализации его деятельности. В статье рассмотрены вопросы управления структурой корпорации с акцентом на снижение непроизводительных действий персонала корпорации. Приведены примеры сокращения численности работников при различных подходах к осуществлению этого процесса. Бережливое производство рассматривается как составляющая культуры отношений между сотрудниками фирмы.

Ключевые понятия: управление производством, организационная культура фирмы, рационализация структуры принятия управленческого решения, культура бережливого производства, философия общей судьбы, организационная и корпоративная культура.

Kvasova, N.A., Shestopalov, E.V. Monitoring of the cultural space of an economic organization from the perspective of rationalization of its activities. The article deals with the management of a corporation structure with the focus on the reduction of non-productive activities of the corporation personnel. Examples of reducing the number of employees at various approaches to this process are given. Economical production is regarded as a component of the culture of relations between the firm's employees.

Key concepts: production management, firm's organizational culture, rationalization of management decision-making structure, economical production culture, common fate philosophy, organizational and corporate culture.

Егорова Т.А. Развитие институционально-правовых основ прогнозирования и управления доходами федерального бюджета. В статье автор показывает, что ключевой проблемой формирования оптимальной структуры доходной части федерального бюджета остается точность среднесрочного макроэкономического прогноза основных показателей развития экономики страны. Одновременно существуют крупные институциональные и методологические проблемы реализации бюджетной политики РФ, которые отражаются в структуре доходов федерального бюджета. Реалистичный сценарий оптимизации бюджетного процесса и бюджетной системы РФ может быть сформирован на основе методологии стратегического менеджмента и проектно-ориентированного управления доходами федерального бюджета.

Ключевые понятия: государственные финансы, федеральный бюджет, бюджетная политика, структура доходов, проектно-ориентированное управление, стратегия.

Egorova, T.A. Development of institutional and legal foundations of prognostication and management of the federal budget incomes. The author shows that the accuracy of medium-term macroeconomic prognostication of the basic indicators of the country's economic development remains the key issue of forming the optimal structure of the income part of the federal budget. At the same time, there are large institutional and methodological problems of implementation of the budgetary policy of the Russian Federation, which are reflected in the structure of federal budget incomes. A realistic scenario of optimization of the budgetary process and the budgetary system of the Russian Federation can be formed on the basis of methodology of strategic management and project-oriented management of revenues of the federal budget.

Key concepts: public finance, federal budget, budgetary policy, income structure, project-oriented management, strategy.

Кантор Р.И., Артёмова А.Н. Оценка эффективности региональной экономики на основе результатов анализа финансовых потоков совокупности предприятий региона. В статье представлен авторский подход к проведению оценки эффективности региональной экономики на основе результатов анализа финансовых потоков совокупности предприятий региона. Раскрыта суть методики статической оценки финансовых потоков, представлены результаты ее апробации на примере регионов Уральского федерального округа.

Ключевые понятия: финансовые потоки, региональная экономика, уровень социально-экономического развития.

Kantor, R.I., Artemova, A.N. Assessment of regional economy efficiency on the basis of the results of the analysis of cash flows of the totality of a region's enterprises. The article presents the author's approach to assessing the efficiency of regional economy on the basis of the results of the analysis of cash flows of the totality of enterprises of a region. The essence of the method of static assessment of cash flows is revealed, the results of its approbation are presented by the example of the regions of the Ural Federal District.

Key concepts: cash flows, regional economy, level of socio-economic development.

Бухтиярова Т.И., Федорова Е.В. Организация товародвижения розничных предприятий с использованием логистического подхода. В статье рассматривается процесс организации товародвижения, принципы, сущность с использованием логистического подхода, что является объективно необходимым в условиях решения проблемы отечественного товарообеспечения. Приведены результаты сравнительного анализа монографического обзора по проблеме: «технологическая цепь товародвижения» Представлена авторская схема товародвижения розничных предприятий.

Ключевые понятия: процесс товародвижения, организация, логистический подход.

Bukhtiyarova, T.I., Fedorova, E.V. Arrangement of goods movement by retailers with the use of the logistic approach. The article discusses the process of arrangement of goods movement, the principles, the essence of the use of the logistic approach, which is objectively necessary in circumstances of solving the problem of domestic supply of goods. The results of the comparative analysis from the monographic review on the topic of "the technological chain of goods movement" are given. The author's scheme of goods movement by retailers is presented.

Key concepts: the process of goods movement, organization, logistics approach.

КУЛЬТУРА

CULTURE

Павлов А.В. Морализм европейского Модерна. Анализируется роль морали в общественной жизни, рассматриваются ее экономические, политические и правовые аспекты, отмечается смена типов морали в зависимости от стадии культурно-исторической эпохи. Выдвигается тезис о чередовании демократии и тоталитаризма, капитализма и социализма.

Ключевые понятия: модерн, постмодерн, межцивилизационная эпоха, поколение, демократия, тоталитаризм, моральная обязательность.

Pavlov, A.V. Moralism of the European Modern. The role of morality in public life is analyzed, its economic, political and legal aspects are considered, the change of moral types depending on the stage of cultural-historical age is emphasized. The thesis of the alternation between democracy and totalitarianism, capitalism and socialism is put forward.

Key concepts: the Modern, postmodern, inter-civilization age, generation, democracy, totalitarianism, moral obligation.

Ларин Ю.В. Проблема будущего в проекции природы человека. Исходя из биосоциокультурной модели природы человека, в статье рассматриваются основные исторические эпохи и перспективы его бытия в мире.

Ключевые понятия: будущее, природа человека, социальность, культура.

Larin, Yu.V. Issue of the future in the projection of human nature. The article examines the main historical ages in terms of bio-socio-cultural model of human nature and prospects of human existence in the world.

Key concepts: future, human nature, sociality, culture.

ИСТОРИЯ

HISTORY

Шишков В.В. Территориальная экспансия Российской империи: от расширения к политической интеграции и унификации пространства. В статье рассмотрена территориальная экспансия Российской империи. Россия присоединяла территории в результате военных успехов и колонизации. Присоединенные территории и народы интегрировались в имперское пространство в качестве имперских периферий. Проанализированы пути интеграции и унификации имперского пространства.

Ключевые понятия: империя, Россия, территориальная экспансия, колонизация, отношения между имперским центром и периферией.

Shishkov, V.V. Territorial expansion of the Russian Empire: from expansion to political integration and unification of space. The article deals with the territorial expansion of the Russian Empire. Russia annexed territories results of victorious wars and colonization. The annexed territories and peoples integrated into the Empire's space as imperial peripheries. Ways of integration and unification of the imperial space are analyzed.

Key concepts: empire, Russia, territorial expansion, colonization, relationship between the imperial center and periphery.

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

DISCUSSIONS AND DEBATES

Филипповская Т.В. Векордизм, дефицит социализирующего знания в практиках повседневности и современной социологии. В статье автор пытается проанализировать достоинства и недостатки рассуждений М.В. Чекмарёва и А.С. Чупрова о векордизме.

Ключевые понятия: векордизм, отторжение знаний, социальный характер, дефицит социализирующего знания.

Filippovskaya, T.V. Vekordism, lack of socializing knowledge in everyday life practices and modern sociology. The author tries to analyze the strengths and weaknesses of the arguments by M. V. Chekmarev and A. S. Chuprov on vekordism.

Key concepts: vekordism, rejection of knowledge, social character, lack of socializing knowledge.

АВТОРЫ НОМЕРА

Аманова Ляля Мулагалимовна, кандидат педагогических наук, научный сотрудник Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: eg_prilukova@rambler.ru

Артёмова Анастасия Николаевна, доцент кафедры финансов и кредита Уральского социально-экономического института Академии труда и социальных отношений, г. Челябинск. E-mail: na02@yandex.ru

Баранов Александр Михайлович, начальник кафедры криминалистики Омской академии МВД России, доктор юридических наук. E-mail: baranov@omamvd.ru

Бердникова Наталья Сергеевна, аспирант Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. E-mail: Skripka_n@bk.ru

Берзин Борис Юрьевич, доктор философских наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: berzin@duma.midural.ru

Борисенков Александр Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры истории и политологии Государственного университета управления, г. Москва. E-mail: borisenkov_va@mail.ru

Бузин Валерий Николаевич, кандидат социологических наук, руководитель отдела региональных исследований Аналитического центра «Видео Интернешнл», г. Люберцы. E-mail: vbuzin@vitpc.com

Бухтиярова Татьяна Ивановна, доктор экономических наук, профессор кафедры бухгалтерского учета и анализа хозяйственной деятельности филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Челябинске. E-mail: viola_1_49@mail.ru

Гарбатович Денис Александрович, декан юридического факультета Челябинского филиала Университета Российской академии образования, кандидат юридических наук. E-mail: garbatovich@mail.ru

Денисов Артем Вадимович, соискатель кафедры государственного права Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: denisovartem@yandex.ru

Егорова Татьяна Александровна, заместитель начальника Департамента финансово-экономической политики государственной корпорации «Ростехнологии», г. Москва. E-mail: T.A.Egorova@rostechn.ru

Золина Галина Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель главы администрации (губернатора) Краснодарского края, г. Краснодар. E-mail: kubgu@inbox.ru

Зырянова Наталья Сергеевна, аспирант Челябинского государственного педагогического университета. E-mail: natasha.zyrianova@gmail.com

Кантор Регина Игоревна, старший преподаватель кафедры менеджмента Уральского института бизнеса, г. Челябинск. E-mail: jinka@mail.ru

Квасова Нина Александровна, старший преподаватель кафедры естественно-научных и социально-гуманитарных дисциплин Магнитогорского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: tinatin58@mail.ru

Киричёк Пётр Николаевич, заведующий кафедрой культурологии и социальной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, г. Москва. E-mail: kirichek@ur.rags.ru

Кондратьев Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Курганского пограничного института ФСБ России. E-mail: kondratjev-s.m@yandex.ru

Ларин Юрий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: jvlarin@mail.ru

Лоскутов Владимир Анатольевич, доктор философских наук, профессор Уральского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: rector@uapa.ru

Мазунин Яков Маркиянович, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Омской академии МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации. E-mail: yakovmazunin@yandex.ru

Манаков Никита Сергеевич, социолог Дальневосточного государственного аграрного университета, г. Благовещенск. E-mail: kombinator1992@mail.ru

Павлов Александр Валентинович, доктор философских наук, профессор Тюменского государственного университета. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Пиликин Георгий Геннадиевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург. E-mail: ukf@r66.ru

Подвинцев Олег Борисович, директор Пермского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, доктор политических наук, профессор. E-mail: ipl_perm@mail.ru

Прилукова Екатерина Григорьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры международного менеджмента Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск. E-mail: eg_prilukova@rambler.ru

Реймер Валерий Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Дальневосточного государственного аграрного университета, г. Благовещенск. E-mail: valer-ken@rambler.ru

Скоробогацкий Вячеслав Васильевич, доктор философских наук, профессор Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru

Судаков Максим Николаевич, аспирант кафедры акмеологии и психологии профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва. E-mail: oper-news@mail.ru

Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Екатеринбург. E-mail: Mikhail.feldman@uapa.ru

Фёдорова Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры коммерции и маркетинга Челябинского института (филиала) Российского торгово-экономического университета. E-mail: evfedorova73@mail.ru

Филипповская Татьяна Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург. E-mail: ftatyana@mail.ru

Шестопалов Евгений Владимирович, зав. кафедрой теоретических основ физической культуры Магнитогорского государственного университета, кандидат технических наук. E-mail: eugene-52@yandex.ru

Шишков Василий Валерьевич, кандидат политических наук, доцент кафедры истории государства и права юридического факультета имени М. М. Сперанского Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва. E-mail: fh55@mail.ru

Шмурыгина Ольга Владимировна, декан факультета заочной формы обучения Института социологии и права Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург. E-mail: shmur-olga@yandex.ru

AUTHORS OF THIS ISSUE

Amanova Lyalya Mulagalimovna, Candidate of Pedagogic Sciences, Scientific Associate of the South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: eg_prilukova@rambler.ru
Artemova Anastasiya Nikolaevna, Associate Professor of the Chair of Finances and Credit of the Ural Social and Economic Institute of the Academy of Labor and Social Relations, Chelyabinsk. E-mail: na02@yandex.ru
Baranov Aleksandr Mikhailovich, Head of the Chair of Criminalistics of the Omsk Academy of the Ministry of Home Affairs of Russia, Doctor of Juridical Sciences. E-mail: baranov@omamvd.ru
Berdnikova Nataliya Sergeevna, Postgraduate Student of the Perm Branch of the Institute for Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: Skripka_n@bk.ru
Berzin Boris Yurievich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Theory and Sociology of Administration of the Ural Institute – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: berzin@duma.midural.ru
Borisenkov Aleksandr Aleksandrovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of History and Political Science of the State University of Administration, Moscow. E-mail: borisenkov_va@mail.ru
Buzin Valeriy Nikolaevich, Candidate of Sociological Sciences, Supervisor of the Department of Regional Studies of the «Video International» Analytical Center, Lyubertsy. E-mail: vbuzin@vitpc.com
Bukhtiyarova Tatiana Ivanovna, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Accounting and Analysis of Economic Activities of the Branch of the All-Russian Correspondence Institute for Finance and Economics in Chelyabinsk. E-mail: viola_1_49@mail.ru
Garbatovich Denis Aleksandrovich, Dean of the Law Faculty of the Chelyabinsk Branch of the University of the Russian Academy of Education, Candidate of Juridical Sciences. E-mail: garbatovich@mail.ru
Denisov Artem Vadimovich, Applicant of the Chair of State Law of the Ural Institute – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: denisovartem@yandex.ru
Egorova Tatiana Aleksandrovna, Deputy Chief of the Department of Financial and Economic Policy of the "Rostekhnologii" State Corporation, Moscow. E-mail: T. A. Egorova@rostechn.ru
Zolina Galina Dmitrievna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Deputy Head of Administration (Governor) of the Krasnodar Region, Krasnodar. E-mail: kubgu@inbox.ru
Zyryanova Nataliya Sergeevna, Postgraduate Student of the Chelyabinsk State Pedagogical University. E-mail: natasha.zyrianova@gmail.com
Kantor Regina Igorevna, Senior Lecturer of the Chair of Management of the Ural Institute of Business, Chelyabinsk. E-mail:
Kvasova Nina Aleksandrovna, Senior Lecturer of the Chair of Natural and Social Disciplines and the Humanities of the Magnitogorsk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: tinatin58@mail.ru
Kirichek Petr Nikolaevich, Head of the Chair of Culturology and Social Communication of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Moscow. E-mail: kirichek@ur.rags.ru
Kondratiev Sergey Mikhailovich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Civil Law Disciplines of the Kurgan Frontier Institute of the Federal Security Service of Russia. E-mail: kondratjev-s.m@yandex.ru
Larin Yuriy Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Chair of Philosophy of the Tyumen State University. E-mail: jvlarin@mail.ru
Loskutov Vladimir Anatolievich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Ural Institute – the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: rector@uapa.ru
Mazunin Yakov Markiyanovich, Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Chair of Criminalistics of the Omsk Academy of the Ministry of Home Affairs of Russia, Honoured Lawyer of the Russian Federation. E-mail: yakovmazunin@yandex.ru
Manakov Nikita Sergeevich, Sociologist of the Far East State Agrarian University, Blagoveshchensk. E-mail: kombinator1992@mail.ru
Pavlov Aleksandr Valentinovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Tyumen State University. E-mail: av-pavlov@mail.ru
Pilikin Georgiy Gennadievich, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Chair of Business Law of the Ural State Law Academy, Yekaterinburg. E-mail: ukf@r66.ru
Podvintsev Oleg Borisovich, Director of the Perm Branch of the Institute for Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Political Sciences, Professor. E-mail: ipl_perm@mail.ru
Prilukova Ekaterina Grigorievna, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Chair of International Management of the South Ural State University, Chelyabinsk. E-mail: eg_prilukova@rambler.ru
Reimer Valeriy Viktorovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Chair of Economics of the Far East State Agrarian University, Blagoveshchensk. E-mail: valer-ken@rambler.ru
Skorobogatskiy Vyacheslav Vasilievich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Ural Institute – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: vyacheslav.skorobogatsky@uapa.ru
Sudakov Maksim Nikolaevich, Postgraduate Student of the Chair of Acmeology and Psychology of Vocational Aspiration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. E-mail: oper-news@mail.ru
Feldman Mikhail Arkadievich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Chair of State and Municipal of the Ural Institute – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg. E-mail: Mikhail.feldman@uapa.ru
Fedorova Elena Vladimirovna, Senior Lecturer of the Chair of Commerce and Marketing of the Chelyabinsk Institute (the Branch) of the Russian University for Trade and Economics. E-mail: evfedorova73@mail.ru
Filippovskaya Tatiana Vladimirovna, Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor of the Ural State University for Economics, Yekaterinburg. E-mail: ftatyana@mail.ru
Shestopalov Evgeniy Vladimirovich, Head of the Chair of Theoretical Foundations of Physical Culture of the Magnitogorsk State University, Candidate of Engineering Sciences. E-mail: eugene-52@yandex.ru
Shishkov Vasiliy Valerievich, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Chair of History of State and Law of the M. M. Speransky Law Faculty of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow. E-mail: fh55@mail.ru
Shmurygina Olga Vladimirovna, Dean of the Faculty of Correspondence Training of the Institute for Sociology and Law of the Russian State Vocational and Pedagogical University, Yekaterinburg. E-mail: shmur-olga@yandex.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая список литературы*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф. И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5–2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules.»

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run though the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.

Tel. 7 (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

* A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.